Ольга Лебедь

Звездные Духи

Дух Января

12+

Ольга Лебедь

Звездные духи. Дух Января

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42539170
SelfPub; 2019

Аннотация

Джина Янви и представить не могла, чем обернется ее мечта побывать в мире людей. Отвергнутая своим народом, она вынуждена доживать на земле последние дни, теряя силы. Способа вернуться домой, увы, нет.Но остается, хоть и призрачная, надежда. Если Джина успеет отыскать своего первого заклинателя и вновь заключит с ним договор, связывающий небо и землю, ее, возможно, примут обратно. Но стоит ли искать человека, который обрек тебя на гибель? Книга вошла в лонг-лист 6 сезона конкурса "Новая детская книга" (2015)Дизайн обложки: Арина Швигинева.

Содержание

Пролог 6
Часть 1. Январь 11
Глава 1. Долгожданный вызов 11
Глава 2. Заклинатель духов 21
Глава 3. Договор 28
Глава 4. Земное время 44
Глава 5. Своевременное спасение 60
Глава 6. Поединок звезд 74
Глава 7. Звезда 93
Глава 8. Неожиданный повод 102
Глава 9. Гости с земли 119
Глава 10. Фестиваль «Звезды с неба» 137
Глава 11. Выпускной 160
Глава 12. Мешок 180
Часть 2. Земной цикл 186
Глава 13. Жизнь длиною в год 186
Глава 14. Умные люди 234
Глава 15. Вестники октября 246
Глава 16. Идеальное место 256
Глава 17. Храм 287
Глава 18. Воспоминания 298
Глава 19. Невидимое глазу 311
Глава 20. Внутренний мир 327

Глава 21. Змеи 352
Глава 22. Смерч 367
Эпилог 378

Когда мне бывает туго, я просто представляю себе звезды… и как они смотрят на нас оттуда, сверху. Здесь, на Земле, нам кажутся важными всякие мелочи. А на самом деле мы крошечные искорки во Вселенной, хоть и являемся ее неотъемлемой частью.

Хелен Браун

Пролог

Я с наслаждением потянулся, жмуря на слабое солнце глаза. Четыре сотни. Эх, в этот раз улов и правда получился достойный. Жаль только, что четыре пятых уйдет на расплату с долгами, – трактирщику давно уже надо отдать деньги, а то в следующий раз будут болеть не только бока – да и Есню заплатить следует, зато раз и навсегда отвяжусь (если опять взаймы не понадобится). Хоть хибарка своя – вовремя же бабка та откинула ножки, все-таки везет иногда с призревающими.

Так-так, Воложку, и да, Иргу надо покликать, авось сподобятся со мной на задание, а деньги на троих. Только вот Иргу еще достать надо, кто его знает, в какое увеселительное его занесло на этот раз.

Я встал и побрел заваривать чай. Будем решать проблемы по мере поступления. А то навалятся разом, так и голова взорвется, и никакого мага не надо в помощь. Где-то тут у меня должны быть печеньки…

А все-таки неправильно друг поступил. Эх, неправильно! Уж сколько раз над этим думаю, а девку так обижать – зверюга он, хлеще, чем я! Оно ж за милю было видно, как она на него смотрит. Эх, дурак! Я, что правда, ничего не понимаю в отношениях таких, как они, но… И девушку обидел, и мы с ней не увидимся никогда. Ее не пожалел, а друзей обижать,

значит, и можно?

Эх!.. Не забыть бы – первым делом зайти к трактирщику…

Мои мысли прервал стук в дверь. Кружка чая замерла аккурат около губ, а сам я уставился на вход. Хм… Ну, уйди же, давай, у меня не хватит денег еще на одного, что я кушать буду? Но стук не прекращался, стал настойчивее, как будто кто-то упорно, но из последних сил, уже прислонившись о косяк, стучит в мою деревянную дверюшку. Нет, нет, никого нет дома, уходи!..

Ах, черти, ладно, дверь только пожалей!

– Иду я, иду, пожалей деревяшку! – приговаривая, чтобы незваный гость не снес мне ее с петель, я подошел. Вдохнул – хоть бы не Есня! – и с легкой улыбкой отворил засов.

И обомлел.

Зоя блестела черными глазищами из-под разделочного стола. Я кинула ей веточек рябины, которые с хрустом исчезли за ее белесыми клычками. Пять заказов на сегодня – довольно скудная работка на день, учитывая, что все они сводились к примочке от ноющих вен. В окно на лету постучалась клювом ворона, я запульнула в нее пустой солонкой. Воровка выронила из клюва очередное письмо от оболтуса, когда ей между глаз впечаталась керамика, пролетев сквозь застекленное окошко, и с гаком птица удалилась восвояси. Зоя запрыгала прочь от стола, раскрошив по полу веточки,

я прикрикнула на нее и кинула измельченную белую вербу в общую миску. Подорожник, рута, тысячелистник и каштан уже были там. Я сходила в сад и нарвала малины и ромашки, перемешала все ингредиенты и вспомнила, что алтей я так и не нашла.

Вздохнула, прикинув цену, которую мне заломит Игита за один-единственный корешок, и решила купить еще и яблок, чтобы на оставшиеся два заказа сделать уксус. Побранив стрекочущих сорок, направилась в восточный рыночный сектор.

Невозможно было описать, с какой ехидной беззубой улыбочкой встретила мою просьбу старая Игита. Я пооралась с ней, потому что изводить ингредиенты не в моем стиле, пусть даже один из них будет стоить мне двухдневной голодовки при отсутствии заказов, все-таки сторговалась на двух третях цены и забрала белый мешочек с корнями, не забыв при этом задеть им по ее горбатому носу. Вякай – не вякай, я ничего не слышу, старая карга!

Ужасно надоело стрелять глазами в этих самовлюбленных болванов. Хоть бы одного убило! Вот пожалеешь, что не родилась мужчиной. Тогда бы я могла стать магом и пригвоздить этих индюков одним взмахом волшебной палочки! Определенно, Бог меня не любит. Так почему же еще не любит богиня-мать?

Сгинь! – кошка сильно зашипела и, заплетаясь в черных лапах, исчезла прочь. Ненавижу этих созданий. Еще хуже во-

рон. Те, по крайней мере, глупые. Как хорошо, что Зоя не кошка, никогда бы себя не простила за нелюбовь к этому созданию. Хотя она тоже не сахар.

У центрального фонтана в этот час было безлюдно. Но бог эту странность. Соловьи, – какого черта эти лесные сороки ошиваются здесь второй месяц?! – маскируясь под синиц, летали над водой, лениво касаясь ее клювами. На меня не обращали внимания – и почему, скажите мне, вы не мужики? Тем не менее, их пернатый друг, со странным полосатым оперением на лапах, летел прямо на меня. Стукнуть что ли, гадину?

Но присмотрелась – нет, не их родня. Это же… ястреб? Что случилось, матушка-матерь?

Птица села мне на локоть, и я с волнением сдернула с ее лапы сверток – не цапай, дура, иначе яблоко клевать у меня будешь! Лента красная. Да еще и на ястребе. Кошки саблезубые…

Пока читала послание, глаза все больше вылезали на лоб. А ястреб все больше трепал мои волосы. В конце концов, я выронила корзинку, и птица с недовольным выкриком затрепала крыльями и стала нарезать вокруг круги. Но я не обращала на эту дуру внимания.

Я не верила глазам. Что.. ч-черт.. какого черта?!

Ковен – *гаденыш*. Ты получишь у меня, мелкий сыч…

«Нужна твоя помощь. Я везу к тебе звезду. Она умирает. Никому не говори. Риден».

***

Переулок. Темный, хотя, судя по солнцу, сейчас едва за полдень. Повсюду мусорные баки и вязкий запах отбросов. Ужас подбирается к горлу. Я метнулась к стонущему серому мешку и отвязала горловину. У меня перехватило дыхание.

– Ты пришла…

Я смотрела на лицо, как безумная. Потом взглянула на свои руки. Грязные. Почему на них нет крови? Из моей груди вырвалось что-то, похожее на взрыд.

Я накрыла голову мешком и опустила тело на землю. Мне хотелось плакать, но почему-то слез не было.

А потом… я с нарастающим ужасом смотрела на свои руки, затем стала ощупывать тело. Горло сковал лед.

Я оказалась в ловушке.

Часть 1. Январь

Глава 1. Долгожданный вызов

За шесть недель до события

Я вылетела из дома как ошпаренная. Еще бы: опять опаздываю!

– Подождите! Ради неба!

Из автобуса привычно донесся заливистый смех, когда я на всех парах влетела в закрывающийся проем.

– Спасибо! – на одном дыхании вырвалось у меня.

– Джин-джин как всегда! – хихикали девочки, парни благодушно скалились в мою сторону.

– Джина, садись, – я различила лицо подруги с конца автобуса, она махнула мне рукой, – поехали уже!

Школьный автобус тихонько покатил по весенним улицам.

– Боже, почему ты каждый звездный день выкидываешь фокусы? – раздраженно сказала Лиза, злобно зыркая в сторону хихикающих одноклассниц.

– Прости, это единственный мой недостаток! – виновато произнесла я, потягивая молоко из коробочки.

– Ты себе льстишь, – подруга перевела чернющие глаза на

меня. – Ты не забыла, какой сегодня день?

– Как же, забудешь, – я устало вздохнула. Тем не менее, я чувствовала некоторое возбуждение, что не могла не заметить Лиза.

– Я тоже волнуюсь, – сказала она. – За тебя.

– Ты всегда умела подбодрить.

Мы выехали на главную улицу, по бокам которой зеленела растительность. Деревья соревновались в высоте, а кустарники представляли собой природную ограду. До школы рукой подать.

– Уже придумала, что будешь говорить?

– А как было у тебя в первый раз? – тут же перебила я подругу.

Она не нашла ничего проще, чем вздохнуть.

– Ничего особенного. Сùла оказалась девушкой добродушной, тоже новичком. Мы поболтали немного и заключили договор.

– Ясно, – не очень-то успокоили меня слова подруги, но вежливость в первую очередь.

– Правда, она оказалась еще и жуткой двоечницей, поэтому договор пришлось переписывать трижды, пока на нем не осталось ни единой ошибки.

– Как думаешь?..

– Все будет в порядке! – дружелюбно улыбнулась Лиза. – Первый раз есть первый раз, но это же не конец света.

– Да, конец света – это когда мы гаснем. Проходили, –

кивнула я и шумно потянула через трубочку молоко, заглушая размышления.

Первым делом, едва я успела пройти ворота, меня вызвали к директору.

– Джина Янви, сегодня знаменательная для вас дата!

– Да, я не забыла, – я неуютно помялась на пороге, не привыкшая бывать в кабинете Абенгейла.

– Вы ознакомлены с инструкцией?

– Да, я проходила инструктаж.

– Документы при вас?

– Угу, – буркнула я, показывая бумаги.

– Правила знаете?

– Появляться по первому зову, полностью подчиняться, не предавать, посвятить свою жизнь владельцу. Все прописано в договоре, – едва размыкая губы, оттарабанила я.

– Отлично, вы все помните! Не смею вас больше задерживать. Ступайте на урок!

– Директор, а когда это случится? – решилась задать я больше всего интересующий меня вопрос.

– Когда угодно, лу̀на Янви, когда угодно, начиная с сегодняшнего дня, – улыбался Абенгейл, покачиваясь (удивительное умение) на пятках.

– То есть это может случиться и не сегодня? – оторопело воскликнула я.

– Все может быть, – пожал плечами директор. – Но обычно договоры долго без скрепления не остаются. Не стоит вол-

новаться, луна Янви, следуйте в свой класс.

– Мне он сказал то же самое, когда полгода назад вызвал в кабинет, – поделилась воспоминаниями Лиза, когда учитель писал на доске новую тему. – Теперь ты понимаешь, что ничего особенного не произойдет?

– Это тебе ничего особенного! – возмутилась я. Пара улыбок не замедлила появиться по этому поводу.

– Луна Янви, потише, у нас идет урок, – учительница недовольно взмахнула белесой челкой.

– Я ведь впервые увижусь со своей хозяйкой, будущей великой волшебницей, – громко зашептала я. – А вдруг я ей не понравлюсь?

– Эх, Джина, вот мне Сула уже маленько надоела, – не обращая на мои опасения внимания, продолжила гнуть свою линию подруга. – Вызывает меня по малейшему поводу! И как у нее только силы хватает. Я не для того с ней договор заключала, чтобы за нее котлы чистить!

– Но ведь она готовится к занятиям, Лиза, ты сама говорила, что она не отрывается от книжки.

– Если бы ее подготовка хоть на что-нибудь годилась! Надоела уже ингредиенты взрывать! Весь дом пропах лягушачьими лапками! И ее метла могла бы вести себя повежливей.

– Эх, Лиза, что ты придираешься, ты была в мире людей, – мечтательно вздохнула я. – Как там у них все устроено?

– Да ничего особенного, – отмахнулась от меня Лиза, но я отставать не собиралась. – Все как у нас, только звезды разве

что на небе встретишь и только ночью.

– Вот это меня больше всего удивляет. Звезды – и только ночью?

– И только на небе, – не преминула напомнить подруга.

Учительница постучала указкой по столу, призывая всех к тишине.

– Лиза, – шепнула я. – А что ты почувствовала, когда тебя впервые вызвали к людям?

Подруга задумалась.

– Было какое-то предвкушение. И покалывание было. Вот здесь, – она указала на место сердца. – Хотя, может, я все это выдумала. Девочка мне сразу понравилась. Она показалась мне способной. Прочитала все как по ритуалу, правильные жесты сделала, меня попотчевала млечным молоком.

– О-о, какая молодец! – восхитилась я.

– А потом прочитала договор, и мы скрепили его подписями. Экземпляр, как ты знаешь, хранится у директора.

– Кру-уто, – завистливо протянула я, удостоившись недовольного взгляда классной.

Скоро, скоро буду в мире людей…

– Что ты так переживаешь? – улыбнулась Лиза. – Ты же одна из лучших учениц в школе, тебе не о чем волноваться. Та, что тебя вызовет, как минимум подает большие надежды.

– А максимум? – зачем-то уточнила я.

– А максимум, – Лиза гордо посмотрела на меня, – станет одной из величайших волшебниц в мире!

Не знаю, с каким выражением на лице я сидела, но каждый проходивший мимо школьник одаривал меня сочувствующим взглядом.

– Ну когда же, ну когда же, НУ КОГДА ЖЕ!!! – я плюхнулась лбом в тарелку. Благо она была пустой.

Лиза придирчиво дожевала клубничку и наконец удостоила меня своим вниманием.

– Джина, все будет.

– НУ КОГДА ЖЕ! – ни в чьих глазах прежде не было столько мольбы, как в моих.

– Откуда я знаю? Может, ты пока ей не нужна?

– КАК ЕЙ МОЖЕТ БЫТЬ НЕ НУЖНА ЛУНА!

– Как-нибудь да может, – пожала плечами Лиза. – Надейся, что она разумнее, чем моя Сула, и не будет вызывать тебя по пустякам.

– Лииизаааа!!! Я хочу в мир людей! Я хочу иметь хозяйкуууу!

– Будет. Все будет, – подруга была спокойнее всех звезд на свете.

– Йо! По чем кручинитесь?

– Привет, Соул, и если ты не заметил, кручинится тут только Джина.

Друг, которого редко увидишь без скейтборда, крутанул его и приставил к столу.

– Так в чем проблема?

– Ты разве не помнишь? Сегодня Джине исполнилось семнадцать.

– А, да это ж круто!

– Вот тебе круто, Соул, у тебя уже есть хозяин! – заныла я. – А меня до сих пор не вызвали-и!

– Это проблема, хм.

– Никакая это не проблема, Соул, – Лиза была непреклонна. – Вот тебя когда вызвали?

– Ммм, через три часа.

– А-а-а-а!!!

– А могли бы вызвать и через три дня, – парировала Лиза. – Договор – штука не срочная. Впопыхах его лучше не заключать.

– Ну когда же, ну когда же, ну когда же…

Лиза и Соул чокнулись стаканами.

– А!

И в груди что-то защемило, я почувствовала приятный пробирающий холодок.

– Начинается… Начинается! – закричала я на всю столовую. Лиза с Соулом аж подпрыгнули на месте.

– Ребята, меня вызывают! – моему счастью не было предела. Я успела заметить улыбки на лицах друзей, произносящих следующий тост в мою честь, как вокруг меня закружились белоснежные шарики, закрывая обзор.

– Ну наконец-то, наконец-то я встречусь со своей хозяйкой! Интересно, какая она будет? Хочу, чтобы была краси-

вая, но не так, чтобы я ей завидовала.

Ветерок подхватил меня, шарики слились в одну белую метель. Меня уносило в мир людей…

Когда ветер утих, оставляя меня и мои медные волосы в покое, шарики рассыпались снегом, и я наконец смогла оглядеться. Хм, действительно ничего впечатляющего. Я еще никогда не находилась в таком темном помещении. Обычно ведьмы обладают пристрастием к свечам, моя хозяйка, похоже, избежала этого порока. Или ведьма только нашей Лизе досталась?.. Я пошарила в холодной темноте ногой, к счастью, ни на что не наступила, и решила все-таки использовать свои звездные знания.

– Люкси, – прошептала я на ивлыни простое заклинание первого уровня – мы его еще в начальной школе проходили – и над моей ладонью зажегся белый светящийся шарик.

Снежок осветил стены… пещеры? Много минералов различных расцветок, виднеющиеся вдалеке проходы. Вот уж рай для гномов, да и только! Неужели моя хозяйка живет в таком месте? Или она решила обворовать одну из шахт, и я понадобилась ей в качестве тягловой силы? В голове заныли воспоминания о сегодняшнем разговоре с Лизой. Ну уж нет! Я не позволю какой-то волшебнице, пусть даже моей хозяйке, использовать меня в такой грязной работе! Надо будет указать этот пункт в договоре.

Я тихонько проследовала вдоль стен. Не буду я звездным

духом, если заплутаю в этих темных переходах. Я попадала и в худшие переделки стараниями моего любимейшего друга Соула. Но куда же мне идти? Где моя будущая повелительница?

Я попыталась сосредоточиться. Конечно, лучше было бы, если бы договор был подписан. По словам Лизы, после его заключения я смогу почувствовать хозяйку в любой точке Вселенной. Но вот что делать, если этого еще не произошло?

Но стоп-стоп-стоп. Она же смогла меня вызвать? Значит, и я смогу ее почувствовать. Пусть даже совсем слабо. Не зря же я считаюсь первой по успеваемости среди учениц!

Я закрыла глаза, пытаясь расслабиться. Это мне всегда помогало найти правильный ответ на экзамене или сориентироваться в направлении решения сложной задачи. Не искать ничего определенного, просто почувствовать мир вокруг себя, все окружающее меня пространство, все вещи, находящиеся на своих местах, все человеческие души, в окружении этих вещей… Все души… Да, я вижу ее!

Душа хозяйки светилась ярким синеватым светом. Мы были похожи как две капли воды, потому как если верить учителю духовной магии, моя душа была белоснежно-голубой. Душу девушки окружали другие, более темные по цвету, толпящиеся вокруг нее полукругом… Ой-ой, это же не к добру!

Я распахнула глаза, сохраняя перед взором облик души. Надо спешить. Вдруг ей грозит опасность! Теперь ни один

поворот не казался мне бессмысленным, теперь я знала, где она, моя волшебница…

Я резко вырулила из-за камня. Толпа людей обернула ко мне свои лица, и вот моя хозяйка сидит на полу, прижатая к холодной стенке. Я никогда не видела такую яркую душу! Необходимость во втором зрении отпала, в моих глазах погас потусторонний голубой свет, и я впервые увидела ее. Свою…

Что происходит?

Глава 2. Заклинатель духов

– Лиза Джули, где Джина?

– Она немного задержится. У нее сегодня первый вызов.

Учитель музыки понимающе качнул головой и продолжил урок.

– Слушай, а ты уверена, что она успеет вернуться? – поинтересовался Соул, пристроившийся рядом с подругой. На уроки музыки обязаны были ходить все старшие потоки.

– Надеюсь, что будет так, – Лиза потеребила губу ноготками. – Интересно, что ее могло задержать?

Я недоуменно смотрела на дюжину человек, столпившихся вокруг сжавшегося в комок пацана. Двенадцать пар глаз взаимно уставилось на меня. Лица слегка освещались лунным светом шаров, установленных по периметру пещеры, отчего могло показаться, что здесь собрались призраки. Наконец от группы отделилась женская фигурка, и на меня хищно воззрилась невысокая девица.

– Ты кто такая, черт тебя подери?

– А вы кто такие? – я была удивлена, но это не мешало мне понимать, что вежливость при таком обращении я проявлять не обязана.

– Мы? – девица оскалилась. – Мы те, кто может содрать с тебя три шкуры, если немедленно не ответишь на мой во-

прос.

– Я не настолько жестока, но также могу надавать людям по заслугам, если еще хоть раз услышу подобное ко мне обращение!

Девица прищурилась и хлопнула в ладоши.

– Кончайте с ней! – распорядилась она, и на меня двинулось несколько человек. Тут все-таки дошло, что препираться больше шанса не будет.

– Это ты меня вызвала?

Девчонка обернулась, смерив меня оценивающим взглядом. Ее люди застыли на месте.

– Повтори.

– Это ты меня вызвала? – послушалась я и недовольно добавила: – Что тут непонятного?

Девица некоторое время смотрела на меня, а затем перевела взгляд на пацана.

– Так ты еще и маг? – в ее голосе послышались гневные нотки. – Осмелился позвать на помощь?

– Погодите, – недоуменно произнесла я.

До меня смутно начал доходить пока далекий смысл ее слов.

Мальчишка испуганно поднял глаза на возвышающуюся над ним девушку. Не знаю, пытался ли он что-нибудь сказать, но с его стороны не донеслось ни звука. Я лихорадочно соображала. Нет, не может быть…

– Ты заслуживал долгой и мучительной смерти, но учиты-

вая обстоятельства, я попрошу мальчиков сделать все быстро. Но очень больно!

Девчонка двинула головой, и четыре руки подхватили пацана под мышки.

– Прикажи мне что-нибудь! – наугад крикнула я, все еще не веря такой очевидной правде.

– Приказать? – девчонка облизнула губы. – О, какая ты милая! Хорошо, тогда нанеси ему первый удар. Он будет не смертельный, но каково это, получить его от той, которую звал на помощь!

Я встала напротив мальчишки. Его поддерживали двое здоровенных парней, голова уныло понурена. Одежда была порванной и грязной, будто он лазил по этой пещере уже долгое время. Кожа на лице шелушилась. Он чуть приподнял голову, взглянув на меня исподлобья. Никогда я еще не видела такого жалостливого взгляда. Он побил даже взгляд Соула, когда тот просил у меня в прошлую весну билет на скейтбординг.

– Ну же, чего застыла?

Я прикрыла глаза, открывая второе зрение. Темнота пещеры осветилась для меня тринадцатью душами, и самая яркая, белоснежно-синяя, была прямо передо мной. Я чуть не слепла в ее сиянии. У меня больше не осталось сомнений.

– Эй, девка, мне тебя долго еще ждать? – наглая девчонка подошла ко мне ближе, и в этот момент я развернулась к ней лицом.

– Как ты смела меня обманывать! – я залепила ей пощечину. Девчонка от неожиданности не удержалась на ногах.

– Спасите… – услышала я слабое дыхание сзади. Неожиданно у меня будто прибавилось сил. Я ощутила себя самым могущественным небесным созданием из когда-либо живших.

– Ну что ж, поехали!

Не зря я считалась одной из лучших учениц в нашей школе. Таких острых стрел, мощных снежков и горькой метели ребята еще долго не увидят. Когда парни, державшие мальчишку, поспешили закрыть глаза от колючего мелкого снега, я подхватила пацана за талию – Юпитер, какой же он легкий – как девчонка! – и поспешила убраться подальше, пока устроенный мной снежный потоп не превратился в каменный. Удивительно, но я четко знала, где расположен выход, и уверенно бежала по коридорам, даже не нуждаясь в освещении.

***

Лиза постучалась в дверь. Через пару секунд открыла женщина.

– Здравствуйте, нѐта Юль. Джина еще не приходила?

– Как? Я думала, вы вместе будете, – удивилась хозяйка дома, и на ее лице не преминуло появиться выражение тревоги.

– Нет-нет, все в порядке, просто у нее сегодня случился первый вызов, и я думала, что она уже успела вернуться домой.

– Первый вызов? Так это замечательная новость, Лиза! Заходи, я угощу тебя чем-нибудь. Ты принесла такие хорошие вести!

– Право, не стоит, – вяло отмахнулась девушка, но все же зашла внутрь. «Интересно, почему же она так задерживается?» – подумалось ей.

Солнце было в самом зените и искрилось в редких островках снега, когда я выбралась вместе со своей ношей из пещеры. У меня было стойкое ощущение, что все же обвал я устроила. Ну, не надо было меня так злить.

Вокруг такая красота, а у меня нет времени смотреть по сторонам в свой первый день.

Я прислонила мальчишку к камням в тени, прежде проверив их на температуру, – эх, все равно холодные, снег же везде – и бегло оглядела его с ног до головы. Что ж, к тому, что я успела разглядеть в пещере, добавились черные, как сажа, волосы, но подсказывало мне чутье, что этому и была виной сажа, так как в ней были вымазаны и руки. Я вздохнула, сетуя на судьбу за такой подарочек, и легонько потрясла его за плечи.

– Эй, мальчик, говорить можешь?

Он поднял на меня синие, как глубина Вселенной, глаза

и, кажется, улыбнулся уголком рта.

– Ты знаешь, что ты мой хозяин?

На его лице отразилось недоумение.

– Ты знаешь, что ты меня вызвал?

Он подумал, а потом покачал головой. Я пребывала в некотором шоке.

– Ты что, не в курсе, что ты заклинатель?

– Кто? – хрипло отозвался он и откашлялся.

– Заклинатель духов! Я звездный дух, понимаешь?

Мальчик уставился на меня безумными глазами, в ужасе разглядывая мое тело.

– Я из плоти и крови, нечего на меня глазеть! – разозлилась я. Его глаза испуганно замерли в одной точке, которой оказался мой нос.

– Ты слышал что-нибудь про договор между такими, как мы, про магию?

Мальчик поспешно замотал головой, а я в свою очередь схватилась за свою. Духи Вселенной, за что мне такое наказание?!

Я хмуро прошествовала через прихожую и начала подниматься по лестнице.

– Джина, доченька, ты наконец-то вернулась! – услышала я радостный голос мамы. Из гостиной на меня смотрела взволнованная Лиза.

– Не сейчас, мама, – угрюмо ответила я. – Сейчас я больше

всего на свете мечтаю о млечном душе, да погорячее.

– Хм, мне показалось, или ее одежда была измазана сажей? – протянула подруга, я заспешила наверх.

– Это еще что, – слышала я затухающий голос, – мой первый договор произошел под водой. С кем не бывает!

Глава 3. Договор

– Слушайте музыку сфер! Не отвлекайтесь!

– Не отвлекаемся… – отозвался класс недружным хором. Я и вовсе сидела с угрюмым видом и буравила нотную доску глазами. Ноты под моим тяжелым взглядом бурно перемешивались в который раз. Лиза, вертевшая головой уже минут десять, наконец остановила на мне взволнованный, но от этого не менее заинтересованный взгляд.

– Джина, рассказывай! – решилась она на вопрос. – Что у тебя стряслось?

Я хмуро глянула в ее сторону. Материализовавшийся в этот момент Соул неудачно попал под этот обстрел.

– Ох, девчонки… – начал было он, но тут меня прорвало. Не умею я копить в себе злость долго.

– Что тут рассказывать?! Не повезло мне с заклинателем! – Я тяжело вздохнула и стукнула кулаком по столу. Шикать на меня не стали. Опасно же.

– То есть? – на всякий случай уточнила Лиза. Соул чуть подтянулся, приготовившись слушать интересную историю.

– Новичок! Во всех смыслах! Даже не знает о том, что обладает силой призывать духов! О магии только понаслышке!..

– Но-но… Джин… – пытались успокоить ребята, у которых глаза вылезли на лоб от моей тирады.

– Что? Что?! Как вызвал? Само получилось! И если бы не мои навыки ориентации в пространстве, от моего неудавшегося хозяина остались бы только рожки да ножки!

– Э-э?

– Из передряги вытаскивать! Надо мне еще в пещеры таскаться и приводить его в чувство.

– Что?! – у Соула глаза окончательно стали кругляшками, а Лиза умудрилась нахмуриться на одну бровь, отчего немного окосела.

– Да, да! – наверное, у меня было очень страшное лицо, раз ребята так синхронно отшатнулись. – Мне попался беспризорник и попрошайка, зато обладающий исключительными магическими способностями!

Учитель стукнул по фортепиано кулаком, потер руку и в воцарившейся тишине продолжил выводить мелодию.

– Ведь это же хорошо… – начал было Соул и отшатнулся повторно. Не зли меня, дружок!

– Может, тебе с первого взгляда показалось? – осторожно, хмурясь уже на оба глаза, сказала Лиза.

– Что показалось? – недовольно уточнила я.

– Ну, передряга, это… бывает.

– Со мной – нет! – учитель шикнул на меня, но тише говорить я не собиралась. – Я лучшая в потоке, одна из лучших в школе, и какого духа мне попадается этот!..

– Погоди! – остановила меня Лиза и неуверенно оглянулась на Соула. – Почему ты все время говоришь… «он»…

Я на секунду зависла, а потом, подозрительно сузив глаза, уставилась на товарищей. До них наконец-то дошло!

– Что?! – воскликнули оба, но Соул с опозданием.

– Да, – начала я, и рявкнула: – У меня ПАРЕНЬ!

Весь класс подпрыгнул, и на этот раз даже учитель уделил мне немного тишины.

Ребята смотрели на меня испуганными глазами.

– У тебя появился парень, Джина? Поздравляю! – вякнул кто-то знакомый с середины рядов, но на этом желающие закончились.

– Что?! – глупо повторили мои узколобые друзья.

– Да! ДА! У меня в заклинателях мелкий пацан!

В тишине было слышно, как у кого-то упала ручка, но он не полез за ней под стол.

– Как?!

Я уставилась на Соула, окончательно примкнувшего к семье Камелопардалисов, выдала нечто нечленораздельное, очень схожее с ругательным, и отвернулась к окну. Все, ничего я объяснять им больше не буду!

Все же объяснить пришлось, хотя бы то, в каком состоянии я оставила своего заклинателя.

– Что будет, если он там умрет? – с ужасом восклицала Лиза, пока я мрачно шевелила ложкой в супе.

– Если это случится, то Джина останется без хозяина, и ждать ей до скончания века новую жертву, – утешил умница

Соул.

Впрочем, я не очень-то обиделась. А я бываю страшна в гневе, я знаю.

– Думаю, что этот дохлик тот еще живчик, – заметила я, отправляя ложку супа в рот.

– Сколько ему лет? – поинтересовалась Лиза. Ну конечно, началась любимая ее тема.

– Не спрашивала, на вид – лет тринадцать, – подумала я. Ведь действительно, с какой мелюзгой мне придется иметь дело?

– Ну, хоть с договором у вас проблем не возникло, – успокоилась Лиза и приготовилась налечь на суп. Моя же ложка застыла на полпути ко рту. Ребята уставились на меня.

– Погодь-ка, – первым догадался Соул, – ты еще не подписала договор?

– М-м! – промычала я, что можно было расценить… однозначно.

– Джина, ты хоть понимаешь, что ты сделала? – Лизой, похоже, стало овладевать отчаяние за столь неразумную подругу. – Как ты его теперь найдешь?

– Только если он опять не окажется при смерти и случайно вызовет тебя, а не какого-либо другого звездного духа! – торжественно закончил Соул.

Я и правда не знала, что ответить. Признаюсь, в этом я сглупила. Любому духу известно, что пока договор не скреплен подписями, он не может явиться на помощь хозяину,

за исключением экстренных случаев, когда «запах души» обостряется до предела. Я не вдавалась в подробности, какой именно запах я почувствовала в первый раз, все получилось спонтанно.

Но как быть теперь? Найти его сама я не могу – этому в школе не учат, да даже если бы я это умела, я еще не могла точно определить «запах». Слишком мало времени мы были знакомы с заклинателем.

– Может, обратимся к завучу? – переглянулась Лиза с Соулом.

Зам считалась у нас спецом по детектору душ, – правдоопределителю – и я припомнила, что несколько лет она проходила практику в судебном отделе Совета. Наверняка, у нее было какое-нибудь средство и на этот случай.

– Выбора нет, – согласился Соул, и, не спрашивая моего мнения, они оба потащили меня к кабинету заместителя.

Чему надо было действительно поучиться завучу, так это кулинарии. Вкус у зелья был отвратительным. Мне не было так противно, даже когда я перепутала в детстве круглый ластик со снежком. Зато мучения были потрачены не зря. Представив перед мысленным взором чумазое лицо мальчишки, я почувствовала, как меня тут же подхватывает ветер, и жутко закружилась голова.

Я неудачно стукнулась об пол, зашибив коленку. Не забыть напомнить нете Миле, чтобы она пересмотрела пова-

ренную книжку – отвлекая себя этой мыслью, я огляделась.

Сначала мне показалось, что я снова очутилась в пещере, только уже освещенной. Только потом я сообразила, что стенками пещеры мне кажутся выщербленные стены помещения, заставленного всяким хламом.

Впрочем, при дальнейшем рассмотрении хлам оказался вполне нужными вещами, как то чайником, стулом, кроватью, мелкими бытовыми предметами и еще кучей всего, названия чему я просто не знала. Человеческой мирологией я интересовалась, но не до такой степени.

У кровати я заметила шевеление. Из-под нее, попыхивая успехом, вылез мой неудавшийся хозяин – он держал в руках какую-то металлическую вещицу, и был явно доволен собой. Увидев меня, мальчишка издал громкую смесь удивления и ужаса. По-моему, вещица была легкой – он даже не поморщился, когда предмет задел его по ноге. Небо его дери.

– Эй, парень, – я откашлялась, – мы в прошлый раз кое-что забыли сделать.

– Что? – казалось, еще бы чуть-чуть, и он бы вжался внутрь себя с завидной ловкостью.

– Договор заключить, – терпеливо пояснила я и потрясла свернутым свитком, перевязанным розовато-красной ленточкой. Мальчишку это движение испугало больше, чем я ожидала.

– Какой договор? – его лицо побелело, придав ему сходство с вампирской нацией.

– Не дьявольский, я не от их канцелярии, – успокоила я заклинателя, попутно показывая белоснежные зубки, – но если что пойдет не так, у меня есть оттуда пара знакомых.

Припомнила же я выражение, которым мы не пользуемся уже тысячу лун. Но эффект того стоил. Мальчишка, хоть и не приобрел здорового цвета лица, мигом заметался по комнате, приводя в порядок стол – то есть спихивая весь мусор на пол – и ища запасной «стул». Последним оказалась покосившаяся тумбочка с отваливающейся дверцей, которую заклинатель, хорошенько подумав, занял сам. Я брезгливо отряхнула с единственного стула пыль, утешая себя мыслью, что я ненадолго.

– Вот, – я развернула перед мальчишкой первый лист и указала на текст. – Зачитаю, если ты не против. «Сим документом заклинатель обязывается соблюдать правила вызова подписавшего соглашение духа. Количество вызовов ограничивается одной штукой в день, на время от двадцати минут, в зависимости от условий договора. Подписавший данное соглашение звездный дух обязывается приходить на каждый зов заклинателя, вне зависимости от каких-либо обстоятельств, и выполнять любые приказы, которые устроят заклинателя».

Во время зачитывания договора, я поглядывала на лицо мальчишки. Он стал серьезным, сдвинул брови и лишь мрачно кивал мне, когда ловил взгляд. Прочесть текст он мог, конечно, и сам – один из договоров составлялся на языке

заклинателя, его я и читала. Как дух, которому предстояло быть в подчинении у мальчишки (что мне пока было сложновато осознавать), я понимала язык, будто всегда на нем разговаривала.

– Договор считается действительным с подписания обоими субъектами данного соглашения. Договор расторгается в случаях: 1) обоюдного согласия лиц на расторжение договора, вследствие чего договор разрывается и теряет силу; 2) жестокого обращения заклинателя с подчиненным духом и заявления последнего в судебные инстанции; 3) невыполнения духом приказов, тогда заклинатель вправе подать прошение в судебные инстанции о расторжении договора; 4) смерти заклинателя». Все понятно? – уточнила я, ядовито взглянув на парня.

Мелкий шрифт пусть сам читает.

Мальчишка взял документ, просмотрел его – медленно, отчего я несколько раз думала потерять терпение – и твердо кивнул.

– Тогда подпиши вот здесь, а я поставлю свою подпись здесь, – я указала на две расположенные напротив линии и протянула мальчишке самопишущее перо – гениальное изобретение магов, бесплатно выдававшееся именно на такой случай.

Заклинатель подтянул бумагу, но над документом замер.

– А что если умрет дух? – он поднял на меня глаза.

Я невольно улыбнулась. Для человека, который ни разу не

слышал о звездных духах, он оказался очень прозорливым – потому что в договоре, насколько я знаю, этого не упоминалось.

– Духи не умирают, – терпеливо объяснила я. – Нас невозможно убить в мире людей, ведь мы ему не принадлежим. Да, нас могут ранить, мы можем израсходовать все силы, в таком случае мы просто возвращаемся на небо и там восстанавливаемся. Какое-то время после этого ты не сможешь меня вызвать.

– Ясно, – кивнул парень и, прикусив губу, оставил над черточкой заковыристую подпись. Очертания показались мне смутно знакомыми, и я подивилась, какие красивые буквы вышли из-под его испачканных рук. После я расписалась сама.

– Как тебя зовут? – спросила я. – Чтобы я знала, к кому буду приходить.

– Ко̀вен, – сказал он и зачем-то пожал плечами. – А тебя?

– Джина, – кивнула я. – Я звездный дух месяца январь. Мою силу ты уже видел в действии. И постарайся хорошенько запомнить мое имя, ты представить себе не можешь, с каким трудом я в этот раз разыскала тебя!

– Хорошо, я понял, – поспешно согласился Ковен, на всякий случай замахав перед собой руками. Я недовольно поглядела на его грязные ладони.

– Ты один живешь?

Мальчик опустил руки и обвел взглядом помещение.

– Угу, – сказал он и вздохнул.

– Тяжко небось, – «поддержала» я разговор.

Если бы мне так не хотелось на землю, я бы еще подумала, точно подумала. Да, правила есть правила, но отсутствие знаний – тоже аргумент! Вот и теперь мне все объяснять, выполнять приказы его… Мальчик, пожав плечами, устремился к горе хлама, по-видимому, именуемому кухней, а у меня впервые мелькнула мысль, что в следующий раз мне может повезти. И что если приблизить этот момент…

– Я привык, – услышала я голос. – Точнее, я другой жизни не знаю.

– Ты всегда жил один? – удивилась я, и даже на секунду забыла, о чем сейчас думала. Да и голос – такой приятный, немного девичий, хоть и говорил мальчик. Странно, что я заметила только сейчас.

– Нет, была мама, – сказал он. – Только ее уже как десять лет нету.

«Печально». Я помолчала. А потом произнесла вслух:

– А сколько тебе солнц?

– Чего? – не понял меня заклинатель.

Я лихорадочно соображала, какими единицами измерения пользуются люди. Придется привыкать. Как он там говорил?

– То есть весен? Лет?

– А, это. Пятнадцать.

Я скептично оглядела его.

– Выглядишь младше, – наконец объявила я результат своего осмотра.

– Знаю, – кивнул он и улыбнулся, – в этом есть свои плюсы. Больше денег подают.

– Значит, я не ошиблась, когда окрестила тебя попрошайкой, – скривилась я.

– Иногда «подрабатываю», – согласился Ковен, ничуть не обидевшись. Он закончил рыться на «кухне» и извлек оттуда две чашки – признаться, та, что он дал мне, была чище, – и налил в них кипятку. «Подожди» – и к кипятку добавились душистые щепотки трав. – «Морская джига», – объяснил он, – хотя никакой джиги я тут не чувствую.

Я глотнула и моментально обожгла себе нёбо. Но, честно говоря, как дух, выросший на одном млечном молоке, никогда не пробовала такой вкуснятины. Как там они это называют, чаем?

– Как ты все-таки угодил в передрягу? – заняла я вкусную паузу.

Ковен почесал в затылке и невероятно просто ответил:

– Я там спал.

– Чего?!

– Я спал в пещере. С вечера поднялся ужасный ветер, а до дома мне еще было далеко идти. Первой возникла пещера. Ну, я и спрятался там.

– Там же света нет! – не поверила я.

– Нет, – согласился мальчик, – но я хорошо вижу в тем-

ноте.

На эти слова я нездорово прищурилась. Ага, небось колдовством воспользовался, видит он! Хотя умеют ли заклинатели пользоваться магией, отличной от их? Надо поинтересоваться у Лизы.

– А тебе сколько лет?

Я перестала оценивать парня взглядом.

– Семнадцать месяцев, – Ковен чуть не вылил кипяток себе на коленки. – В смысле полных лун. Позавчера мне исполнилось семнадцать, а так как месяц стоит мой – январь – то я и утверждаю, что мне полных семнадцать месяцев. В остальные сезоны мы пользуемся лунами для исчисления сроков жизни.

– Ничего себе… – смог выговорить Ковен, утирая рот рукавом. – Только сейчас же не зима…

– Так я про небо, – невозмутимо ответила я и продолжила: – Парни считают месяцы по солнцам, собственно к ним так и обращаются. Если бы ты был духом, то тебя бы звали со̀ло Ковен.

– То есть, – попытался снова прервать он.

– А я лу̀на. Лу-на, – сделала я ударение на первом слоге и сощурилась: ну говори.

– То есть ты меня старше?

– Да, к сожалению, – вздохнула я, передумав добавлять во взгляд яду. – И что меня больше всего волнует, почему ты мальчик?

Ковен осмотрел себя.

– Во мне что-то не так? – не понял он.

– Да, ты парень! – ткнула я его в грудь. – А должен быть девушкой!

На заклинателя жалко было смотреть.

– Как правило, заклинатель мужского пола вызывает звездных духов того же пола. Следовательно, если я девушка, то и вызвать меня должна была девчонка. Вот я и спрашиваю, что с тобой не так?

– Да я раньше не замечал, что ущербен, – совсем уж испугался мальчик.

Я вздохнула, благосклонно разрешая ему не волноваться.

– Ладно, подписанного не воротишь. Я твой дух, ты мой хозяин. Так уж и быть. Но, – я угрожающе повысила голос, – не дай Юпитер ты вызовешь меня по пустяку! Договор разрываю сразу же!

– Хорошо, хорошо, Джина! – замахал он руками.

– Ну, хоть имя мое запомнил, – улыбнулась я. Получилось довольно благодушно.

Спустя не знаю сколько времени задушевных разговоров – много же я узнала о человеческом мире и о жизни моего заклинателя в частности! – я вернулась домой.

– Джина, ты пришла! – услышала я взволнованный голос мамы. Теперь-то что? – Как же ты долго отсутствовала!

– А сколько сейчас? – спросила я, припоминая, что в до-

мике Ковена часов не было.

– Семь вечера!

Я ошарашено открыла рот. Сколько?!

– Ты отсутствовала пять с лишним часов!

Я смотрела на маму и, наверное, выглядела глупо… Какой же у меня сильный заклинатель! Он совсем не выглядел усталым, когда я уходила от него. А ведь обычный договор длится не более двадцати минут, на большее магии молодого заклинателя обычно не хватает!

И тут я только вспомнила, что мы забыли указать, на сколько я обязана приходить времени в день. Это было мелким шрифтом возле подписи, «нужное вписать или подчеркнуть»… Если так пойдет и дальше, то я смогу проводить в мире людей целые дни…

Обожаю своего заклинателя!

***

– Неси ее внутрь, что стоишь столбом! – закричала я на Ридена, подхватившего упавшую в обморок девушку. Матушки, какая она тощая.

– И это называется… как это вообще называется?!

– Владушка, я не…

– *Владушка*?!

– Яй-яй-яй, пойми меня, я тоже переживаю!

Ухо меня больше не интересовало – на кой черт мне сда-

лось это ослиное ухо! – но девушка, кажется, не собиралась сию же минуту завещать Господу свою душу. Бледная, худая, с костьми из-под кожи, но дыхание ровное, только жар. Сильный жар. И сильное… свечение.

– Миска на столе, полотенце рядом! – приказала я парню, слава матери, его не пришлось убеждать дважды.

Я приложила руку ко лбу. Горячий. Приложила руку к сердцу. Бьется. Свечение бьется. Окутывает девушку, как мириады крошечных бело-синих мотыльков, и идет из сердца, бьется из сердца. Я положила поверх вторую руку, попробовала приглушить сияние. Не получилось. Это было так отлично от того, что я видела прежде. Это было совершенно другое.

Риден действовал на удивление быстро, я намочила полотенце в отваре и положила девочке на лоб. Компресс, в первую очередь, а там посмотрим. Остролист, мята, хорошо, что не добавляла сосну, а то как отреагирует?.. чай, немного меда… Богиня-матерь, услышь, зачаруй, помоги… Ворожу во имя твое белое, во чудо твое красное, в милосердие твое веруя…

Пока я повторяла наговор, который уже делала на сам отвар, – матушка услышит – ястреб выметнулся в окно, выхватив из лап Зои высушенную тушку мыши. Вот и куда это животное смотрит? Только запретной любви мне не хватало. Зоя мечтательно проводила птицу глазами и исчезла, видимо, ловить себе такую же. Вот только мышь или птицу, я

узнаю лишь завтра по запаху.

Придурок Риден стоял рядом и пытался словить выражение лица девочки, которое еще не поменялось с измученного на более живое. Я прикидывала. В городе было всего три ведьмы, но все они ниже меня. Магов нет. Значит, никто не заметит.

Но что будет, если вдруг здесь понадобится что-то другим? Балуга не такой уж незаметный на карте город, чтобы обходить его стороной. А когда занерестится форель, от судов не будет отбоя, а это уже в сентябре. До этого момента мне надо придумать, как скрыть это свечение или вообще убрать его. И как звезду вылечить.

– Болван! – накинулась я на Ридена, но он успел закрыться!

– Ай-яй-яй-яй…

– Болван! Какой же ты болван! Как же ты мог!..

Глава 4. Земное время

Спустя двадцать четыре дня после события

Наверное, я свалилась, как только он открыл мне дверь. По крайней мере, очнулась я у него в постели, которая показалась мне даром самого Короля духов. Риден суетился возле чайника и, как я заметила позже, был очень взволнован. Еще бы, не представляю, как я сейчас выглядела – не смотрела в зеркало уже недели три, и была слабая, как на краю млечной дороги. В горле пересохло, поэтому я не обращая внимания на температуру воды, осушила залпом поданную мне кружку. Риден, посерьезнев, сел рядом на табурет, положив поднос на колени.

– Даже не знаю, с чего начать, – попыталась отшутиться я, но на парня это не произвело впечатления.

– Начни с того, что ты тут вообще делаешь.

– Ну, я не знала к кому обратиться. Я ведь с земли знаю только Ковена и тебя с вашими друзьями, – лепетала я, стараясь не встречаться с ним взглядом. – Но на поверку в пяти королевствах только твое местоположение знали наверняка. Как я рада, что ты не успел никуда переехать!

– Что ты делаешь на земле? – парень приблизился ко мне, будто надеялся считать мои мысли, просто заглянув в глаза.

– Риден, я… – как же ему сказать?

Он…

Риден не бросит.

– Меня изгнали.

– Что?

Он сумел удержать зашатавшийся в руках поднос. Поставил его на пол и снова взглянул на меня.

– Как это изгнали?

– Так. Они думают, что я убила повелителя.

– Кого? Ковена?

– Нет, другого. Это была девочка. Рябая, всегда простоволосая. Моя третья после Ковена заклинательница.

– Как же так вышло? – по глазам вижу, что не верит. Конечно, человек бы вряд ли поверил…

– Я не знаю, что и говорить, – к горлу пытаются подобраться всхлипы, но только я знаю, что не заклинательница тому виной. – Я поступила, как самый последний ублюдок во всем звездном мире. Я не пришла на ее вызов. Точнее, я пришла, но было слишком поздно. Она простила меня и расторгла договор. Но на небе решили, что это я убила ее, своим бездействием, и не позволили вернуться мне наверх. И вот я здесь.

– Сколько ты уже в нашем мире?

– Двадцать четыре дня.

– И сколько тебе осталось жить?

Я мягко улыбнулась.

– А ты много знаешь для человека, который не является заклинателем духов.

А может, я настолько бледная, что и прозорливость тут не нужна.

– Так сколько?

– Я не знаю, Риден. Я правда не знаю. Но я здесь умру.

Парень тяжело встал и заходил по комнате. Я смотрела, как он мечется по небольшой коморке, очевидно, доставшейся от старой бабушки, судя по количеству кастрюль, трав и пыли, скопившихся во всех доступных местах, и думала, как же хорошо увидеть друга. Пусть я с ним мало знакома, но сейчас он был мне роднее всех звезд.

– Ой, Ковен – дура-ак! – вдруг начал восклицать Риден. – Дурак, какого еще Зелоорь не видывала!

– Не вини его. Он здесь не причем.

– Но ведь это из-за него ты здесь?! Из-за него ты в таком состоянии! И только не говори мне, что ты пришла из-за тридевяти земель, только чтобы попить со мной чайку да поваляться в моей постельке!

Я потупила глаза. Похоже, мне еще долго придется учиться скрывать свои чувства. Но у меня, к сожалению, не будет времени.

– Я ничего от него не прошу. Будет даже лучше, если мы не увидимся. Просто… просто мне нужен был рядом родной человек. Мне было бы так одиноко умирать одной…

– Пр-пр, попридержи коней, дорогая! – отрезал Риден. – Никто тебе умереть не позволит, а с Ковеном я сам поговорю, по душам, чтоб у него сердце на место вправилось!

– А где он сейчас? – как можно непринужденнее спросила я, но, наверное, вышло худо.

Риден почему-то замялся.

– Я не в курсе, где он, – потупился парень. И мне почудилось из-за игры дневного света, что и серые пряди в его черных волосах стали тусклее. – Но я обязательно найду этого паршивца, будь он хоть в гостях у черта!

Затем Риден посмотрел на меня и что-то прикинул в голове.

– Есть у меня одна идейка, Джина. И благодаря ей, ты не умрешь на земле в ближайшие несколько месяцев. Я надеюсь. Я спасу тебя, ясно? – он взглянул на меня в упор. – Чтобы ты там ни надумала в своей прекрасной, но слегка грязной сейчас головке, я тебя выручу. И наддам Ковену под зад.

– Спасибо, Риден, – поблагодарила я, уморенная, разрешая себе, наконец, скатиться в сон на мягкой подушке. – Ты настоящий друг.

Оказывается, улыбаться – так просто!

***

Я осталась у Ридена. Собственно, мне некуда было деваться.

Только сейчас мои мысли начали приходить в порядок, пока я лежала, укутанная подштопанным одеялом, вдыхая горячий пар бульона, и слушая, как за окном поочередно пе-

ресвистываются птицы.

Зачем я это делала, зачем сюда шла? На что надеялась? Страх настолько затопил мое сознание, что все двадцать четыре дня я действовала неосознанно, как выброшенный в космос человек – никогда бы не подумала, что применю это сравнение к себе. Я ничего не осознавала и следовала только своим инстинктам. Эти инстинкты требовали от меня найти Ридена, эти же инстинкты не замолкая твердили о Ковене, который меня спасет, и я не верила, просто не могла допустить мысли, что это все может оказаться впустую.

Кто я такая теперь? Падшая звезда, без дома, без семьи, одна, теряющая силу, которая с каждой секундой истончается и уходит в небытие. Звездному миру незачем у меня ее забирать: брезгуя энергией отступников, он обрывает все связи, отрезая изгнанников от каких-либо источников питания, предоставляя им возможность медленно подыхать в физических мучениях и угрызениях совести.

Даже те немногие, – а они, я уверена, были – кто способен питаться звездной энергией, не возвращаясь, отрезаются от верхнего мира. Законы беспощадны к преступникам. Иначе бы у нас не было того процветания, какое мы имеем сейчас.

Риден по большей части отсутствовал. Он прибегал в дом только, чтобы сменить мне повязку на лбу, накормить новой порцией куриного бульона, и смывался по своим делам, ничего не говоря.

Я его не расспрашивала. У меня усилился жар, когда тело

почувствовало небольшую дозу комфорта, намереваясь выболеть за все те дни, что я бродила по земле. Но я чувствовала, что это лишь обострившиеся перед смертью симптомы. У меня не было выхода, кроме как покаяться перед великими духами небес и навсегда исчезнуть. Наверх мне путь заказан, как и на возрождение. Если только… Ох нет, я никогда не смогу попросить его об этом!

Если только Ковен не примет меня обратно.

Получив строгий приказ Ридена не двигаться и лежать отдыхать, я была полностью отдана во власть своих мыслей, с каждым часом наседающих все сильнее и тяжелее. Ну, наверное, с каждым часом. У парня не было в доме часов, поэтому время я отмеряла по косому свету в окнах и удлиняющимся или, наоборот, укорачивающимся теням.

В конце второго дня Риден вернулся поздно и был слишком возбужден, чтобы заметить, как я, проснувшись, наблюдаю за ним с единственной кровати, а утром успел исчезнуть до того, как я открыла глаза. Впрочем, отсутствовал он недолго. Пришел с мешком, распихал часть вещей из него в сумку, перепоясался, перевесив последнюю через плечо, и протянул мне слегка помятые бутерброды и остывший чай.

– Завтракай, я тебя не тороплю, и пойдем. Я нашел решение нашей проблемы.

Я, не знаю почему, недоверчиво на него посмотрела.

– Не нравится колбаса? Я достану завтра лучше. У меня есть, на что обменять, – и он похлопал ладонью по сумке.

– Дело не в этом. Колбаса хорошая, правда. Но… что ты придумал?

Парень победоносно оскалился.

– Имей терпение, красавица!

Я слегка улыбнулась.

– Риден!

– Ну ладно, ладно, знаю, что это не шутки, но зато ты улыбнулась, не так ли? В соседнем городе, Балуге, – это достаточно крупный город королевства, – есть одна ведьма. Она моя старая знакомая, хороша собой, как роза среди остальных цветов, и врачует получше некоторых знахарок. Вообще она достаточно вспыльчивая девка, поэтому не смей говорить ей, какая она красивая, или пытаться с ней заигрывать.

– Зачем мне с ней заигрывать? – моему удивлению не было границ.

Риден почесал себе ухо и неопределенно передернул плечами.

– В любом случае, у меня был неудачный опыт в прошлом. Да и всем, насколько правдивы слухи, досталось по щам, когда они пытались быть с ней милыми. Так что будь внимательна. Но дело действительно не в этом. Как я уж говорил, девчонка способная, как-то вправила плечо мужику одним прикосновением руки. Хотя я при этом не присутствовал, но, говорят, мужик плакал, а на следующий день был уже как огурчик. Делал ей предложение, а она ему чуть вторую руку

не сломала. Так и убежал ни с чем. Из всех ведьм в округе, она лучшая, ну и с ней легче будет договориться – я ей одной ничего не должен.

Я дожевала бутерброд и снова посмотрела на парня.

– Все это, конечно, звучит складно, но почему ты решил, что она поможет мне? Я ведь звездный дух. Кто умеет врачевать звездных духов?

Риден наморщил лоб. Вижу, он тоже задавался этим вопросом.

– Согласен, о звездном мире у нас известно мало, а если и известно, то только заклинателям, таким как Ковен, но тебе же никто не поможет из них, разве не так? Более того, тебя могут сдать, и тогда все твои усилия по поиску Ковена пойдут псу под хвост. Ты ешь, ты пьешь, ты спишь, ты даже ходишь в туалет, так сильно ли ты отличаешься от нас, людей, как сама думаешь? В любом случае, она прекрасный знахарь, а значит, первое время ты сможешь продержаться более сносно, чем могу тебе предложить я. Главное сейчас, чтобы ты не умерла. А пока ты поддерживаешь свою звездную силу на подходящем уровне, я найду Ковена. Он не сможет оставить тебя без внимания, иначе пожалеет. Ну, поела? В туалет не хочешь? Кстати, как это ты умудряешься туда ходить, что я тебя не слышу? Ты закрываешь дверь? Хм… а это мысль.

***

Еще будучи в поисках Ридена, я слабо представляла себе масштабы земных территорий. Это достаточно сложно – сравнивать земное пространство и звездное. Смотришь на небо с земли, и кажется, что оно бесконечно распластано по горизонту; на самом же деле на небе все рядом, все под рукой.

Мы как бы одна маленькая страна или, скорее, один большой город размером с эту страну. Все друг друга знают, все друг с другом дружат – ну, или делают вид, по крайней мере. Единственное место, куда не ступала еще нога обычного духа, – это дворец Короля. Никто, кроме некоторых посвященных, не знает даже, где он находится. Одни предполагают, что он в центре мира, откуда тысячи любознательных и ученых небесных светил смотрят вниз на землю, другие – что он находится за пределами звезд, но не могут с точностью сказать где, третьи считают, что дворец – это вся территория мира, скрытого от глаз в другом измерении.

Лично я не видела в последней теории никакого смысла. Рано или поздно кто-нибудь все равно наткнулся бы на дворец, ведь второго параллельного измерения быть не может по законам природы. А прятаться у ангелов для Короля было бы по меньшей мере глупо.

То же самое дело обстояло и с землей. Не в плане скрытых миров, хотя теперь я уже не исключала их возможность здесь, а в плане пространства.

Я много раз смотрела на землю через сферические зеркала, установленные в центре парка сложной символической фигурой. Сверху земля казалось такой крошечной, умещающейся на ладони. Конечно, при желании можно было искусственно приблизить расстояние, в нужном направлении вращая линзу, но даже в этом случае нельзя было по-настоящему оценить масштаб вещей.

Земля была огромна. Поистине огромна. Я прошагала сотни миль, и, временами забывая об истощении, не могла надивиться тем расстояниям, которые преодолела и которые мне еще только предстояло пройти. То, что сверху глаз мог ухватить в один миг, здесь требовало не одного часа, и все равно этого никогда не было достаточно.

Вот и сейчас, хотя мое чувство пространства должно было притупиться, мои глаза непроизвольно расширялись, и я озирала ими территорию, стараясь уместить ее в одном взгляде, как делала это на небе.

Риден не мешал мне наслаждаться видами. Мы ехали верхом на телеге с сеном, ведомой одной сухонькой кобылкой, которую изредка погонял худощавый мальчишка с соломенным гнездом на голове. Он не стал задавать вопросов, когда Риден, поддерживая меня, усадил на задки и представил как иностранку, лишь молча стегнул лошадь кнутом, и мы покатили, подпрыгивая на камнях, вон из города.

Природа подействовала на меня умиротворяюще. Жар спал, и я, с любопытством озираясь по сторонам, слушала

историю Ридена о своем крае.

Тот город, где на данный момент обосновался парень, назывался Валын. Здесь у Ридена когда-то было задание, и он быстро нашел себе связи, точнее влип в них.

Город небольшой, поэтому всего три банды, командир одной из них приметил ловкого парня и неоднократно вытаскивал Ридена, когда его втягивало в разборки. За это Риден расплачивался с ним монетой, но никак не мог расплатиться полностью, потому как Есень – так звали этого главаря – всегда находил способ облагодетельствовать его снова. А вообще Ридену здесь нравилось.

Узкие улочки, невысокие двух– или трехэтажные дома, одноэтажные постройки, – домики, втиснутые между ними или на окраинах, подальше от назойливых воришечьих глаз – минимум естественной зелени, не считая растительности в кадках на подоконниках у хлопотливых хозяек, ратуша в центре и фонтан перед ней, не факт, что действующий, – вот типичный город Зелоори.

Зелоорь же – это условное название четырех королевств, получившее такое наименование по обилию густых широколиственных лесов и широким и многочисленным полям. Поистине, взгляд на эту территорию сверху – ничто, когда видишь эту землю вблизи. У нас нет природы в том понимании, в котором привыкли видеть ее люди. Те цветы, что отчасти похожи на земные и растут у нас в парках, не пахнут теми запахами, которые я чувствовала здесь, даже лежа в телеге.

Точнее будет сказать, что верхние цветы и вовсе не пахли – они не могли сравниться с этими, земными соцветиями.

Также у нас не было птиц. Им слишком высоко летать к нам, самые смелые едва достают до нижних облаков Ангелофении, а наши земли, хоть и не пересекаются, однозначно находятся выше. Здесь же я прислушивалась к потрясающей игре мелодий, которые издавали невидимые мне певцы. Тем, которые летали надо мной, было некогда заниматься такими пустяками – они ловили пищу.

К этому разноголосому шуму примешивался легкий шорох ветра, ласкающего высокие травы полей, и бурный шелест листвы, когда мы проезжали сквозь темную дубраву. Подивишься, что когда я бегала с заклинателем по заданиям, мне и не думалось этого примечать.

Пока что в наших намерениях не было пересекать границы королевства. Балуга находилась в трех часах езды от Валына и была крупным ремесленным центром, на юге которого протекала узкая речушка. Она была слишком мала, чтобы у города был свой порт, но это не мешало вести торговлю по воде.

В остальном же это место не сильно отличалось от остальных населенных пунктов Зелоори, которые мне уже приходилось видеть мельком. Город не был столицей, хотя тяготел к ней по территории и был напичкан ремесленными лавками, как еж иголками. Здесь даже не нашлось места для фонтана – вместо этого перед ратушей располагался рынок, который

открывался с первыми петухами и умолкал только далеко за закат.

Удивительно, но здесь была зелень – хотя большинство птиц предпочитало ее игнорировать и вить гнезда на крышах, в расщелинах между ними, под ними и на выходе печных труб, предупреждая таким образом естественный выход дыма из домов. Растительность, в основном, была в собственных садах или оранжереях половины жителей, сосредотачиваясь в юго-восточной части города.

Именно в эту сторону мы и направлялись, поминутно ловля на себе взгляды прохожих. Здесь было люднее, чем в Валыне, насколько я могла судить по скудным воспоминаниям. Причем, если там преобладала однотонная коричневая или темно-серая покраска одежды, то здесь моему глазу представился целый спектр видимых цветов. Риден объяснял это популярностью местных торговцев, чему у меня не было причин не верить.

Мы остановились в конце главной дороги, чтобы уже на своих двоих свернуть в узкую улочку. Риден попрощался с возничим (хотя он упорно называл его «возницей», но я так и не поняла, в чем разница), дал ему что-то из сумки – мальчишка сразу подобрел лицом, и кивнув нам обоим, отправился восвояси.

Осмотревшись, парень указал на один из шести проходов в восточную часть города, и мы побрели между домами. Пригревающее солнце – вопреки уверениям Ридена, в пути мы

пробыли не меньше пяти часов – распалило мой жар, и я слабо шутила, что теперь на моем лбу можно приготовить земную яичницу.

Парень не прочь был взять меня на руки, но камни на мощеной мостовой так неожиданно выпячивали бока, что это грозило разбитыми носами нам обоим, так что ему приходилось просто поддерживать меня при ходьбе. Улочки изгибались подобно игривым змеям: мы то выходили на широкую, с пятачком света, площадку, то снова углублялись в петляющие коридоры домов.

Наконец, трехэтажные постройки сменились маленькими домиками, и мы остановились около одного, аккуратно пристроившегося в ряду таких же низеньких зданий. Отличала его фиолетовая покраска стен, а некоторые бревна – это было единственное деревянное здание в округе – хаотично были окрашены в ядовито-зеленый. С крыши свисала вывеска с изображением пухлого котла.

– Вот мы и на месте, – с ноткой торжественности произнес Риден и помог мне прислониться к косяку двери. – Потерпи немного, она сможет тебе помочь.

Он сбросил сумку, оправил на себе одежду, прилизал (попытался) бело-серые волосы, – я молча смотрела на его прихорашивания – вздохнул и перекрестился – и наконец постучал. Вышло достаточно тихо, так что я не была уверена, что хозяин расслышит, но почти сразу изнутри послышался стук каблуков, и через мгновение дверь круто распахнулась

внутрь, так что я еле удержалась на ногах.

На губах Ридена появилась неуверенная улыбка. Он поприветствовал хозяйку и указал на меня. Я же не могла вымолвить и слова, обомлев при первом взгляде на причину столь тщательных мальчишеских хлопот перед встречей. И это… это *она*?!

***

– Болван! Какой же ты болван! Как же ты мог…

– Ай! Ай! А-яй, Влад, ты на мне синяки оставишь!

– …довести ее до такого состояния?! Ты идиот!

– Но я же ничего… ай-яй!

– Сделать не мог?!! Да как ты вообще дотянул до такого!

– АААААЙЙЙ, моя переносица!

– Бесстыжий придурок!! Чтоб тебя богиня-мать покарала! Оболтус!

– Ааа, больно, синяяяяяк!

Я продрала глаза и усиленно заморгала, пытаясь прогнать белую пелену. У изголовья кровати, держась за локоть одной рукой, – другая в это время защищала шевелюру – изрядно потрепанный Риден каким-то невообразимым способом оборонялся от метких и, похоже, сильных ударов женской руки. Не успела я присмотреться повнимательнее, как парочка моментально стихла, уловив мое движение, и в следующую секунду наперебой спешила услышать насущный в

данный момент ответ.

– Я в порядке, – сказала я обоим и только подумала поднести руку ко лбу, как ткань, тяжелившую его, убрали и через секунду положили обратно, влажную, пахнущую незнакомой мне травой.

– Не двигайся, тебе только-только стало лучше.

Двигаться? И в мыслях такого не было. Я не могла отвести взгляд от этой девушки.

Глава 5. Своевременное спасение

За пять недель до события

– Джина! – ко мне на всех парах подкатил Соул, ловко перехватив у себя из-под ног скейтборд под мышку. – Ты знаешь про изменения в расписании?

– Нет, а что?

– Следующей парой поставили человеческую мирологию всем параллельным потокам.

Я пригорюнилась. Конечно, я буду просто счастлива побывать в мире людей подольше, но я никогда не любила это изучать. Все, как известно, познается на практике. Этот же предмет у нас преподавался только в теории, а практику – это мы уж сами, со своими заклинателями, чтобы сэкономить время и нервы учителей.

– Я с тобой сяду?

Я с толикой изумления воззрилась на Соула.

– Лизы не будет?

– Не знаю, просто хочу пораньше место забить.

Я задумалась. Выглядело это как минимум подозрительно. Мы с Соулом в разных потоках, но он никогда раньше не спрашивал разрешения садиться вместе – в общем-то, это не обсуждалось.

– В чем проблема, Соул?

Вид у парня был не слишком оправдываемый.

– Ни в чем. Ну, так можно?

– Садись, что уж с тобой… – протянула я.

Мы устроились на задней парте, прекрасно закрываемой спинами учеников. Эльвира Мэджюр постучала указкой по грифельной доске, призывая к тишине в классе.

– Итак, по просьбам некоторых школьников, учительским составом было решено провести дополнительное занятие всем выпускающимся потокам. Насколько мне известно, – Эльвира обвела нас строгим взглядом из-под очков, – все уже заключили договоры со своими заклинателями, а у некоторых заклинатели уже не первые. Поэтому я считаю необходимым напомнить вам правила общения с вашим заклинателем, а также выживания в мире людей. Рѝкки Делф, ведите себя тише.

– Что стряслось, Соул? – шепотом спросила я, не забывая наблюдать за движениями указки по доске.

– Обязательно должно было что-то случиться? – нейтрально сказал он. Слишком нейтрально.

– На тебя это не похоже, – для пущего эффекта я посмотрела ему в глаза. Парень невольно поежился.

– Понимаешь, Лиза…

О, это я как раз понимала. Уже несколько декад вижу, какими глазами смотрит на нее Соул. Не спорю, подруга у меня на редкость красивая – прямые длинные черные волосы, тонкие брови, большущие черные глаза. Грудь небольшая,

что у звездных духов очень даже ценится, точеная фигурка, худые ноги. Будь я парнем, сама бы, наверное, пригласила ее на свидание. Но так случилось, что парнем в нашей компании был Соул, а как заходила эта тема, он моментально глох.

– Угу, Лиза хорошая девушка, – поддакнула я, отчего Соул посмотрел на меня немного дико. – Почему ты ее до сих пор никуда не пригласил?

– Я не могу… Не получается, – уныло ответил он.

Опять двадцать пять.

– Соул, попробовать ничего не стоит, еще неизвестно, откажет ли она тебе.

Со стороны друга послышалось неразборчивое мычание.

– А ты ревновать не будешь? – вдруг услышала я.

А вот это уже интересно.

– Чему? – размерам моих глаз можно было позавидовать. – Друга к другу?

Соул выдохнул, так и не найдя аргументов.

– Я понимаю, были бы вы оба одного пола, это уже была бы проблема.

Соул фыркнул.

– Но здесь же все просто, – закончила я.

Если честно, никогда не понимала всей этой суматохи и хождений вокруг да около. Мы же, в конце концов, звезды! Желание завести себе пару заложено в нашей природе, и это понятно – новые звезды надо кому-то растить. А как иначе сделаешь это, если не будет симпатии? Мы никогда не разго-

варивали на эту тему, но, я думаю, мама папе доверяла. А уж все эти встречи, свидания, которые так положены у людей, – дело сугубо личное.

– Ну, а если… если мы все-таки будем с Лизой встречаться… что будешь делать ты?

Я недолго думала над ответом.

– У меня же теперь есть заклинатель. С ним не соскучишься, будь уверен. Буду исследовать мир людей, ходить за покупками…

– Ну, это всего на двадцать минут в день… – заметил Соул, печально наблюдая за распаляющейся учительницей.

– Почему? Я ограничения времени не подписывала.

– Ну, все равно же…

– И находилась я последний раз часов шесть у людей.

Соула чуть перекосило. Он только сейчас понял, что упустил что-то важное.

– Сколько-сколько? – вдруг хрипло спросил он.

– Шесть часов. Наверное. Ну, может, пять.

– Откуда у него столько силы? – теперь уже я завидовала размерам глаз друга.

– Не знаю, но у него огромный потенциал. Это и звездному ежу понятно, – вздохнула я. Однако в глубине души я этим очень гордилась.

– Джина, это ненормально, – медленно проговорил Соул. Я удивленно перевела на него взгляд. – Такой запас энергии не приведет ни к чему хорошему.

– Почему ты сразу думаешь плохое? – обиделась за хозяина я. – Если бы у тебя был такой сильный повелитель, не думаю, что ты бы предполагал худшее.

– Такая сила будет привлекать много неприятностей, – возразил Соул. – Как магия, и как… Представь, сколько магов захотят ей воспользоваться. Его же за версту будут чуять!

– Никогда не сомневалась, что ты склонен к преувеличению, Соул, – упрямо откликнулась я и уставилась на доску. Эльвира как раз заканчивала график высоты полета птицы на чего-то там.

– Тебе бы не помешало иногда прислушиваться к советам друзей, – обиделся парень. – Они тебе плохого не пожелают.

– Тогда, может, эти друзья сначала со своими первоочередными задачами разберутся и на некоторое время оставят меня в покое?

Соул зафырчал под нос, как чайник, когда из него выкипает млечное молоко, и отвернулся. Я последовала последнему его примеру. Друг, однако.

Выходя с урока астрономии, я терла болящие запястья. Не мое это – чертить все эти графики и рассчитывать скорости падения, увеличения, долготы и всякой другой геометрической фигни. И неважно, что сдавала я этот предмет всегда на «отлично». Именно благодаря этому предмету я и научилась такой полезной вещице, как шпаргалка. Толку от нее было мало, если вообще ничего в предмете не понимал. Но у меня

как-то прокатывало. Наверное, оценки уже давно работали на меня.

Я завернула в следующий коридор с желаемыми резными раковинами. Обожаю эти изящные изобретения, особенно когда надо смочить ноющие запястья холодной водой. Я открыла кран и с наслаждением подставила обе руки под струю.

А в следующую секунду моя душа ушла в пятки.

Нет, я не испугалась. Все было гораздо прозаичнее и хуже. В противоположном конце коридора в окружении щебечущих старше– и среднеклассниц маячила фигура Ма̀джи Вёсена, предмета влюбленных воздыханий и волнительных ночных гаданий всех девчонок нашей школы. Исключение составляли разве что моя подруга Лиза да пара-другая девушек, на которых в свою очередь заглядывались мальчики.

Я бы рада принадлежать к последней группе, пусть даже без столь пристального внимания противоположного пола, каким обладала моя подруга, но меня угораздило стать одной из многих. Нет, я не вздыхала втайне о несчастной судьбе, не бормотала во сне его имя, но на меня всякий раз находил ступор, когда Маджи Весен появлялся в поле зрения. Про речь я вообще молчу: она, не спрашивая моего разрешения, отказывалась исходить из моих уст.

Сама не понимаю, что я в нем нашла. Худой и изящный, как девчонка, со слегка растрепанными, будто кокетливо, зеленоватыми волосами – такими длинными, что он неизмен-

но собирал их в конский хвост, – узкими изумрудными глазами, прямыми бровями, с немного крупным прямым носом и тонкими губами. Его тело – поговаривали, что он активно занимается спортом, – обладало способностью вызывать у меня нездоровые ассоциации, от которых щеки потом пылали жаром.

Хорошо, что в школе Весен появлялся редко, иначе я давно бы уже сошла с ума, а со мной вместе и вся женская половина. Что действительно интересно: чем же этот Маджи занимается в учебное время. Бывало ведь, декадами пропадал (самые счастливые декады в моей жизни!).

Я, как и положено духу, увидевшему предмет своей, гхм, неадекватности, застыла с протянутыми под кранчиком руками. Глаза мои выражали священный ужас. Последний усиливался при увеличении громкости щебетания школьниц. Хоть я и не могла повернуть голову, это недвусмысленно мне говорило о том, что предмет приближается, а значит, здесь становится опасно. Но почему мои ноги не двигаются, небо их дери?!

Не знаю, посещал ли когда-нибудь Маджи Весен урок астрономии, но водички ему тоже хотелось.

Отделавшись улыбкой от очередной назойливой школьницы и получив за это целый букет возгласов разнообразных оттенков, он открыл кран и наклонился над раковиной, намереваясь попить. Все это происходило аккурат рядом со мной, в двух шагах от моей раковины.

Слава богам, я не видела склонившегося над струйкой весеннего уроженца, зато я в многократной громкости услышала произведенный эффект. Кажется, именно звук стремящихся попадать тел кое-как привел меня в чувство, и я смогла вытащить из-под крана окоченевшие руки.

Повернулась, и зря: мое присутствие заметили, и я оказалось точь-в-точь под взглядом изумруднейших глаз. Теперь я молилась богам, чтобы не свалиться в обморок от неожиданно привлекательной позы объекта. В моих глазах по-прежнему плескался священный ужас.

– Как тебя зовут? – спросил Весен, отирая губы рукавом. Новый всплеск девичьих эмоций, переходящих в визги, и на меня косилось не менее тридцати завистливых пар глаз.

– Зачем тебе? – закономерно вопросом на вопрос ответила я, мечтая оказаться за десять верст от этого места. Тело все так же мне не повиновалось.

Весен выпрямился и посмотрел на меня донельзя любопытным взглядом. Я ощущала себя ягненком, которого волк мысленно делит на аппетитные кусочки.

– Что-то я не замечал тебя раньше, – неторопливо растягивая слова, продолжил Маджи.

– Ты не шибко-то часто здесь появляешься, – заявила я, поражаясь своей небывалой в таких случаях разговорчивости.

На меня за такое обращение с идолом зашипело три десятка ртов. Вдобавок ко своим не столь приятным ощущени-

ям холода в руках и неподвижности всего тела прибавилось и чувство, что я оказалась прямо в гнезде звездной змеи. И меня никак не оправдывало то, что я оказалась там случайно.

Весен грациозно развел руками, будто извиняясь перед всей Вселенной за столь нерадивое посещение.

– Прости-прости, что радую тебя своим появлением столь редко («Да уж спасибо на добром слове!» – с ужасающей скоростью пролетело у меня в голове). Мне часто приходится отвечать на вызовы повелителя. Но ты все-таки не ответила на мой вопрос: кто ты такая?

«Какой небесный демон дернул его узнавать мое имя?!» Голос я без труда уговорила заткнуться, а вот ноги в чувство привести еще не могла. Не знаю почему, но я больше всего на свете не желаю говорить свое имя ему, здесь, при таком столпотворении. Может, дело в том, что я совсем по-другому представляла себе эту романтичную картину, а может, было что-то другое.

Я уже видела, как рот Маджи открылся, чтобы выдать новый вопрос, как мое сердце кольнул огонек. Мягко кольнул, нежно, прося обратить на него внимание. Перед глазами начали вставать образы человеческого мира. Меня зовут на землю!

Онемение в конечностях как рукой сняло, голос готов был изрекать славу во имя хозяина. Видно, моя улыбка не замедлила появиться на лице, потому как Весен подозрительно наклонил голову набок.

– Извините, – бодрячком произнесла я, обращаясь ко всем вместе (никак не в отдельности, небо упаси!), – у меня дела в мире людей.

– Стой же! – услышала я гаснущие в воздухе слова парня, и меня снежным вихрем унесло вниз.

Маджи Весен задумчиво смотрел на медленно падающие снежинки, оставшиеся после исчезновения медноволосой девушки.

– Кто-нибудь знает ее имя? – спросил он уже у толпы.

На лицах девчонок отразились смешанные чувства. С одной стороны, они не хотели выдавать имя соперницы, с другой, с этой мыслью боролось желание услужить кумиру. Наконец, одна из них не выдержала и тоненьким голоском сообщила:

– Это Джина Янви, из выпускающегося класса. Одна из лучших учениц.

Вокруг злобно зашикали, а за последние слова девушка поплатилась отдавленной ногой.

По взгляду весеннего духа могло показаться, что он перебирает про себя это имя.

«Джина… Янви…»

Как только я почувствовала твердую почву под ногами, переполнявшая меня радость вырвалась наружу, и я раскинула руки, силясь изобразить всю ширину своей души.

– Ковен! Ты не представляешь, от чего меня только что спас!

Когда же метель рассеялась, я поняла, что поспешила с объятиями. На меня уставилось пяток недоумевающих лиц, одно из которых подозрительно напоминало моего хозяина, обмотанного веревками, на мушке двух пистолетов. Я разочарованно вздохнула: услуга за услугу, да?..

Спустя пару минут я задумчиво потирала ссадину на носу, оставленную чьей-то неудачно подвернувшейся рукояткой. А вот на хозяине отпечатков драки было больше. Я в уме перебирала заклятья на скорую руку, которые можно было применить к фингалу под его левым глазом, ругая себя за то, что не помню рецептов залечивания ножевых ран. Рубашка Ковена с левого боку пропиталась кровью.

– Пока они не очнулись, – я кивнула в сторону валяющихся в отключке четырех тел, заботливо припорошенных снежком, – а очнутся они еще не скоро, можешь объяснить мне, во что ты опять ввязался?

Парень, кривясь от боли, посмотрел на меня и предложил первоочередно убраться отсюда. С собой он прихватил какой-то стеклянный кувшин, полностью игнорируя мои вопросы о надобности оного.

– Я набрел на этот дом по наводке одного бродяги, – начал он, когда мы отбежали на добрую версту от места побоища. Ковен морщился, держась за бок, но осмотреть его рану так и не дал. – Он сказал, что там можно отыскать кое-какие ин-

тересные вещички давно почившего некроманта. Продать их можно, – пояснил он на мой подозрительный взгляд, – пользоваться ими я все равно не смогу. Какое-нибудь проклятье подцеплю только.

– Одно проклятье с тобой самим, – ласково пробурчала я себе под нос и уже громко добавила: – А кувшин зачем?

– О, это. Это я надеюсь всучить одному моему знакомому. Он ужасно падок на такие стеклянные изделия.

– Ты всегда будешь вызывать меня, когда твоя жизнь висит на волосок от смерти? – задумчиво произнесла я. Парень удивленно на меня посмотрел. – Другие заклинатели вызывают своих духов, если им нужно какую-то вещь достать, по дому помочь, на крайний случай, компанию составить. Я же уже дважды составляла тебе компанию как боевая подруга.

Похоже, заклинатель никогда об этом не задумывался. Он звучно поскреб в затылке, перебирая в памяти подходящие для меня дела.

– Ну, дома ты у меня не согласна будешь убираться, – на всякий случай покосился на меня он, чтобы оценить правильность формулировки ответа. – Вот разве что могу тебя в следующий раз вызвать, когда соберусь на дело.

– Какое дело? – не поняла я. Мне показалось, или запахло жареным?

– Понимаешь, чтобы перекантовываться, мне нужно где-то добывать деньги. Воровством сейчас не много-то и заработаешь, – не пугайся ты так, я давно уже ничего ни у кого

не ворую! – поэтому я выполняю кое-какую работенку гильдии. Конечно, мне достается не самая чистая, но на жизнь хоть хватает.

– Гильдии? – переспросила я, услышав такое необычное и гордое сочетание букв. Вот только контекст мне не нравился.

– Ага, гильдии, – повторил Ковен, сразу развеселившись. – Я мечтаю, что однажды окажусь в «Небесном светиле». Узнал о нем случайно – если бы не ты, не знал бы и дальше! И кажется, там дают пристойную работу заклинателям, но это я еще проверю, разумеется. Только слышал. А пока что бываю в «Змеином хвосте», что на северо-западе отсюда. Ну, приносят мне оттуда задания, сам я туда не заходил.

– Погоди, кажется, я уже слышала про эту организацию, – запоздало припомнила я. – И то, что я про нее слышала, было… не радужно.

Парень виновато вздохнул.

– Да, там есть преступники. Но надо же с чего-то начинать.

– Это, знаешь ли, не оправдание! – воскликнула я.

Ковен лишь понурился. Если вдуматься, то что я к нему придираюсь? Действительно, где беспризорному, пусть и формально имеющему жилье, мальчишке подрабатывать, как не в темном мирке беззакония? У нас же тоже есть свой преступный мир, и не один звездный дух сидит в тюрьме… Тут скользкая мысль кольнула мне живот, и я ошарашено выдала:

– Ковен, а если про твои проделки узнают на небе, то не перепадет ли заодно и мне?

Эта мысль, похоже, еще не приходила в его растрепанную голову, поэтому парень остановился.

– Такие случаи были?

– Насколько я знаю, половина духов была заключена под стражу именно из-за темных дел со своими заклинателями. Это вроде бы не относится к нашей мафии, – припомнила я, – потому как некоторые темные духи спокойно здравствуют на воле.

Ковен нахмурился, обдумывая мои слова.

– А как они узнают? – серьезно спросил он.

– Э, – безрадостно передернула я плечами. – К сожалению, нас стараются не посвящать в эту часть неба в школе.

Всю оставшуюся дорогу до дома Ковен молчал.

Глава 6. Поединок звезд

– Сегодня мы будем изучать магию призыва. Творится она универсально для всех духов, но принцип нужно отработать до автоматизма. Иначе вы никогда не овладеете этим волшебством.

Я вполуха слушала Гвинетту Анд, учительницу общей магии, медленно перебирая в голове события прошедших двух недель. Ковен вызывал меня все чаще, правда, в любом случае мне приходилось вытаскивать его пятую точку из очередной передряги. Я чувствовала его все лучше и лучше. Скоро я буду ощущать его местонахождение в любой момент времени в любом месте мира людей.

Меня радовали такие несомненные успехи в моем мастерстве, но одновременно к радости примешивалось неприятное чувство тоски. Ковен после того нашего разговора стал немногословен, редко отпускал шуточки, все больше я стала замечать на его лице озабоченное выражение. Не понимаю, что с ним происходит.

– Рикки Делф, сейчас пойдете к доске, если не прекратите заигрывать со своей соседкой!

По классу пронесся смех, но я даже не улыбнулась. Такое случалось постоянно… А вот что творится с моим заклинателем? У кого мне узнать ответ? Если он и сам слова мне не говорит… Люди странные, только на практике я начала это

понимать. Ведь если у тебя есть звезда, с которой можно поделиться проблемами – иначе для чего мы вообще нужны? – так почему ты этого не делаешь?

Повоевали с кем-то, и хватит – иди домой? Такое положение дел меня не устраивало, и даже уже не столько волновало, что оглядеть земной мир не хватало времени, черти с ним звездные…

Я чего-то не понимала в людской психологии, и это меня уже тяготило. Жаль, что такие вопросы не входили в компетенцию наших учителей. Даже Эльвира Мэджюр, наша учительница по мирологии, вряд ли могла удовлетворить мой интерес, хоть и считалась одним из лучших специалистов по вопросам взаимоотношений духа и его заклинателя.

Может быть, стоило успокоиться доводами Лизы и Соула, со своими хозяевами они все же начали общаться раньше, но и эти лучшие мои советчики куда-то делись. Я догадывалась, куда – уже два дня Соул просто светился от счастья. Но все-таки было немножко грустно, что они не могут сейчас меня поддержать.

– Принцип заклинания таков, – донеслись до меня слова Гвинетты Анд – как откуда-то из тумана, крепко же я задумалась. – Вы должны не только четко представлять, какой предмет вам нужно вызвать, но и знать его точные характеристики, такие как вес, объем, цвет и прочие подобные параметры. Формула для вычисления только кажется сложной, – сейчас я ее напишу на доске – но после десятка трениро-

вок вам даже не придется насильно вызывать ее в уме. Итак, смотрим внимательно на доску, я объясню все знаменатели, после чего мы приступим к тренировке.

Все знаменатели – как бы мне это сейчас не помешало! Но в голову Ковена у меня пробраться возможности не было. Да и духи с ним, в самом деле! Не хочет – не надо!

Я выдохнула, наблюдая за остальными учениками, которые, сосредоточенно морщив лбы, записывали с доски. Наверное, мне нужно сейчас отвлечься, ничего путного не выйдет, если я буду забивать себе этим голову. Пусть сам разбирается!..

Я попыталась сосредоточиться на длиннющей формуле, которую выводила на доске нета Анд, параллельно переписывая себе ее в тетрадь. Так, что-то она слишком заумная, вот здесь можно сократить, и здесь, а этот знаменатель все равно будет равен единице, его можно не учитывать.

Я быстренько довела формулу до более простого вида и взглянула на доску. Гвинетта как раз сокращала последний ряд знаменателей. Значит, я не ошиблась, и формула действительно была легкой.

– Теперь попробуем вызвать простейший предмет, например, потренируемся на этой указке. Сосредоточьтесь на ней, представьте себе ее проекцию у себя в голове, рассчитайте параметры. После этого произнесите «Воката», и если вы рассчитали все правильно, указка направится в вашу сторону.

– Мы что, все вместе?.. – не веря своим ушам, произнес главный «всезнайка» нашего потока Шенди Дорàдо. Я всегда считала, что наличие огромных очков, увеличивающих его глаза в несколько раз, не освобождают его от ответственности за часто задаваемые вопросы.

– Да, соло Дорадо, все вместе. Заодно и узнаем, кто лучше и быстрее всех овладеет этим заклинанием.

Никогда еще не видела такой многообещающей улыбки на лице Гвинетты Анд. Ой, не к добру ее эта задумка. Кто же ей напакостил на прошлом занятии? Кажется, все тот же вездесущий Рикки Делф.

– И помните, – учительница внимательно обвела класс взглядом, пока я пыталась сообразить, к чему может привести всеобщее выполнение заклинания. – Нудные расчеты сейчас (я знаю, что вы так думаете), а после – вам хватит одной четкой мысли.

Нета Анд скомандовала начало. Я уставилась на указку, невинно покоящуюся на учительском столе, пытаясь прикинуть ее размеры. Подставив параметры в формулу, обдумала получившееся число и, мысленно кивнув себе, тихо произнесла «Вокатa». Чуть раньше и чуть позже со мной произнесли заклинание вызова еще с десяток ртов.

Однако ничего не произошло. Указка по-прежнему мирно покоилась на столе, всем своим видом дразня неудавшихся волшебников. Я нахмурилась, соображая, что же сделала не так. Формулу вроде составила правильно, и число, кото-

рое я на всякий случай написала в тетради, при повторном пересчете получилось прежним.

Может, дело в том, что кроме меня вызывают эту указку еще с полсотни умов? Я задумалась. Не-ет, скорее просто нета Анд не сказала нам всего, что нужно для заклинания – она та еще любительница строить провинившимся ученикам пакости, пусть даже провинился среди них всего один. Проследив за взглядом Анд, я не удивилась, когда увидела, что он упирается в раскрасневшегося от напряжения Рикки. Что же тогда я упустила?

Хм, попробую закрыть глаза и вообразить указку перед внутренним взором. Представляем результат формулы, произносим слово, осторожно открываем глаза и видим – ничего не происходит. Двадцатка учеников догадалась воплотить мою задумку в жизнь, но тоже не добилась успеха. Я побарабанила по столу пальцами.

Вдруг указка шевельнулась и чуть приподнялась над столом. Ученики встрепенулись, ожидая, к кому же она полетит. Указка вяло покачивалась в воздухе, но неуклонно поднималась вверх. Я услышала громкое бормотание Шенди Дорадо «У меня получилось, у меня получилось!», и, действительно, предмет медленно-медленно пополз к нему. Я устало вздохнула, понимая, что проиграла это состязание.

– Молодец, соло Дорадо, – благодушно улыбнулась нета Анд, – но будьте осторожны: указку у вас еще могут отнять.

Я удивленно следила за указкой, вдруг изменившей тра-

екторию и начавшей движение влево. На устах Сильвы Дум заиграла довольная улыбка, когда указка неуклонно начала приближаться к ней. Вдруг предмет застыл и быстро понесся в другом направлении, уже ближе ко мне, и я услышала не сдержавшего радостный возглас Рỳла Дра.

Это становилось забавным, и я с интересом начала наблюдать за разыгрывающимся концертом. Ученики, сообразив, что и у них есть шанс, напрягали все больше лицевых мускулов, чтобы хоть на миллиметр приблизить указку к себе.

Гвинетта Анд откровенно развлекалась, изредка суживая глаза, и в такие моменты указка резко рвалась к ней. Я тоже улыбалась. Общая магия, как и практическая, всегда давала простор звездной мысли, и такие уроки, комбинирующие учебу и развлечение, были не редкостью. Я прикрыла от удовольствия глаза, и тут увидела нечто еще более интересное. Я настроила второе зрение. И поняла, в чем молоко.

Указка, нервно дергающаяся над головами школьников, была окружена белым нестабильным полем, от которого тянулись дюжины разноцветных ниточек. Последние то и дело дергались, и висящий над аудиторией предмет повиновался этому приказу.

Я засмеялась, и подрезала ножевым заклинанием одну из ниточек. Вдалеке справа кто-то ойкнул, а указка снова недоверчиво рванула в сторону. Решив: «А почему бы не поиграть?» – я с удовольствием отрезала еще семерку ниточек. По классу то и дело разносились недоуменные возгласы, но

нета Анд пока молчала, а значит, и простор для действий у меня был.

Когда от ниточек остались всего три – синяя, розовая и голубая, – я напрягла мозги, пытаясь протянуть к указке свою линию мысли: белоснежная нитка, идущая от моего лба, нервно задергалась у поля указки, как будто она не могла подобраться к звездной змее. После того, как я вспомнила число из формулы, нитка наконец уцепилась за нестабильное поле. Указка моментально дернулась в мою сторону, но другие звезды далеко ее не пустили.

Теперь это был мой бой, с тремя одноклассниками – и я намеревалась одержать победу. Когда я уже хотела снова применить ножевое заклинание, – хотя одновременное выполнение у меня выходило еще с трудом – я вдруг заметила черное поле, сгущающееся над левитирующим школьным предметом. Не понравилось мне это поле. Оно пахло некромантией и тоской, вызывая в голове неприятные ассоциации со звездами, сбежавшими с неба…

Кто бы ни был обладателем такого волшебства, определенно, если я попаду под его влияние, мне сильно не поздоровится. Я припомнила, как одно из таких заклятий на моих глазах попало Ковену в плечо…

Меня атаковали мурашки. Я тогда не смогла его вылечить, Ковена, и нам пришлось терпеть до лазарета. А в этом лазарете было столько людей – казалось бы, почему их так много? – у которых кровь пропитала одежду, у некоторых лица

были настолько бледными, что я боялась подходить к ним близко – будто они могли мне навредить своим бессилием… И я слышала это слово не единожды там – черные маги.

Черное поле – они создают такое? Которое пугает, затягивает, и… Перед моим внутренним взором вдруг отчетливо возник образ Ковена: спина напряжена, он не оборачивается, отводит руку, чтобы я не подходила – но и на меня не смотрит. И это ужасное поле намеревается поглотить его…

Я дернулась от этой мысли. Напряжение передалось моей ниточке, и яркими солнечными молниями взорвалось вокруг указки. Поле вокруг нее зашипело, освобождаясь от груза, и на всей скорости указка рванула ко мне. Я взвизгнула, моментально потеряла контакт со вторым зрением и юркнула под парту. Сердце отбило жуткий ритм. Сзади меня раздался возглас, и я услышала, как кто-то с грохотом свалился со стула. О деревянный пол застучала указка.

Я перевела дыхание.

– Хороший прием, луна Янви, – прокомментировала Гвинетта Анд под взрыв хохота и аплодисментов. Я нервно улыбнулась, натягивая радушие на лицо – до сих пор было немного страшно – и осторожно вылезла из-под парты. – Только в следующий раз я бы попросила не отвлекаться на посторонние предметы, чтобы призываемые вами вещи не становились причиной летального исхода. Учитесь концентрации – теперь я обращаюсь ко всем. Внимание на доску: чтобы избежать произошедшего, мы с вами научимся кон-

тролировать скорость заклинаемого предмета, то есть поделим получившуюся формулу на этот параметр.

Я обернулась, пытаясь понять, кого только что не убила. Увидела несколько одобрительных улыбок и больших пальцев. Выдохнув, виновато помахала рукой Мàрву Ѧуриг, потиравшему лоб. Судя по тому, что он небрежно улыбался и выглядел максимум бледным, а не при смерти, указка ударила в него плашмя. Я повернулась к доске и закрыла глаза, пока все были отвлечены обновленным заклинанием: взгляд вверх, по углам – но черноты, заполняющей потолок, я уже не увидела…

Надумала, представила того, чего нет. Но я так испугалась за Ковена, пусть все это было не по-настоящему… Вот и Марв получил, и то, что я сбилась со счета, сколько раз попадала в него заклятиями за одиннадцать лет учебы, меня совсем не оправдывало.

– Классное у тебя заклинание получилось, – подбодрил меня Рикки Делф, севший рядом на следующем уроке, практической магии.

Я уже оправилась, поэтому смогла ему искренне – и тонко – улыбнуться. Я знала Рикки с детства. Его семейство и сейчас живет от нас неподалеку. В начальной школе он часто меня провожал до школы и обратно, а когда понял, что его обаяние может покрыть гораздо большую территорию, переключился на другие звездные юбки. Поэтому я давно заметила, что если Рикки заговаривает со мной, то ему непре-

менно что-то от меня надо.

Увидев мою хитрую улыбку, Рикки прищурился:

– Что ты мне улыбаешься?

– Говори, что привело тебя ко мне, Рикки, – завела я немного напевно, – не так часто ты радуешь меня своим присутствием, что значит…

– Что ты, Джина, мы же друзья! – но заметив, что я уже открыла рот для новой речи, поспешно продолжил: – Ну, расскажи, как ты это сделала на общей магии? Ты же боролось со столькими духами сразу!

– О, это умение требует не только долгих и томительных тренировок, но и мозгов, – я выразительно постучала по его черепушке, – поэтому, к сожалению, тебе его ввек не осилить.

– Ну, знаешь! – попробовал обидеться Рикки, но я слишком хорошо его знала, поэтому, не смущаясь, добродушно рассмеялась. Эдгард Офици не замедлил сделать мне и Делфу замечание. Впрочем, скорее это было из-за самого присутствия Делфа.

– Попрошу всех обратить на меня внимание, – громко произнес учитель, постучав по столу указкой, не соизмерив силу. Указка тоскливо треснула, и я мысленно пожалела ее душу. – Будем отрабатывать телекинез, так как не все его усвоили на прошлой неделе. И для пущей запоминаемости, мы проведем дуэли. Не надо галдеть, я еще не объяснил правила.

Хоть какой магией обладай, а общие вещи знать надо. Правда, на земле мы пользовались только своей родной. Но дополнительные знания всегда пригодятся – жизнь на небе никто не отменял.

– Два участника встают перед доской друг напротив друга – будем использовать пятое измерение, так как я знаю, какие вы лентяи перетаскивать столы и стулья. Эти двое могут использовать для волшебства все, что попадется в их поле зрения. Включая и живые объекты, если они мне очень сильно надоедят, – с этими словами учитель многозначительно посмотрел в сторону Маджи Весена, непонятно каким образом затесавшегося на урок.

Ревнивые девочки, окружавшие его непробиваемой стеной, одарили нэта Офици гневными взглядами, которые тот полностью проигнорировал. Мне бы его выдержка и нелюбовь к весеннему отпрыску. Сердце подозрительно ёкнуло, и я схватила за руку Рикки, оставив его удивленный взгляд без внимания. Фух, вроде стало легче.

– Так, первыми счастливчиками пусть будут, – учитель выдержал интригующую паузу, – Роза Вѐла и Энди Триàнг.

Этих ребят я знала: Роза была в моем классе, мы даже иногда обменивались вестями, а Энди как-то ухлестывал за Лизой, поэтому у меня было достаточно времени помогать подруге его отшить. А вот в бою мне удалось увидеть только Велу. Поэтому было очень интересно, что может противопоставить ветряному волшебству Розы соло Трианг.

Ребята спустились в низ аудитории, – нэт Офици уже успел создать пятое измерение – причем, девушка, спрыгнув, поправила выбившуюся из прически прядь. Либо уверена в своей победе, либо красуется перед Весеным, даже не знаю, что вернее.

Энди Трианг вышел уже серьезный, наверняка перебирая в уме, какие лучше заклинания, помимо телекинеза, применить. В конце концов, в этом нас никто не ограничивал. Оба встали в стойку. Учитель, выждав некоторое время – умеет же он заинтриговать! – махнул рукой на манер судьи, и веселье началось.

Роза, как я и ожидала, вначале опробовала соперника заклинанием ветра: воздух вырвался из ее натренированных легких и врезался во что-то невидимое прямо перед носом Энди. Мелькнули три острых угла и три четких линии, и образовали защитный треугольник. Я цокнула языком – могла бы догадаться по фамилии, какой Энди владеет магией.

В следующую секунду в Велу полетел толстенький учебник, чуть не зашибив ее по голове – вовремя пригнулась. Избавившись от ветряной атаки, Энди виртуозно начал посылать в девушку сразу три левитирующих книги, умудряясь держать их в воздухе и изменять траекторию. Я была в шоке. Никто на моей памяти не мог орудовать сразу тремя предметами, не теряя при этом концентрацию и не забывая о защите. Даже я могла поднять в воздух и полностью владеть только одним объектом, пусть даже и тяжелым.

Роза еле успевала отбиваться взмахами рук – ветер при этом долетал даже до зрителей и врезался в прозрачную преграду, созданную учителем, – и посылать новые заряды в неприятеля. Я подумала, что в настоящей драке ее волшебство может стать мощным, но одновременно и разрушительным оружием, тогда как у Энди все упиралось в четкость и слаженность действий. Пусть он и пользовался своей магией только как щитом, но зато он без труда мог использовать другие заклинания.

Просчитав все это, я уже знала конец поединка. Через пять минут Роза окончательно сдалась и, тяжело дыша, подняла руки, напряженно следя за висящим перед ее носом томиком «Практическая магия. Седьмое издание».

Трианг, довольный собой, мягко опустил книгу перед ней на пол и поклонился аудитории, которая не замедлила разразиться аплодисментами. Обожаю такие поединки. С помощью них я не только наблюдаю за магией другого вида, но и оцениваю качества будущих возможных противников. Насколько мне известно, на земле практикуют такого вида поединки между заклинателями, и в зависимости от того, насколько силен и умел звездный дух, зависит их исход. Вот бы попасть на них в качестве участника!

Через двойку следующих противников нэт Офици недовольно воззрился на меня и Рикки. Делф как раз втолковывал мне что-то про то, как когда-то он победил одного из участников сокрушающим водяным ударом.

– Похоже, сейчас ты будешь доказывать, чем же все-таки твой удар так хорош, – сквозь зубы процедила я и оказалась права, потому как Рикки и меня вызвали к доске. Ладно, так уж и быть, прощу ему этот проступок. По дружбе.

Я встала напротив легкомысленно машущего в сторону зрителей Делфа, пытаясь вспомнить, какими же такими приемами он может меня поразить. Из опыта одиннадцати лет я помнила, что он владел магией воды и звука. Со звуком у него было вообще никак, разве что ему очень повезет с противником, а магию воды я с легкостью могу обратить себе в пользу. Рикки с предвкушением прикрыл глаза и крикнул мне:

– Не думай, что я тебя пожалею, раз мы друзья.

– Это ты не сильно надейся, – улыбнулась я и запустила в него с бока первую книгу.

Надо признаться, Рикки сражался достойно, но до меня ему было как пешком до мира людей. Ему постоянно приходилось блокировать мои летающие предметы водой, а когда он запускал в меня очередную волну, я попросту превращала ее в лед, а затем направляла на него в виде метели. Так я экономила силы, а он тратил свои. К тому же он ни разу не использовал телекинез, то ли потому что не успевал, то ли не знал его вовсе.

Когда он в очередной раз закрылся от меня оболочкой воды, я не без широкой улыбки заморозила ее, представив зрителям твердый белый шарик. Аудитория захохотала, а через

смех зала я услышала, как Рикки стучится изнутри и глухо угрожает мне всеми небесными демонами, если я немедленно его не выпущу.

Я подняла руку, повышая температуру, и оболочка, шипя, растаяла голубой водой. Не успел Рикки разразиться новой тирадой, Эдгард Офици уже засчитал мою победу.

– Вот она, моя лучшая ученица, – гордо сказал он, – а вам, соло Делф, еще учиться и учиться.

Я благодарно поклонилась, улыбкой отвечая на аплодисменты.

– Может, кто-нибудь хочет с ней сразиться?

В воздух взвилось с десяток рук, а голоса подарили искренние эмоции.

– Луна Янви, если вы не против, то пусть вашим противником будет Бивел Ариес.

– Я не против, – незамедлительно ответила я. Мне было в самом деле интересно, как я смогу противостоять одному из знаков зодиака.

Ариесами, если мне не изменяет память, по-другому именовали Овнов. Вот только я не могла припомнить, какой именно магией мог обладать он. В любом случае уверенность била из темноволосого парня ключом. Я даже сама на несколько секунд в нее поверила. Но потом подумала, что это вполне может быть простое внушение, и коротко улыбнулась сопернику. Тот, оценив мой профессионализм, сразу перешел к действиям.

В меня понеслись комочки… шерсти?! Я завизжала, уйдя вбок на нереальной скорости. За партами захохотали, и неясно, что еще их так развеселило. Не, если меня будут атаковать пушистым волосяным покровом, я за себя не ручаюсь! Я чуть было не попала под направленный в меня томик, крикнула «Гласиала ара» – Бивел заставил меня произнести родную магию вслух! – и очень обрадовалась, когда самое сильное мое заклинание подействовало: пушинки мгновенно покрылись льдом и упали, звонко рассыпавшись по полу.

Пока мой противник отвлекся, я послала в него тот самый томик, который чуть не угодил мне в голову, и попала им под дых. Издав слабый хрип, Бивел Ариес рухнул на пол. Нэт Офици, на глазок определив его состояние, распорядился доставить ученика в медпункт. Бивел меня вынудил…

– Кто следующий? – не спрашивая моего мнения, обратился учитель к классу.

Я, часто дыша, смотрела на веер рук, обладатели которых жаждали со мной сразиться. Ну, если прикинуть, мне еще хватит сил на одного сильного соперника и трех помельче. Я сама принялась рыскать по залу глазами, выбирая кого-нибудь интересного.

– Разрешите, я.

Я остолбенела, не веря своим ушам. Замолкшие классы разом обратили свои глаза на обладателя приятного голоса, а я тут же замечтала, чтобы меня поскорее вызвал в мир людей Ковен.

Маджи поднялся, следя за моей реакцией глазами, – какой еще реакции он, интересно, от меня ждал, если я при его виде и пальцем пошевельнуть не могу?! – и не торопясь спустился к доске. Учитель возмущенно подергал тем местом, на котором обычно располагаются усы, но спорить не стал, а лишь отошел за защитный барьер. Весен спокойно встал напротив меня в расслабленной позе.

Краем глаза я замечала негодующие взгляды школьниц, от действий которых я давно бы уже воспламенилась, знай эти девушки подходящее заклятие. На мое счастье их изучали только в академии, поэтому стать свечкой мне не светило. Гораздо больше пугало меня другое: как я буду драться с Весеным.

– Луна Янви, – произнес он, выставляя вперед руку, – позволите ли вы сразиться моей весне с вашей зимой?

Я нахмурилась… что не скрылось от моего противника. Несмотря на очень щекотливый контекст, от которого пара девчонок попыталась свалиться в обморок, меня эта фраза грозила вывести из себя. Но мне хватило того эффекта, что она уже произвела – я смогла двинуться и, не дожидаясь противника, ударила первой.

Маджи уклонился от снежной косы и расставил на вытянутой руке пальцы. Я вскрикнула, когда под моими ногами зашевелился пол и мне в лицо полетели толстые зеленые стебли. Не успела я закрыть глаза, как эти стебли зацвели перед моим носом душистыми розами, а из зала я услышала

восхищенные (и одновременно ревнивые) вздохи. Я ошарашено уставилась на Весена. Он что, играет со мной?

Злость вспыхнула, и я послала шипы из стеблей прямиком в тело парня. Он ловко увернулся, однако я заметила, что он удара не ожидал. Не тратя время, я заморозила стебли и со всего маху ударила их ногой, а потом слевитировала осколки в направлении парня. Тот кувырком ушел из-под атаки и начал телекинез против меня.

Полетели книги, ручки, даже цветы с подоконника. Последние умудрялись расцветать передо мной и загораживать обзор, но я быстро сносила их метелью.

У меня кончались силы. Я уже не надеялась позвать хозяина на помощь, – не знаю, как эта мысль забрела в мою бедную голову, ведь связываться с повелителем могут только академики, – нужно было завершать атаку мощным ударом, иначе я просто проиграю. Обидно и позорно.

Конечно, атак влюбленных в Весена девушек уже не избежать, но сейчас мне было качественно все равно. Я перебирала глазами валяющиеся в поле зрения предметы, соображая, чем бы стопроцентно можно было прибить.

– Весна всегда побеждает зиму, Джина Янви, – услышала я многообещающие слова, и в меня полетела целая кипа книг.

Я шандарахнула их кулаком – ахнувшие зрители увидели, что моя рука втрое увеличилась в размерах, покрывшись прочной коркой льда, а кулак напоминал величиной голову

звездного быка.

– Я ненавижу весну, – гневно прошипела я, и Весену в затылок врезался цветочный горшок.

Парень упал на пол, и через пару секунд уже потирал ушибленное место в окружении взволнованных девчонок. Я смотрела на него, и меня пробирала такая злость, которой я не ощущала ни к кому в жизни. Он встретился со мной глазами, но я лишь разочарованно покинула класс, несмотря на строгие указания нэта Офици не выходить из аудитории. Да какое право имеет кто-либо останавливать меня в такую минуту?!

Я ненавижу весну… Больше всего на свете.

Потому что весной должна была родиться я.

Глава 7. Звезда

Спустя двадцать шесть дней после события

– Не двигайся, тебе только-только стало лучше.

Мягкие руки потрогали мои щеки и ямочку над губой.

– Температура немного спала, но вернется снова, если я не дам ей жаропонижающего. Присмотри за ней, я приготовлю отвар – и чтобы без фокусов!

– Да, Владимира, – покаянно наклонил голову парень.

Девушка удалилась, шелестя юбкой. Грациозно, без лишней спешки, но и не отставая от положенного темпа, так, как еще никто не уходил на моих глазах.

– Как ты, Джиночка?

Я удосужилась оторвать взгляд от исчезнувшей за поворотом стены юбки и слегка обалдело посмотрела на Ридена.

– Тебе все еще плохо? – сильнее забеспокоился он.

– Риден, – неровно молвила я, слегка дернув рукой в надежде показать на стену, за которой только что исчезла фигура (на случай, если парень не заметил), – она… а-а…

– Ух, значит, ты в порядке, – обрадовано оскалился Риден и похлопал по месту, где под одеялом предполагаемо находились мои руки. – Я волновался. Ты так неожиданно упала, прям как перед моей дверью днями ранее! Ты, случаем, не боишься открывающихся дверей?

– Рид…

– Да-а, знаю, она хороша, – улыбнулся он, посмотрев в сторону, куда указывал мой воображаемо поднятый палец. – У всех такая реакция при первой встрече. У парней так точно! А как она готовит лепешки, ммм!

– Но она же… – я с трудом формировала мысль, пока Риден облизывался. Слова вертелись на языке, но я никак не могла облечь их в нужную форму. – *Почему ты с ней до сих пор не встречаешься?*

Язык Ридена остановился на полпути, а глаза уставились на меня, но мгновенно потупились. Он даже слегка покраснел.

Он же человек – он может!

– Понимаешь… я пытался.

– Значит, недостаточно!

– Я очень достаточно, правда! – начал он заверять меня. – Но она отшивает всех особей мужского пола независимо от их расы и профессии.

– Но она же… *обалденна!*

– Как будто мне не знать! – язвительно скривился парень, в то время как ведьма с подносом появилась из-за стены.

Сказать про нее, что она красива, значило бы не сказать ровным счетом ничего. Она была *безумно красива*. Я еще никогда такого не видела ни у одной встреченной мной девушки.

Она превосходила внешностью любое фантастическое

описание прекрасных принцесс, ангелов, эльфиек (если бы они действительно были такими, какими их описывают слухи). *Лиза ей в подметки не годилась*. У нее были сильные загорелые руки, ало-оранжевая безрукавная блуза подчеркивала ладную фигуру, крупные розовые бусы тяжелой длинной ниткой покоились на груди.

Копна густых рыжих волос кудряво выбивалась из-под наскоро собранного хвоста, пухлые красные губы не могли отвлечь от громадных синющих глаз под длинными тонкими дугами бровей. Круглые щеки румяно пылали розовым, вероятно, от того, что она спешно готовила лекарство. В лицо мне дунул приятно пахнущий пар, такого же запаха была и моя повязка.

– Выпей, только не спеши, – мягко – ее голос был как поступь черной кошки! – проговорила она, зачерпывая деревянной ложкой отвар. – Здесь остролист, мята и чай. Тебе станет легче.

Я чуть не подавилась кипятком, хлынувшим мне в горло, но я просто физически не могла сопротивляться этому голосу.

Хотелось смотреть и только смотреть… Быть такой, как она? Совсем нет. Там, где должно было стучать сердце, слабо билось, *ровно* билось – мое. Что плохого в том, чтобы любоваться девушкой? Если она действительно этого заслуживает, что подтверждает не только Риден, но и бывшие ухажеры, по его словам.

Мне казалось, что рядом с ней будто разливалось звездное море, хотя сама она, похоже, была больше штормом, бушующим под водой. Как она это делает? – вот эта мысль изредка высвечивала в моей голове, пока я обжигала нёбо.

– Осторожнее, – промолвила девушка и повернулась к Ридену. – Сколько дней?

– Двадцать шесть, – посерьезнев, ответил парень, будто и не застал его этот вопрос врасплох.

– Двадцать шесть?! Почему ты не привел ее раньше!

– Я как только смог! Она сама пришла три дня назад!

– Сама? – удивилась девушка, пропуская мимо ушей оправдания о сроках. – Ты все это время была одна?

– Да, – «Ваше Величество», мысленно добавила я.

– И ничего не принимала? Какое же у тебя сильное сердце! А Ковен придурок!

– Я скажу ему при встрече, – пообещал Риден.

– Да уж найди его, этого простофилю! – ведьма поменяла компресс на моем лбу. – Как можно быть таким бесчувственным и ослом одновременно?!

– А разве это не идущие бок о бок вещи?

– Нет. Ты же осел, но притащил девочку сюда, а значит, чувства у тебя, хоть малость, да имеются. – Она поднесла ложку с кипятком к моим губам.

– Вы говорите о моем повелителе!

– Пей, – приказала ведьма, не обращая внимания на мои слова. Мое сердце судорожно сжалось после упоминания о

нем вслух. Даже почудилось, что жар вернулся… Ведьма нетерпеливо ткнула мне ложкой в рот. – Он не оставил никакой весточки?

– Я понятия не имею, где носит его задницу, – со вздохом признался Риден, – но отыщу я ее непременно.

– Да уж, и приведи его первым делом ко мне, чтобы я как следует ему всыпала. Бессовестный… Не торопись, милая.

– Чтобы Джина потом никогда не увидела своего заклинателя?

Девушка тяжело воззрилась на Ридена, но почему-то решила промолчать.

– А если серьезно, ты знаешь, как ее лечить?

Ведьма выпрямила спину только после того, как я дохлебала лекарство.

– Я никогда не лечила звездных духов, – размеренно и значительно, словно ее слова были крупными каплями, роняемые на гулкий камень в бездонных коридорах пещеры, произнесла она. – И если бы не Ковен, я знала бы о них ровно столько же, сколько обычный смертный: они иногда появляются на земле. – Она вздохнула. – Ты едва дал мне возможность собраться с духом, потому что ястреба я получила за полчаса до вашего прихода. Ни одна ведьма в округе о лечении таких, как она, понятия не имеет. В библиотеку я зайти еще не успела.

– Зачем тебе остальные ведьмы? Разве ты сама…

– Не возлагай на меня ношу, величины которой не знаешь

сам, – строго оборвала девушка. – Она не обычная заблудшая душа, ее тело источает частички звездной силы, которая теряется в пространстве и не возвращается к ней. Как это остановить я пока не знаю. *Пока* не знаю. Но за кого ты меня принимаешь, если я не смогу вытащить ее из этого загибающегося состояния?

– Я вообще ничего не говорил, – промямлил в ответ Риден, но ведьма уже его не слушала. Она внимательно посмотрела на меня.

– Если бы я не видела это собственными глазами… – после долгого раздумья произнесла она. – Ее тело, ее мышцы, ее температура, пульсирующие вены – все максимально приближено к параметрам человека семнадцатилетнего возраста. Учитываются даже особенности полового строения, – она закусила губу. – Если бы я не знала, что ты звездный дух, я никогда не смогла бы это вычислить.

– И-и…

– Земля идеально подходит под ее скрытие. Если бы не частицы силы, ее бы не выдавало ничто.

– А эти частицы…

– Видны только магу моего уровня и выше, так что здесь она в безопасности, – ведьма встала и прихватила с собой деревянную миску, из которой я ела. – Что касается ее угасающей жизненной силы, я найду способ обернуть это вспять, мне нужно время. А девочка сильная, продержится. Главное, не очень изводи ее своим присутствием.

– Что требуется от меня?

– Через час я дам тебе поручение, достанешь мне кое-какие травы. – Она помолчала. – А лучше нет. Травы я достану сама, тебе не надо светиться. Доставишь нескольким людям мои лекарства, если спросят, представишься моим рабом. Тебя что-то не устраивает? – подняла девушка бровь в ответ на неразборчивое бурчание.

– Владимира, – я все это время молча таращилась на нее. Ее взгляд моментально потеплел, и она ласково положила свою ладонь на мою.

– Милая, я все устрою. Не волнуйся, – улыбнулась она.

Какая же она мягкая. Мне захотелось прошептать слова благодарности за все, что ей предстоит для меня сделать. Но ее внешность… насколько человек может быть красивым? Если бы судьба свела нас с ней так, что она была бы моим заклинателем…

Меня бросило в холод. Слабость прокатилась, и захотелось упасть, еще глубже постели. Мысль о Ковене, заполнившая всю мою голову, отрезвила душу, и я попыталась высвободить свои руки из-под ее ладоней.

– Не трогай Ковена.

Она посмотрела на меня так, будто я перед ней стала мухой, которую постигнет участь быть убитой плеткой.

А я… как я могла, даже на секунду, допустить мысль, что кто-то мне его заменит? Будет лучше?

– Он мой заклинатель… – я почувствовала, как тишина в

комнате стала непроницаемой и холодной.

***

Девочка упала на подушки. Обморок. Снова!

Я заехала Ридену по голове, этому болвану! До чего дотянул! Он упал, зажимая левое ухо и выдавая звуки, однако, совместимые с жизнью. Да чтоб ему! Как она в таком состоянии может думать об этом осле, Ковене?!

– И кто тебя за язык тянул? – буркнул Риден, обращаясь к обессилевшей звезде, пока я шла в другую комнату. Кто ее тянул… Звездочка, да что же у тебя с чувствами творится, девочка?

Впрочем, я, может, и погорячилась. Надо отдать Ридену должное, он не раздумывал долго, и правильно, что направил девицу ко мне. Еще бы чуть-чуть, и боюсь, одной звездой на земле стало бы меньше. На земле… не думаю, что привыкну к этой странности.

– После доставки останешься у меня, – приказывала я Ридену, когда он зашел за мной в кладовую. Даже если бы Джина не спала, она не могла бы нас услышать. – Естественно, постоянно ты тут находиться не будешь. Нужно собрать информацию и достать некоторые ингредиенты. Я не уверена, что здешняя библиотека обеспечит меня всем необходимым. К другим ведуньям я не пойду, и не надейся! Двух уже пробовала, ты не представляешь, как они на меня смотрели: эти

их прищуренные зенки, тьфу. Никто ничего не знает, и пусть не знают дальше. Поэтому о любом упоминании о звездах сообщай мне. Должно же что-то пригодиться…

– Сколько, думаешь, у нее времени? – парень был как никогда серьезен. Приятная мелочь.

– А сколько, по-твоему, я могу ей дать? Десять, двадцать дней? Повторяю последний раз, пока я не найду способ ее вылечить, я ничего не могу говорить о сроках. Задержать это можно, но отторжение организма – вещь, к прискорбью, нередкая. Поэтому слушаться меня и не задавать лишних вопросов. У тебя час, чтобы разнести это по клиентам, – я сунула ему мешок, он даже не поморщился от взметнувшихся в воздух тучек муки. – Опоздаешь, шкуру спущу.

– Не грози, сделаю, – он уверенным шагом направился к выходу.

И что с людьми делает любовь…

– Риден, – он обернулся. – Я ее вытащу.

И может, ты ей тоже поможешь.

Он кивнул и скрылся в доме.

Глава 8. Неожиданный повод

За три недели до события

Я стояла перед списком лучших выпускников школы. Рядом завлекал молодые умы плакат с надписью «Звездная Академия ищет таланты», оформленный так, что не мечтать туда попасть мог разве что решивший связать свою жизнь с землей навечно. Весьма глупое решение, если учесть, что «вечность» при этом имела определенные временные рамки. Кто-то вроде бы их даже называл…

Я выкинула эту ерунду из головы и снова переступила с ноги на ногу. Как одна из лучших учениц я рассчитывала продолжить обучение в Академии. Знания, которые я могла получить там, во много раз превосходили бы школьные. Говорят, там даже учат обращаться с другими видами магии, не свойственными тебе по рождению! Но в это я не верила. Как и в то, что меня захотят взять с распростертыми объятиями без экзаменов. Но ради Ковена я хотела бы постараться.

Даже забавно получается. Раньше я знала, что попаду туда, если буду прикладывать все усилия в учебе. Я не стремилась быть лучшей – разве что в том плане, что потом работа над собой давалась бы легче. Но всегда был кто-то, кто мог меня обойти, что и показывал список выпускников. Желание попасть в Академию было прежним… только теперь я

поняла, что моей мечтой стало оказаться там, чтобы помочь заклинателю. Никогда бы раньше не подумала, что загадаю это! Ковен что-то со мной делает.

По баллам вот только я выходила третьей, и мне еще предстояло соревноваться с верхними ребятами. Я тоскливо посопела носом, вспоминая их. Занявшего второе место Рȳдвига Пàво я знала только по слухам. А слухи мне говорили, что он из очень богатой и гордой семьи, если не ошибаюсь, имеющей родственные связи с самим Королем духов. Его даже прозвали у нас герцогом. Или графом, всегда я в этом путаюсь.

А вот обладателя лучшего результата я знала чуть хуже своих пяти пальцев. С Андресом Монокеросом мы нередко сходились в поединке, – справедливости ради стоит заметить, что побед друг у друга у нас было примерно поровну, – когда-то вместе выполняли домашние задания, а теперь общаемся реже только потому, что состоим в разных потоках. Я вздохнула. Надеюсь…

– Надеюсь, в Академии будем учиться вместе, – резво закончили за меня мою мысль, и я поприветствовала улыбкой своего дорогого знакомого. Не поминай черта.

Андрес светился всеми тридцатью двумя – словом, был безупречен и бел, и иного никогда не ожидалось.

– Ты всегда преуспевал в телепатии, – скромно сделала я комплимент, на что парень ответил:

– Только в случае с тобой у меня получалось на высший

балл!

Он шикарно улыбался и всегда заражал меня своей веселостью. Казалось, этому духу все нипочем. Статный, высокий, с алмазно-горящими глазами он, пожалуй, мог бы конкурировать с Весеным в обольщении девичьих сердец. Если бы ему все это было нужно. А так он давно уже женился на науке.

– Переживаешь за результат?

– Да, тебе незачем волноваться, – кивнула я и позже вздохнула.

– Это чистая правда! – нагло согласился Андрес, но я не обиделась. Он все же был моим старым другом.

И волшебство его было поистине красивым. Андрес принадлежал к угасающему роду Единорогов – угасающему, потому что невесть откуда предкам взбрела в голову мысль, что претендовать на звание аристократа можно только с одним ребенком в семье. Мысль, даром что не гениальная, привела к сокращению численности, но несмотря на это и к повышению качества. Практически все Монокеросы были широко известны в кругах, и многие из них были действительно замечательными волшебниками. Поэтому на Андреса не просто так возлагали большие надежды. Я сама искренне верила и хотела, чтобы он добился успехов.

– Прогуляемся? – очередная блистательная улыбка, и я про себя порадовалась такому предлогу поболтать и уйти от списка, в котором уже все равно ничего не изменить. Мы

медленно пошли по коридору. – На самом деле, я хотел тебя кое-куда пригласить.

Я прищурила глаза. Конечно, красноты на щеках Монокероса ввек не дождешься, но смущенно отведенный взгляд я все же получила.

– Ты не подумай, это не свидание, – поскорее добавил он.

– Напротив, у меня и в мыслях этого не было, а вот теперь ты подкинул идею.

Андрес сдавленно фыркнул. И я поддержала его улыбкой – действительно смешно.

– Короче, объясняю, в чем молоко. Слышала, наверное, про чемпионат «Звезды с неба»? – я отрицательно покачала головой. – Дуэли заклинателей представляешь? Вот это их официальный вариант. Есть арена, есть трибуна, есть зрители и есть участники: заклинатели и их духи. В каждом туре можно заработать призы, но пока нам доступна только первая ступень. Потому как возможность принять участие в схватке зависит от количества духов, которыми обладает заклинатель.

– Угу, – я задумалась. Тратить энергию Ковена на то, чтобы посмотреть состязание? Наверное, стоит его попросить, но вдруг он не согласится. Хоть и силы ему не занимать…

– И у тебя есть два билета? – между прочим уточнила я.

Андрес посмотрел очень внимательно, отчего я почувствовала себя слегка тронутой.

– Джина, в тебе ни грамма логики. Я предлагаю тебе

участвовать.

– Мне?! – сказать, что я была поражена, значит не сказать ничего.

– Ну да! У тебя же наконец есть заклинатель, с чем, кстати, тебя и поздравляю.

– Спасибо, – промямлила я, все еще не веря своим ушам. – Андрес, я всего лишь месяц знаю своего хозяина, ты уверен, что мне стоит пробоваться так рано?

– Хозяина? – Андрес тут же мотнул головой. – Тю, Джина, какая ты неинтересная, – похоже, расстроился он. – Я тебе такой класс предлагаю, а ты собираешься отказаться!

– Я подумаю…

– Не надо думать, знаю я вас, девушек, – фыркнул он, а я еле сдержалась вякнуть «откуда?». – В таких вещах надо говорить сразу: да или нет. А не тратить попусту время на глупые… раздумья.

В моих глазах появлялось все больше сомнения. Но не потому, что я начала размышлять, как еще раз, но уже безусловно, отказаться, а потому, что поведение друга явственно изменилось.

– Вики тоже любительница подумать, а что тут рассуждать? Учитывая, какие награды ждут победителей, тут и решать ничего не надо!

– Какие награды?.. Стоп, а Вики – это… – я боялась дальше продолжить мысль. Иначе Андрес разрушал мое представление о нем вот прям сейчас.

Парень выдохнул через нос.

– Моя повелительница, – сказал он после паузы.

Я открыла рот.

– У тебя девушка? – мне что, это не снится?

– Девчонка, я бы даже сказал, – насупился Андрес. – Мелкая, непослушная, всего боится, даром что восемнадцать лет.

– Я ее понимаю, – все еще в ощутимом ступоре произнесла я. Ой, от Андреса, особенно, в порывах вдохновения, можно ожидать чего угодно.

Но только в его словах главное совсем не это.

Пока друг окидывал меня очень выразительным взглядом, я вяло улыбнулась:

– Наверное, на небесах что-то перепутали… Потому что моим заклинателем оказался парень.

– Ничего они не могли перепутать, – уверенно заявил Монокерос, и я вдруг сама почувствовала, что… не может быть иначе. – В таких вещах ошибок не бывает. И если мы с тобой угодили в исключения, это что-то да значит. И я предполагаю, что значит многое.

– А сколько… ты можешь находиться на земле? – тихо произнесла я. Ответ на это стало просто необходимо узнать.

– Если очень повезет, то продержусь час, – подумав, сказал Андрес. – Она девчонка способная, старается, и усердно. Но только вот ее страхи. Эх, совсем я с ней замаялся, постоянно приходится ее убеждать!

– Ясно, – кивнула я. А внутри в это время разрасталось тепло. Похоже, случай у меня еще более исключительный, чем у моего друга. Всего час… и это предел самой способной повелительницы, потому что, я не сомневалась, Андресу должна была достаться девушка, претендующая минимум на докторскую степень в лучших университетах человеческого мира (если такие у них и вправду имеются, как заверяли нас книги). Я улыбнулась. Ковен – сильнее. Более способный заклинатель достался мне, а не тому же Андресу, лучшему ученику школы.

Я могла им гордиться.

Мы прошли еще немного, болтая о том о сем. И тут меня неожиданно накрыло чувство, теплу которого я обрадовалась однозначно больше, чем ранее появлению звездного друга.

– Андрес, похоже, меня зовут, – со счастливой улыбкой произнесла я и коротко прикоснулась губами к его щеке.

– Удачи! – пожелал мне мой самый непонятный друг, и я закружилась в снежной метели.

На ходу я, однако, готовило сильное заклинание.

– Ковен! – крикнула я, надеясь, что мой хозяин догадается и откликнется раньше, чем на меня понесутся заклятия или острые металлические предметы.

Но я в удивлении застыла на месте. Никаких перевернутых ящиков, столбов пыли, размазанной по полу крови (случалось) и в помине не было, местность же наоборот

очень сильно напоминала мне злополучную комнату-квартирку моего заклинателя.

Только на этот раз здесь было прибрано, что само по себе наводило на пугающие мысли, за столом, увеличившимся размером вдвое, рядком было расставлено штук шесть стульев, с которых на меня с глазами по пять серебрушек смотрели незнакомые парни.

Минуту никто не говорил ни слова, я же не догадалась убрать нарастающую метель в своей руке, и она нежно лизнула лампочку на потолке. Лампочка не выдержала таких ярых проявлений чувств и истерично закачалась на проводе.

Ковен, которого я, тем не менее, смогла различить среди уставившихся на меня мальчишеских лиц, все больше приобретал сходство с помидором. Я, жалея лампочку, наконец-то развеяла метель, и тут в тишине раздались первые залихватские слова, произносимые чуть хрипловатым голосом:

– Так это и есть твоя боевая подруга, а, Ковен? Что ж ты заставляешь девушку постоянно быть в режиме полной готовности?

Парни расслабленно заржали, но я успела сообразить, кто обратился к моему заклинателю: небесно-голубой взгляд, разве что не такого глубокого оттенка, как у Ковена, все это время упирался в меня. Его обладатель выдвинул из-под стола предусмотрительно припасенный седьмой стул, и я села рядом с повелителем, непривычная яркость щек которого

подсказывала мне подождать с расспросами.

Оглядев стол и любопытные лица собравшихся, я заключила, что здесь что-то празднуют.

– Ну, знакомь, Ковен, – продолжил тот же парень, оказавшийся от меня по левую руку. – Или ты от смущения дар речи потерял?

Ковен задохнулся в хлынувшем смехе. Я по-прежнему ничего решительно не понимала:

– Вы кто, простите?

Парень, разговаривавший со мной, хитрящки улыбнулся.

– Мы закадычные приятели вот этого бедолаги, – он указал на постепенно розовеющего Ковена, – можно даже сказать, приятели по несчастью.

– По сиротско-тоскливому несчастью, – добавил соломенноволосый парень с пустым моноклем в глазу.

– По несчастью, пахнущему редкими ноликами, – усмехнулся еще один с золотым верхним клыком во рту.

– То есть… – не совсем поняла логику я.

– Воры.

– Жулики.

– Попрошайки.

– Иными словами, специалисты по беспризорным карманам, – закончил четвертый, пыхтящий над какой-то замысловатой металлической конструкцией.

– Э-э?

Других слов у меня не находилось. Я обернулась в поис-

ках поддержки к Ковену, но он, отчего-то испугавшись моего вопрошающего взгляда, опять начал набирать в цвете. А ведь только недавно его лицо приобрело равномерный белый окрас.

– Я Риден, – откровенно забавляясь моей реакцией, произнес мой сосед и указал на других, – это Фрон, Галлен, Никки, а вот тот, который все время молчит, – Артур.

Последний представленный не торопясь вытащил трубку изо рта и с подозрительным всасывающим звуком произнес:

– Здравствуй, дева, фимиам будешь?

Его изрядно сиплый голос поборол все мои прежние представления о курящих особах. Не дожидаясь моего ответа, он снова затянулся, блаженно выдыхая дым через нос. Ой, нервно подает сигналы моя интуиция, не одним фимиамом там обошлось!

– Очень приятно, – не стала оригинальничать я, переводя взгляд с одного на другого. Парни откровенно изучали меня, и спасибо, хоть не комментировали вслух.

– Ты не стесняйся, мы ребята мирные. С такими красавицами, как ты, – весело уточнил Риден.

Его голубые глаза горели азартом. Мой взгляд машинально переместился на его волосы: были они еще больше растрепаны, чем у Ковена, и в чернущих густых прядях проглядывали бело-серые, будто полученные в результате сильного страха. Лицо было чуть бледным, каким обычно в наших книгах изображают у вампиров, очень близко к этому.

– А ты, стало быть, звездный дух Ковена? – вдруг продолжил он, отвлекая меня от вспоминания главы параграфа.

Я неуверенно глянула на заклинателя. Обычно мы не приветствовали разглашение того, кто мы есть на самом деле. В договоре это не прописывалось, но как-то негласно соблюдалось. Одно дело, когда нет выхода, кроме как позвать духа здесь и сейчас – что Ковен регулярно мне пытался демонстрировать, вот только похвалы он от меня тут не дождется. И другое – эта странная ситуация… Но это же вроде его друзья. И я уже прокололась, появившись как нельзя более эффектно. Научил.

– Да, – я не успела кивнуть, а мальчики уже расцвели оскалами. Косой взгляд на Ковена показал, что он, наконец, вернул своему лицу натуральный цвет (и кажется, еле заметно выдохнул).

– Сколдуй нам что-нибудь еще! – возбужденно попросил мой собеседник. – Ну пожалуйста! Все хотят заценить!

Я бы, наверное, еще подумала, но быстрое решение меня убедил принять Артур – ради меня он расстался со своей любимой трубкой. Я пожала плечами и занесла над столом руку. Из ладони с еле слышным звуком заклубился пар, через несколько мгновений сложившийся в маленькую фигурку воющего волка. Послышались удивленные возгласы и дружные аплодисменты. Я перевела взгляд на Ковена. Он сиял приятной улыбкой.

Риден – уголок его рта был приподнят в одобрительной

усмешке – взял со стола кружку и неспешно потянул ее содержимое.

– Волк, значит? – он проникновенно заглянул мне в глаза, сохраняя на лице все то же усмехающееся выражение.

Мне отчего-то стало не по себе, и я поспешила извиниться:

– Ну, я смотрела на твои волосы, и они мне напомнили…

– Можешь не терзаться. Все верно, – он еще раз отпил из кружки и громко поставил ее на стол. – Хрен знает, с кем спала моя матушка, да и бабушка, если уж на то пошло, но только в крови у меня определенно поселился волк. А некоторые утверждают, что и от вампиров я ушел недалеко.

– Смешанные крови в наше время не такое уж исключение, – заметил Фрон, с невероятно умным видом поправив в глазу монокль.

– Разве что еще не было зарегистрировано случая, чтобы оборотни смешивались с вампирами, – подмигнул мне Галлен.

Риден весело усмехнулся и снова схватился за кружку.

– Встречал я одну эльфийку, – задумчиво протянул Фрон, глядя в потолок.

– Это которая с клыками? – обрадовался Галлен.

– Та еще стерва, – согласился Фрон и разочарованно цокнул языком, очевидно, вспоминая подробности.

– Ее укусил вампир, – охотно пояснил Галлен, – чтобы спасти. – И сверкнул мне единственным золотым зубом в

окружении целехоньких и белых.

– И стала она на пару с ним бессмертной, – донесся из угла сиплый глас.

– И выжила, и по ночам теперь как кошка видит, – закончил Галлен и широко открыл рот, приглашая в желудок порцию пива. Я захлопала глазами, ибо мне почудилось, что его золотой клык куда-то исчез, на его же месте блестел ехидством белый.

– Повезло девке, – присовокупил Риден, отлепляясь от кружки. – Ты как, кстати, пиво пьешь?

– Только молоко, – выпалила я.

Воцарилась тишина. Я поторопилась разуверить мальчиков в своей святости.

– Я же звездный дух, а там самыми распространенными являются млечные напитки.

– Я об этом не забыл, – напомнил о себе Ковен и вытащил из-под стола целую… гх… бутыль размером с бочонок.

– Я ж столько не выпью, – слабо запротестовала я

– А у нас ночь долгая! – подбодрил меня Риден, а Галлен громко расхохотался.

Заклинатель начал возиться с пробкой и по окончании своих пыхтений чуть не задел себя по носу.

– Млечное? – принюхался Никки, оставив на время металлическую работу. – Значит, от нашего отличается?

– Где ты его достал? – произнесла я в изумлении, и очень даже гордясь.

– С одного задания получил. Как приз, – с надеждой улыбнулся он, будто прося разрешения. У меня? Мне ли не знать, как тяжело это было сделать – Лиза рассказывала, как ее повелительница случайно обмолвилась о своих приготовлениях перед первым вызовом. А Ковену явно пришлось поломать голову значительнее, чтобы сделать мне приятное…

Когда я впихнула в себя половину содержимого бутыли, а кружки мальчиков опустели по второму (или третьему?) разу, Галлен начал рьяно тыкать в ребра Фрону острым локтем:

– Расскажи ей про свой род, Фрон!

Я нахмурилась: готова была поклясться, что теперь золотом отливала левая бровь. Ковен либо чего-то подмешал, либо молоко уже было несвежим.

Соломенноволосый, потерев натыканное место – на настроении парня это не сказалось совершенно, – важно откашлялся, убрал ловким движением со лба мешающиеся пряди, крепче зажал глазом монокль и глотнул воздуха:

– Моя история, то бишь история всего моего рода, начинается в незапамятные времена, когда королевством правил один лишь король, а страна процветала и плодилась умами…

– Какой король? Какая страна? – непонимающе шепнула я Ковену, но Риден ответил раньше:

– Это совершенно неважно, слушай, как он говорит! – его глаза прямо лучились. Много в нем алкоголя, подумала я, но все равно последовала совету.

Мне еще никогда не было так весело.

Поистине, даже Рикки Делф с его изощренным умом на выдумки, прославившими его по всей школе как первого весельчака и двигателя застойной школьной жизни, никогда не произносил таких патетических речей. Я озиралась кругом, ловя непринужденные мальчишеские улыбки. Даже Артур, с донельзя довольной ухмылкой на лице, чаще пыхтел трубкой. Похоже, эти ребята хорошо проводили время вместе. Как мы раньше с Соулом и Лизой, точно так же…

Риден поднялся со своего места и для пущей убедительности оперся о стол ладонью. В другой руке он держал кружку, за сохранность которой я не была уверена.

– Итак, друзья и очаровательная мадмуазель, – легкий кивок в мою сторону, – давайте же вспомним, ради чего мы здесь собрались. Ковен, приятель! Тебе наконец-то шестнадцать! С чем мы тебя горячо поздравляем. Ты все же преодолел этот сложный рубеж!

– Ковен… так у тебя день рожденья? – обернулась я. В это время парни кричали трехкратное «ура!», а Риден опасно размахивал кружкой над моей головой. Так вот в чем было дело! А я ведь даже без подарка… – Почему же ты мне ничего не сказал?

Заклинатель немного смутился, отчего на его лице вновь чуть выступила краска.

– Как, Ковен, друг мой, – услышал мои слова Риден, – ты ничего не говорил своей дорогой Джине?

Пять пар глаз моментально уставилось на заклинателя.

Артур флегматично пыхнул трубкой.

– Почему «дорогой»? – вскользь заметила я.

Пьянющие глаза Ридена с трудом сошлись на моей переносице.

– Потому что единственная, – наставительно произнес парень и слабо икнул.

Ковен уставился в стол. Его взгляд отчего-то стал мрачнее.

– Мне не хотелось тебя тревожить, – тихо произнес он, однако все умудрились расслышать. У меня мурашки побежали по коже от его тона. Со стороны мальчишек поднялся легкий гул, из которого сипло донеслось «Друзей искренних крайне мало, так и спрос на них велик». Ковен поднял на меня глаза – серьезные и потемневшие. – У тебя своя жизнь, у меня своя. И не стоит их смешивать.

Наверное, мне тоже стоило бы разозлиться. Порвать, пометать молнии – как в прямом, так и в переносном смысле, – обругать его, высказать ему, как он не прав. Он же мой заклинатель! А, это заставляет его думать, что он может распоряжаться моей жизнью? Не спрашивать, что я хочу? Хотела я это произнести… но на языке вдруг не нашлось слов. Я вдруг отчетливо поняла, отчего Ковен мучился последние четыре недели, и отчего мучил меня.

Кто его друзья – воры, мошенники, проказники. Кто он – такой же попрошайка и ловкий на руку. Преступник, говоря прямо. Но мне почему-то совершенно не было неприят-

но или страшно. Наверное, мне хватило времени узнать этих мальчишек с другой стороны – не вещающей буквами закона. Да, наверное… Все хотят выжить – это можно понять. И я не обижалась на Ковена.

Вместо этого я положила свою ладонь на его руку – парни мигом затаили дыхание, в ожидании дальнейшего развития событий – и улыбнулась. Отчего-то робко:

– Я уже вошла в твою жизнь, когда первый раз спасла тебя от разбойников. Никогда не допускай мысли, что я позволю кому-нибудь это разрушить.

Ковен поднял на меня глаза. Я набрала в грудь воздуха:

– Я твой дух, ты мой заклинатель. И ныне и ввеки да будет так.

Кажется, первым всхлипнул Галлен…

– Хе-хе, да вы прям сладкая парочка, – шутливо хихикнул нетрезвеющий Риден, и я ласково огрела его по макушке.

А внутри улыбнулась его словам.

Глава 9. Гости с земли

– Так Ковену исполнилось шестнадцать? – захлопала ресницами Лиза. – Поздравляю!

– Спасибо, – кивнула я, смутно размышляя, а правильно ли это, принимать такие поздравления.

– И много у него друзей? Хорошие? – улыбнулась урожденная Джули с намеком на женское кокетство. Если бы я ее не знала, решила бы, что подруга подсмотрела у людей!

– Хорошие. Очень! – согласилась я, возвращая намек подмигиванием. – Молодцы как на подбор, крепкие, ловкие и с характером. Один даже с трубкой, – вспомнила я фимиамную дымку.

– С трубкой? Курит что ли? – поморщила носик девушка.

– Как джинн.

Мимо нас прошуршала стайка взволнованных девчонок, отчего я сделала попытку спрятаться за спиной Лизы. Подруга вытащила меня оттуда, клятвенно уверяя, что Весена поблизости не имеется.

– Да и вообще он уже как две декады в школе не появляется.

– Беда всегда приходит неожиданно, – изрекла я, тем не менее расслабившись и вставая рядом с подругой.

– Не думаю, что поклонницы пустят его к тебе ближе, чем на версту, учитывая, какую взбучку ты ему недавно на дуэли

устроила, – хитро подмигнула Лиза.

Я немного обиженно взглянула на нее.

– И ты уже знаешь?

– Сплетни по школе разносятся со скоростью ветра, особенно если это касается первого любимца женской половины.

То-то на меня начали смотреть с каким-то… хм… уважением. Хотя не все. Женскую ревность никто не отменял.

И зачем все время людям подражать?

– А воркование тех голубушек, – Джули указала подбородком на удаляющиеся спины, – я могу приписать только одному поводу. – Я молча ждала ответа, удовлетворяя подругу произведенным ею эффектом. Лиза улыбнулась. – Сейчас большой перерыв. Пойдем к главному входу, я тебе кое-что покажу.

Центральные наши двери выходили на уютный скверик: пара клумб, пара скамеек, ядовито-зеленые кустарники причудливой формы и многочисленные петляющие дорожки, вымощенные песочно-желтой плиткой. В сквере происходило какое-то странное оживление, природа которого мне пока была неясна.

То и дело подпрыгивающие и шушукающиеся друг с другом школьники облепили двор и двигались точно беспорядочные молекулы. На лицах было написано по меньшей мере возбуждение. Я удивленно обернулась к Джули, надеясь теперь услышать от нее объяснения. Она, довольствуясь су-

матохой на школьном дворе, искоса посмотрела на меня.

– Пока ты в очередной раз отсутствовала на земле, директор сделал важное объявление. Сегодня к нам прибудут представители лучших земных магических университетов, по одному от каждого учреждения. И один из них вполне может осчастливить своим повелительством какую-нибудь звезду – кто-то будет из Магической Школы Заклинателей Звезд.

– Шахерезады? – обалдело открыла я рот. Кто про нее только не слышал: лучшее заведение для одаренных хозяев! Интересно, а Ковен хочет туда… Стоп.

– Но как они смогут к нам попасть? – ошарашено спросила я, пока Лиза снисходительно поглядывала на шумящую толпу. – У нас же другой состав воздуха! Они же не смогут дышать!

– Хм, думаю, организаторы смогли решить эту проблему, – Лиза хотела что-то еще сказать, но в этот момент раздался звук.

Он сильно смахивал на удар в гонг (и я с удивлением заозиралась по сторонам, стараясь припомнить, а был ли у нас этот гонг вообще). Оживление в сквере стало еще более яростным, но в конце концов приняло законченную форму – ученики образовали полукружек у стен школы и, еле сдерживая нетерпение, уставились на главные ворота. Они у нас были резные, красивые – из звездного широколистного дерева, что только прибавляло им схожести с воздушными об-

лаками.

Медленно, но легко, они начали отворяться, предоставляя странному гонгу время утихомирить ребят. Все с волнением ждали, кто же появится из белого проема портала. Я даже задержала дыхание.

Первым на дорожку ступил высокий седобородый старик во внушающей почтение золотой мантии. Они ни на кого не смотрел, даже не задержался взглядом разок, будто каждый день встречал звездных духов по дороге на службу – я почему-то решила, что он много лет работает на государство.

За ним следовало шестеро молодых людей – парами: донельзя серьезные, однако с еле скрываемым любопытством осматривающие школу и нас. Замыкали процессию двое мужчин среднего возраста неопределенной должности.

По мере продвижения гостей по изгибающейся утоптанной дорожке, я внимательно рассматривала их, сама удивляясь своему столь настырному любопытству. Хотя, думаю, не одна я такая. Первым был высокий белокурый молодой человек в аккуратном светленьком камзольчике. Его голубые глаза светились испугом, ярко контрастирующим с выражением глаз других участников шествия.

В паре с ним была темнокожая – даже сизокожая – девушка с тонкими белыми бровями и белоснежными волосами, из которых, как острия клинков, торчали длиннющие темные уши. Никогда еще не видела таких ушастых эльфиек (в принципе, я и обычных никогда не видела), но эта поразила

меня еще и тем, что особой красоты в ней не было, вопреки рассказам об этой расе: чего стоили одни только узкие уши, которые, как две поссорившиеся подружки, торчали в разные стороны.

В следующем ряду шел детина с поражающе развитой мускулатурой. Темно-русый, с глазами по пять серебрушек, он с открытым ртом взирал на наше здание. Во рту, приглядевшись, я заметила внушительные клыки, впрочем, даже под угрозой изгнания с небес – странное для меня сравнение, но допустим – я не назвала бы его вампиром.

Вот позади него действительно шел вампир, как я и читала: пронзительный взгляд карих глаз, гордый профиль, бледная кожа, зализанные назад черные волосы. Он смотрел на нас как-то отстраненно, чуть приподняв подбородок, но несмотря на это было заметно, что ему приятно внимание женской половины. Тем более что он никогда раньше не видел звездных духов, а мы таких, как он.

Пару ему в процессии составлял непроницаемый субъект в черном развевающемся плаще. Чувствовалась в этом человеке – если это, конечно, человек, – огромная мощь, плавно струящаяся вокруг него, подобно его же плащу. Причем мощь это была далеко не магического свойства (но я могу ошибаться). Перед ним подпрыгивал последний участник – низенький жизнерадостный гном с рыжеватым пушком на щеках.

Лиза неожиданно толкнула меня в бок и, пока я не очуха-

лась от боли, повела обратно в школу.

– Мы не будем смотреть? – почти обиженно произнесла я. Сначала было очень тяжело пробираться сквозь взволнованных школьников.

– Так больше не на что! – отмахнулась подруга, и я была с ней совершенно не согласна. Наконец, мы нашли пустой коридор. – Давай лучше поедим, пока народу нет.

– Нууу, а вдруг что-то интересное будет! – выпятила я губы.

Лиза засмеялась на мое выражение лица.

– Да я и так тебе про них все могу рассказать – мне Соул про магические университеты все уши прожужжал!

В столовой и впрямь никого не было, что несказанно обрадовало и меня, и мой желудок – все-таки. Набрав полные порции угощений, которые приготовили специально к приезду гостей, мы сели за столик, и Лиза воодушевленно прихлопнула в ладоши.

– Итак! У нас сегодня здесь аж шесть магически одаренных – из Шахерезады, Гуна, Вышки, Леса, Ума и Гор.

Я закашлялась.

– Конечно, так заведения просто короче называются, – ответила Лиза на мой «вопрос». – Ну, не мне тебе про Шахерезаду рассказывать.

– Угу. Вот бы Ковен туда поступил… – но сразу выяснилось, что подруга меня не слушала:

– Думаю, оттуда приехал тот белокурый, – полухитро

улыбнулась она. Я пожала плечами и налегла на пирожное. – Он так смотрел на нас, что мне его даже жалко стало!

Лиза хихикнула.

– Вампир, соответственно, учится в Вышке – Высшей Школе Вампиров. – Девушка постучала ноготком по подбородку. – Университет для привилегированных клыкастых отпрысков, ну и одаренных детей, с ограничением по расе. А девчонка, очевидно, из Эльфийского Магического Университета. Хотя я удивлена, что они принимают своих темных собратьев. Куда катится Лес? Кстати, она некрасивая.

– Согласна, – я смотрела на еду, к которой Лиза даже не притронулась.

– А сколько разговоров было, ну их, сплетников. Ты меня слушаешь? Вот кто действительно произвел впечатление по части оправданных слухов, так это студент Вышки. Глаза, нос, волосы, плечи… мм.

– Но опять же, внешность на любителя, – заметила я. Лиза обхватила себя за плечи, о чем-то с улыбкой размышляя. – Та же бледность кожи, – решила я напомнить в довесок.

– Многим нравится, – промурлыкала Лиза.

– Многим нравятся сказки, – парировала я.

– Ну ладно, бросим вампира, – быстро согласилась подруга. – Кто там еще был? А, тот рыжий гном. Правда, забавный? Странно, что у него веснушек не было. Насколько я знаю, в их универе учатся не только гномы, но и великаны, и люди. Там упор идет на специализацию. Высший Горный

– это вам не хухры-мухры.

– Перенимаешь лексикон людей.

– Есть немного, – Лиза возвела глаза к потолку. – Оборотень, скорее всего, из гунов.

– Кого-кого?

– Университет Нелюдей. Там их много разных. Говорят, жуткое местечко. И разномастное.

– Уверена, что он оборотень? – нахмурилась я.

– Одна мускулатура чего стоит. Ну и клыки к чему? Больше по мирологии я никаких рас не знаю, подходящих под это описание.

Я задумчиво пожевала второе пирожное. Меня почему-то волновало, какой возбужденной выглядит Лиза. Хотя пару минут назад я вела себя точно так же. Не успела я принять эту мысль, как девушка вдруг поникла.

– Вот про последнего ничего не могу сказать, – произнесла она как-то тускло. – Он вообще человек? Жуткий тип.

– Кто? – удивилась я, пытаясь вспомнить, кто остался… Парень в плаще? А что в нем такого? Да, мощь чувствовалась, еще какая, но не до такой же степени, чтобы напугать подругу. Маг, скорее, внушал уважение, может, почтение, нежели страх.

– Ты видела его глаза? – почти со священным ужасом в своих пролепетала Джули. – Холодные, как камень! А когда он взглянул на меня, я думала, упаду в обморок. До того стало страшно…

Я честно постаралась вспомнить, коснулся ли этот человек взглядом меня. Нет, не было такого. Да и не припомню, чтобы он в кого-то специально всматривался. Скорее, его взор был спокойным, как хладное стекло, и непроницаемым, как качественная иллюзия.

– Универсальный Магический Университет, – тихо произнесла Лиза. – Каких же монстров там учат, если лучший из них – вот этот?

Я не совсем была согласна с ее выводом, но спорить не стала. До пустой столовой не долетали голоса снаружи школы. Лиза, видимо, решив отвлечься, наконец взяла пирожное в руки. А то бы я отобрала… хоть о вампире подруга перестала думать.

Потом, когда мы побаловали животы, нам поведали, что гостей сначала провели в Главный зал для официальной церемонии приветствия (пять обмороков, десять массовых визгов и одна попытка суицида – уж не знаю, кому и отчего принадлежала последняя, и не хочу думать, что причина этого крылась в маге из Ума), а затем вместе с учителями и директором их закрыли в его кабинете. Для приватной беседы, разумеется.

На школьников гости произвели большое впечатление – по коридорам духи теперь брели, воодушевленно жестикулируя и рассуждая о достоинствах студентов. Естественно, все уже позабыли о занятиях. Когда мы проходили мимо мальчишек, гадающих с умными лицами, «какой оказалась бы

светлая эльфийка», Лиза фыркнула. Я проводила взглядом очередную повизгивающую женскую стайку.

– Эх, не видит этого Соул, – вздохнула Джули.

– Не боишься, что появится конкуренция?

– Эльфийке не в чем со мной конкурировать, – с достоинством произнесла девушка. – Это не его тип женщин.

Я порадовалась ее обычному расположению духа и вернувшемуся самомнению.

– Ты уже знаешь его тип?

– Да. Она не похожа на меня, а значит, и не его тип.

Я улыбнулась. Лизе действительно было чем гордиться.

Нашим руководством было решено, что гости пробудут в школе еще два дня, из которых первый полностью посвящался празднествам, а второй – общению студентов со школьниками, что заключалось в присутствии на занятиях и в обмене опытом. Думаю, завтрашний день будет самым аншлаговым за всю историю школы. Я даже слышала, как некоторые старшеклассники брали отсрочку на один день у своих повелителей.

Лиза поступила так же, правда, весьма оригинальным способом. Когда ее вызвала Сула, чтобы дух помогла донести тяжелые покупки домой, подруга отчитала ее так, что после довольно мне сообщила, что свободна на целую неделю.

Я все же надеялась, что сумки она помогла донести… Ведь несмотря на то, что Лиза обращалась с Сулой достаточ-

но своенравно, я уверена, она была бы не прочь прошвырнуться с ней по человеческим магазинам, если бы та была сильнее. Самого Соула его хозяин Зик не упускал возможности вызвать на матчи по скейтбордингу, за что друг был ему безумно благодарен.

Мне по всеобщему поводу беспокоиться не стоило. Вчера злополучные приятели Ковена накачали его какой-то гремучей смесью земных напитков, – я чуть сама не запьянела, когда он на меня дыхнул, – так что я его долго отпаивала рассолом, а сегодня более чем вероятно он мучился жутким отходняком. Ну, я потом его поругаю, когда оклемается.

Праздник выдался на славу. Сначала гостям показали Зал Созвездий – на весь потолок там раскинулась карта нашего мира, а стены заполняли древа всех звездных семей. После в Главном зале устроили небольшой инструментальный концерт, который не испортили даже красные, как помидоры, участники, заражавшиеся этой вредной особенностью, как только поднимались на сцену.

Играли они, правда, исправно, одного особо одаренного эльфийка даже отличила хлопаньем в ладоши. Мальчик совершенно растерялся, когда она подошла к нему и предложила поспособствовать зачислению в свой университет в качестве прохождения годовой практики. Невыполнимая, конечно, вещь, но было очень приятно.

Потом нас предоставили самим себе. Кто-то решил продемонстрировать лучшую звездную музыку, и из колонок по-

лились знаменитые мелодии. Быстро возле каждого студента образовалось по большой кучке школьников. От желающих узнать о жизни на земле и учебе в магических университетах не было отбоя. Девчонки строили глазки всем подряд, некоторые немного косели, не умеючи выбрать один объект для поля действий.

Эльфийка благосклонно ворковала с нашими мальчиками, показывая всю благодушность своей расы. Странно, ведь о таких эльфах я читала, что они воинственны… Белокурый повелитель, кажется, приободрился, когда его окружила стайка девчонок. Наблюдая за этим, я подумала «наконец-то!». У него наверняка должны были быть договоры с духами до поступления в университет. Вот и сейчас, на второй уже минуте, послышались шутливые предложения об их заключении.

Спустя некоторое время зазвучала какая-то чужеродная, необычная музыка, и на середину зала вышли отплясывать гном с оборотнем. Мы с Лизой оказались в кучке вокруг них, наяривавших джигу – так вот, что это такое! Верно говорил Ковен, в том чае совсем не джига была.

Скоро, поддавшись веселым оскалам земных ребят, потянулись танцевать и остальные. И Лиза – я не уследила – подхватила под локоть вампира и исчезла в толпе. Я стала испытывать какое-то смутное чувство. Но решила пока не обращать на это внимания, Джули – не маленькая девочка.

Незаметно пролетели часы. Парни-гости уже нашли се-

бе по несколько подружек, эльфийка – несколько дружков, грозно косящихся друг на друга у нее за спиной, я же поняла, что уже долго не видела Лизу. Когда же наконец заметила мелькнувшие черным блеском длинные волосы, подруга покидала зал, а за талию ее обнимал тот самый вампир…

У меня зашевелилось в сердце что-то жгучее. Конечно, я не сомневалась, что Лиза отобьет у других соперниц этого красавца – на любителя, – но это же вампир. С земли. Да и Соула никто не отменял! Правильно, Соула. Я попыталась скинуть все на горячительные напитки, которые гном с оборотнем смогли протащить в зал, несмотря на запреты «Звездам до семнадцати» и «В школу только с молоком» (сама я не пробовала, но другие были в восторге)…

Я постояла на месте. Сердце настоятельно подсказывало смахнуть вампирскую руку со звездной талии, чтобы никому потом не было неприятно. И Лиза опомнилась.

Я поспешила вырваться в достаточно тихий коридор. Меня, правда, попытался удержать за руку Марв Ауриг, но я сослалась на срочные дела. Вне Главного зала было гораздо свежее, я еще слышала приглушенные басы, пока шла по коридорам. Ускорила темп, пробежала несколько метров и завернула налево, надеясь, что чувство направления мне не изменило. И заметила скрывшуюся за дальним поворотом спину, сто процентов принадлежащую парню. Бросилась туда, завернула за угол, потом еще за один, и тут…

…Что-то как будто прошло сквозь меня током. Нет, не

им, но чувством защемившей опасности. Будто в моего повелителя попал магический удар, а я при этом была и близко, что могла дотянуться до него рукой, и одновременно далеко, потому что протянутая рука хватала лишь воздух.

Наваждение схлынуло. Так же неожиданно, как и нашло, но еще какое-то время я не могла прийти в себя. Когда же это случилось, я бросила взгляд за окно и увидела ее… Сгущающуюся темную энергию над центральной клумбой нашего сквера. И его – человека в развевающемся плаще, протянувшего руки над невинными растениями. «Совсем как в тот раз», – подумалось мне.

И память была невероятно благосклонна: совсем как в тот раз, когда в классе над школьной указкой сгущалось черное магическое поле. Это было серее, но я не сомневалась – они идентичны. И тут я запоздало вспомнила, что нигде не видела студента Универсального Университета, когда началось всеобщее веселье. Что он делает? И получается, он темный маг?..

Директор пропустил в школу темного мага, чтобы он не пойми что творил в сквере?

Он поднял взор точно к моему окну. И меня сковал лед. Как учуял?.. Я теперь прекрасно представляла, что чувствовала Джули, когда случайно встретилась с ним глазами. Лед, не мой собственный, а страшный, пахнущий черной магией, опутал на несколько секунд… вот такие нападают на Ковена, вот такие причиняют ему бо̀льшие раны, которые не за-

лечишь с одной подачи.

Злость будто начала растапливать непонятную пугающую силу. Хотя волшебник не отводил взгляда и так же пристально и непроницаемо смотрел на меня, в моей руке уже наливался белый шар…

– Джина!

Я вздрогнула, и магия развеялась сама собой. Лиза заглядывала в глаза, стараясь определить причину моего состояния. Чуть позади стоял вампир и с интересом выглядывал из-за ее плеча.

– Что-нибудь случилось? – спросила подруга.

– Нет, – я зачем-то спрятала руки за спину, – ничего.

Я бросила быстрый взгляд за окно и к своему удивлению не обнаружила там мага. Снаружи все было уютно и спокойно, как будто никто только что и не колдовал. Лиза проследила за направлением моего взгляда, и вампир тоже, для чего ближе подошел к окну.

– Все в порядке? – уточнила Джули.

Я неуверенно покивала, усилием воли отлепляя глаза от сквера, и похоже, мне удалось обмануть подругу.

– Ну, вот и хорошо, – улыбнулась она. Прямо засветилась. – Джина, мы как раз тебя искали. Хочу кое с кем тебя познакомить.

Вампир шагнул вперед. И я невольно вскинула голову. Не ожидала, что он будет настолько высоким. Да еще так близко. Отступила я тоже невольно.

– Познакомься, это Кала̀ин Ва̀ракол. Его род один из самых древних.

– Герцог что ли? – буркнула я, но он расслышал:

– Граф, – мягко поправил вампир. Его голос, действительно, мог принадлежать только кому-нибудь благородных кровей.

– Я рассказала ему, что ты лучшая ученица на нашем потоке, – улыбалась Лиза, незаметно для парня подмигивая мне. – Поэтому думаю, что встретиться *двум лучшим* будет очень даже правильным.

– А вы, луна Янви, что думаете по этому поводу? – вампир как-то ловко обхватил меня за талию, что я не успела отстраниться. – Ваша очаровательная подруга много рассказывала о вас, и только хорошее. У меня осталось приятное впечатление.

Он улыбнулся, и сверкнули клыки.

– Что ж, рада за вас, – пролепетала я, пытаясь придумать, как бы поаккуратней вырваться из его цепкой хватки. В памяти еще всплывало черное магическое облако, поэтому я не могла сосредоточиться и понять, что хотят от меня эти двое. Я же вроде сама их искала?

– А уж я-то как рада! – прощебетала Лиза и всплеснула руками. – Не каждый день видишь такую подходящую пару! Мы могли бы сходить куда-нибудь вчетвером – пусть к нам присоединится Соул. Думаю, будет очень даже весело.

Джули улыбнулась и позволила вампиру положить руку на

талию.

Меня будто снова начала сковывать магия. Разница лишь в том, что ее действие было слабее, будто я успела приобрести за эти короткие минуты иммунитет. Вчетвером. Мне надо было догадаться, к чему клонит подруга. И почему тогда ушла с вампиром в обнимку, оставив меня терзаться мыслями насчет Соула. Нет, насчет земного происхождения этого Варакола, вот о чем я думала. Оказывается, наши мысли сходились, только объекты различались.

– Может, вернемся в зал? – предложил вампир, и Лиза усиленно закивала.

Я в такие игры не играю.

– Нет, ребята, спасибо, но я не пойду.

– Джина! Веселье только начинается! – запротестовала подруга.

Я поняла, что отцепить пальцы вампира будет не так-то легко.

– Я уже навеселилась и очень устала. Лучше пойду домой.

– Джин.

– Еще к хозяину надо заскочить…

– Джин!

Я встретилась глазами с возмущенно-обиженной подругой. Варакол переводил взгляд с меня на Лизу и, наверняка, думал совсем не то, что являлось причиной нашей ссоры.

– Тогда я тебя провожу, – нашелся он, как будто Лиза передала ему свою просьбу телепатически.

– Я заскочу к хозяину одна, – отрезала я. – Ему, наверное, сейчас очень плохо. Он после пьянки, – с вызовом произнесла я последнюю фразу.

– Джина, останься! – Джули взмолилась. Мы так и смотрели друг на друга, и теперь ее глаза начали блестеть.

– Нет, – я покачала головой. – У вас сейчас праздник, а мои обязанности никуда не делись. Моему *хозяину* нужна помощь.

Лиза моргнула, опустив подбородок.

– Пока, Лиза. Соло Варакол, – я кивнула ему, потому как он уже мягко высвободил меня из хватки. – До встречи.

Я развернулась и быстро поспешила прочь от них.

Глава 10. Фестиваль «Звезды с неба»

На следующий день я в школу не явилась. Меня за это не накажут, – скажу, что была на вызове, – а видеть лицо подруги и – вдруг – отмахиваться от ухаживаний вампира, мне совершенно не хотелось. Я до сих пор со смешанными чувствами думала о том, как Лиза могла такое предположить. Я что, задерживаюсь у Ковена больше остальных? Так он же сильный. У нее просто Сула слаба, сама жаловалась. Приказы я выполняю, как прописано в договоре, Лизе не в чем меня упрекнуть, да и права нет. Все это касается только меня и моего хозяина…

Была еще одна причина, по которой я побаивалась появляться в школе – темный маг. Я смотрела на Ковена, лежащего в постели, у которой просидела весь день, и то и дело в голове всплывал образ облаченной в черное фигуры. Теперь все маги, которые встречались нам ранее на пути, казалось, имели одно лицо.

Ковена отходняк уже отпустил, но я никак не могла добиться от него хоть каких-то действий. Он весь день пялился в потолок, как будто на нем было сосредоточенно все совершенство Вселенной. Сил возражать у меня не было, поэтому я просто готовила ему еду, сидела рядом и думала. Думала, думала, обо все подряд. О подруге, о школе, о Ковене, о маге, о темном его волшебстве. О том, как все, что происходи-

ло со мной до встречи с заклинателем, постепенно начинало меркнуть в своем значении.

Ближе к шести вечера заявились Риден, Фрон и Галлен, пошуршали насчет моего присутствия, клятвенно уверили под моим пристальным взглядом, что больше так не будут, а потом оставили в покое, начав развлекать безразличного повелителя свежими байками. Я молча смотрела на эту веселую, действительно веселую, компанию и тихо вздыхала. Не знаю, отчего. Подсуетившись над чаем, Риден разлил кипяток в чашки и подсел ко мне.

– Что грустная такая? – задорно спросил он, впрочем, сохраняя относительную почтительность.

Я пожала плечами.

– За Ковена ты не волнуйся. Он дня через два совсем отойдет.

– Раньше такое часто было?

Риден прикинул.

– Ну, не скажи. Пару раз. Как я помню. Это он когда задумывается о смысле жизни. Ему вообще вредно это делать. Вот отлупит его очередной… гм… клиент, так он начинает пускаться в размышления. Мы обычно выводим его из них за один день.

– Сейчас же ему ни от кого не доставалось.

– Выпивка пробуждает воспоминания, а с ними и старые проблемы, – многозначительно произнес Риден. – А тогда он выпил много.

– И кому надо сказать «спасибо»? – хмуро уточнила я.

– Мы уже извинились, – мигом напомнил Риден, отхлебывая чай.

Я помотала головой.

– Да если бы только в этом была проблема.

Парень даже поставил кружку на стол и приготовился внимательно меня слушать.

Я помолчала.

– Скажи, что ты знаешь про темных магов?

– Ну-у-у, – протянул Риден, честно пытаясь дать мягкий ответ. – Магией они, конечно, шпарят. И иногда больно. И иногда тебе после этого очень херово. Ой, прости, очень плохо.

– Как часто Ковен с ними сталкивается? Насколько я понимаю, он вызывает меня далеко не во всех случаях, только когда совсем уж никак.

– Он тебя бережет, – улыбнулся Риден. – А если честно, то я не обо всем знаю. Но то, что темные охочи на его задницу, – ой, извини, сидельное место, – это факт.

– Как мне его защитить? – едва слышно произнесла я.

– Ну, не думай, что он девчонка. За себя постоять сумеет, – приободрил Риден. И неожиданно добавил: – Но вот что будет, если в беду из-за него попадешь ты?

Я подняла глаза и встретилась с веселым мальчишеским взглядом.

– А если он? В школе я уже второй раз замечаю присут-

ствие темного волшебства с тех пор, как с ним познакомилась. Меня предупреждали, его сила – это не шутки. И много ли за ним людей охотится в данный момент.

– Да, ты права, – посерьезнел Риден. – Я с ним говорил на эту тему, и должен признать, он молодец, что не храбрится. Он понимает, что его ждет, поэтому и не хочет тебя впутывать.

– Риден. Темный маг уже дважды был в моей школе, о каком невпутывании здесь может идти речь?

– Джина, ну ты и его пойми, – попытался успокоить меня парень.

– А он понять меня не хочет?! Я же за него… я все сделаю…

Захотелось заплакать. Да что такое? Почему и тут я бьюсь лбом об стенку? Мне казалось, мы с Ковеном хорошо понимаем друг друга…

Я закрыла рот ладонью и отвернулась, чтобы только не смотреть Ридену в глаза. Тот, похоже, это прекрасно уловил.

– Не могу ничего посоветовать по этому поводу, – не спеша произнес он. – Я весьма смутно представляю себе отношения между заклинателем и духом. Но одно могу сказать точно – Ковен никогда не даст тебя в обиду.

Я оглянулась в сторону мальчишек, суетящихся вокруг повелителя. Он так и остался недвижим. Интересно, о чем он думает?

– Кстати, – вдруг вспомнила я, хоть сейчас было не са-

мое подходящее время. А может, как раз наоборот. – Через полторы недели будет состязание заклинателей и их духов «Звезды с неба». Мы можем тоже поучаствовать. Может, получится даже приз получить.

Ковен некоторое время смотрел в потолок, а потом медленно повернул ко мне голову. Еще ни разу я не видела его таким серьезным. И мысленно отступила на шаг.

– Никогда.

Все удивленно приподняли брови.

– Никогда больше не делай мне таких предложений, – хмуро сказал он.

Потом снова уставился в потолок.

Мальчишки смотрели, как я опускаю голову, не в силах больше выдержать свалившихся на меня чувств. На сердце будто заскребли когтями.

– Я ведь хотела как лучше, – зачем-то произнесла вслух. Ковен не ответил.

– Ну, ведь туда можно попасть и другим способом? – вдруг произнес рядом Риден, заставив поднять на него глаза. – Я достану билеты и сходим посмотрим.

Я не верила своим ушам. Риден… Нет, ребят, спасибо, но не стоит. Я не расстроилась.

– Еще как стоит! – возразил парень с голубым взглядом. – Тебе не помешает развеяться в нашем мире. И к тому же, – добавил он, хитро сощурившись, – не все же Ковену с тобой находиться. Надо делиться.

Я решила, что огреть его по макушке еще успею.

– Хорошо! – улыбнулась я мальчикам и встала попрощаться. Мне надо было возвращаться наверх.

Но Ковен так и не повернул ко мне головы, когда я подошла. Закрыл глаза, будто ничего вокруг не существовало. Я почувствовала, что возвращаюсь на небо ни с чем.

Он не вызывал меня все полторы недели до чемпионата. Несколько раз я пыталась до него достучаться, но у меня ничего не получалось. Я по-прежнему его хорошо чувствовала – временами мне даже казалось, что лучше, чем прежде. Но на этом мои успехи заканчивались. Его решения я не могла принять.

На верхах в очередной раз заспорили о сезонах. Из десяти членов Совета по небесному климату восемь проголосовало за смену весеннего тепла на зимний холод. В звездах роптали немногие: насколько я помню, весна у нас была уже девяносто восемь декад. До рекорда, как обычно, не дотянули (впрочем, это уже не первую сотню лун происходит).

Я получила с дюжину поздравлений письмами, пять лично и маленький букетик ромашек от Марва. Правда, он мне так и не смог внятно сформулировать, какое отношение к зиме имеют эти полевые цветы.

Чем ближе был чемпионат, тем отчетливее я понимала, что жду этого дня почти что с нетерпением. Ковену не удастся отвертеться. При вызове на землю ему придется быть

недалеко, а значит, я смогу его увидеть. Хоть одним глазком… Посмотреть на него и высказать все, что я думаю. Как он бессовестно ведет себя, запрещая мне бывать на земле. Конечно, не в этом была причина моего расстройства, но с нее я собиралась начать.

Я даже понимала, что о Ридене не особо-то думаю. Провести целый день на земле с ним или с Ковеном… Была разница. Риден хороший парень, но… он все же не Ковен.

Мне просто необходимо было его видеть, иначе сердце кто-то расцарапает изнутри – от нетерпения.

Поэтому когда назначенный день соизволил-таки настать, и меня закружило в снежной метели, – в районе рук движение ветра почему-то было жестче – оказавшись в переулке неподалеку от оживленной улицы, я машинально начала искать Ковена глазами. Но мой взгляд в ту же секунду приковал к себе молодой человек напротив. Задиристые небесные глаза, доброжелательная улыбка. Не нужно быть экспертом по части солнечных оттенков, чтобы сказать, что эта улыбка способна подарить любому ощущение покоя и защищенности. Прежде, чем приятное чувство разлилось по моей груди, я ощутила, что оно коснулось моих щек.

– Вот ты и пришла, Джина! – я как-то беспомощно улыбнулась. – Тебе определенно надо меньше бывать в лачуге Ковена – тамошняя атмосфера заглушает твою красоту.

До меня с трудом доходило, что передо мной стоит Риден. Не тот мальчик в замызганной после непредсказуемых тру-

довых дней одежде, с растрепанными, точно волчья шерсть, волосами и вымазанными (не хочу знать, в чем) руками.

Сейчас Риден был в джинсах, в светлой в крупную клетку рубашке, рукава которой были загнуты у локтей, волосы, хоть и до последнего боролись с расческой, были упрямо вымыты и уложены. Ворот расстегнут, на шее болталась пустая металлическая цепочка. Пока я пыталась осознать разницу между привычным Риденом и тем человеком, что стоял в данный момент передо мной, сзади я уловила шорох. Обернувшись, я застала лишь удаляющуюся тень, через секунду исчезнувшую за поворотом.

– Я пытался уговорить его с тобой увидеться, – в голосе Ридена послышались немного разочарованные нотки, – но он же так упрям, ты знаешь.

Я повернулась к парню, лицо которого приобрело чуть воинственное выражение. Сообразила, что, оказывается… даю ему странный повод на меня обидеться. Совсем как Лизе недавно. Они оба считают меня человеком? Это же ерунда.

– Ничего, – Риден удивился моей искренней улыбке. – В конце концов, я не с ним договаривалась о встрече. Давай веселиться!

Он некоторое время пялился на мое лицо, отчего сам выглядел очень забавно. И наконец, махнул на все и невозмутимо взял меня под руку:

– Конечно, мадмуазель, для чего же еще мы сюда пришли?

Мы вышли на улицу, забитую людьми в той же степени,

в которой на ней теснились магазины. Каждая десятая лавка торговала сувенирами с изображениями созвездий, знаменитых заклинателей и духов.

Люди сновали взад и вперед, периодически реагируя заинтересованным взглядом на товар улыбающихся торговцев. Последние рекламировали продукт с завидным энтузиазмом – наверняка, не обошлось без принятия на грудь лекарственных бальзамов, не представляю, как их голосовые связки выдерживали пытку без них. Но я приметила, что если бы фестиваль действительно был таким популярным – народу было бы больше.

Звездный товар был бы представлен в каждой второй, ну, третьей лавке. Поэтому стало даже как-то спокойнее – продавцы не особо распространялись, кто этот человек на изображении, почему он окружен маленькими сияющими точками («звезды – это красиво, вы так не считаете?»), а значит, те, кто не имел представления о звездной магии, так и оставались в неведении и покупали сувениры просто потому, что они нравились им внешним видом. Интересно, как организаторы объявят сам чемпионат?

Риден обзавелся черно-желтым флажком, а мне сунул молочно-банановый коктейль. Я продолжала с интересом озираться по сторонам, все же наслаждаясь огромным выбором магазинов и количеством людей, окружавших меня. Впервые я видела столько народу. На заданиях повелитель предпочитал избегать человеческого общества – оно и понятно,

потому как ничего кроме летящих в тебя кинжалов от этого общества ожидать было глупо.

Зато теперь я видела столько людей сразу: больших, маленьких, высоких, любопытных, смеющихся, галдящих, и главное – от души радующихся этому дню, пусть и не все знали его истинный смысл.

Я поняла, что беспричинно улыбаюсь. Втянула густоватый напиток через трубочку. Потом сильно поперхнулась, сообразив, наконец, от чего именно белая палочка торчит у Ридена во рту.

– Что? Они делают их из сладкой нити! – любезно объяснял парень, легонько похлопывая меня по спине. Я молча указала на застрявшие в его зубах две желтые нитки и решила больше об этом сегодня не вспоминать.

В какой-то момент вокруг начали ахать, охать, восклицать другие междометия, преимущественно состоящие из одной гласной буквы, и, пока я не свернула себе шею от любопытства, Риден ткнул пальцем в небо. Я издала звук, который можно было интерпретировать, как средний между «а» и «о» на вдохе (и Риден начал допытываться у меня о других звездных формах выражения восклицания).

Над нами была земля. Я четко знала, что между небом и миром людей другого твердого участка поверхности, по которому кто-то может передвигаться, быть не может. Здесь даже не нужно быть знатоком мирологии.

Но сейчас над моей головой висело – медленно и неумоли-

мо приближаясь – *это*. И если *это* на голову упадет, то… зря я не попробовала сладкий флажок. Но взгляд я отвести не могла. Завороженно, с разинутым ртом, я смотрела на камни и комья земли, осыпающиеся с летучей поверхности, которые потом, повинуясь какой-то неведомой силе, зависали в тридцати метрах над головами зевак и, ускоряясь, возвращались обратно. А после появился дракон…

– Забавная штуковина, правда? – Риден отправил в рот пару орешков. – Вход изображается в виде огромной распахнутой пасти хищника или чудовища – льва, тигра, химеры, дракона. И обычно чем больше клыки, тем выше ранг острова. Арахис?

– А тебе не кажется, – негромко произнесла я, оправившись от первого впечатления, – что такой вход может оказаться, эм-м, символичным?

– Ну, разве что в том смысле, что там действительно темно и выход в конце есть, – пожал плечами парень.

Шея железного дракона вытянулась и с жутким гортанным ревом зависла в пяти метрах над землей. Пасть открылась шире, обнажая острые клыки во весь мой рост. Послышался тихий ветреный звук. Под головой чудовища люди как-то без вопросов освободили кружок пустого пространства.

– И что теперь… – не успела я задать вопрос, как Риден схватил меня за руку, легко проложил путь через толпу и остановился в первых рядах. Шум ветра стал громче.

– Тебе лучше придержать юбку, – негромко шепнул парень.

Я подавила желание глянуть вниз на желтое платье, в которое была облачена.

– А зачем… а-а-а!

Риден толкнул меня вперед – и резкий поток ветра подхватил вверх. Через секунду клыки остались позади, а вокруг меня сомкнулась темнота. Мой крик вязко потонул в окружающей пустоте как раз в тот момент, когда впереди забрезжил кружок яркого света. Я запоздало прижала к ногам юбку платья. Меня выровняло горизонтально, затем поглотил свет, и, постепенно замедлившись, я встала на твердую поверхность.

Через пару секунд позади опустился Риден, на голове которого уже красовалась не пойми откуда взявшаяся красно-желтая полосатая шляпа.

– Лучше нам отойти, если не хочешь, чтобы тебе на голову приземлилась чья-то пятая точка. Кстати, красивое белье. И я тебя предупреждал.

Я густо покраснела, но поспешила выйти из очерченного круга. Сверху уже показывались люди в замысловатых позах.

Арка с ожидаемой надписью «Добро пожаловать» была пробита в прозрачной, но прочной по виду стене, плавно переходящей в купол. Мы будто вошли в огромный черепаховый панцирь, влекомые доносящимися изнутри криками зазывал-продавцов. Лично меня, конечно же, больше интере-

совало, что начнется здесь через пару минут, Риден же упорхал торговаться и флиртовать (в зависимости от пола владельца) с хозяевами переносных лавок.

Я достала билеты, врученные мне парнем перед исчезновением, и сверила наши места с мерцающей на прозрачной стене картой. Она была достаточно крупной, чтобы я могла видеть блуждающие лимонно-желтые маркеры, означавшие по-видимому многочисленных зрителей. Там были и редкие красные точки: по их движению я определила, что они принадлежат торговцам.

Остальная территория была обозначена серым, и я, после минутной сверки по координатам, нашла, что искала. Наши места находились чуть выше середины трибун, прямо напротив вытянутых зеленых флагов на другой стороне поля. Когда Риден подошел туда, неся в руках четыре белых эскимо, – он слишком красноречиво и внимательно смотрел на меня, чтобы я без слов поняла, что моей доли тут только одна четверть, – я поинтересовалась, что это за желтый узор на зеленом фоне.

– Эльфийские кочевники, – присмотревшись, заявил он. – Так… пунктир над перевернутым полусолнцем… змеящиеся лучи…

Я смиренно ждала конца его размышлений.

– Хм… ну да, воздушные кочевники эльфийских корней. Только странно, что они владеют островом. Я думал, они любят гнездиться на земле. Хотя… морские набеги… почему

бы и нет… – забормотал парень.

– Чего-чего?

– Обычно летающими островами заведуют ангельские кланы, – объяснил он. – И они в этом смысле монополисты. А тут вдруг пробиваются эльфы.

Я перевела взгляд на мороженое, которое Риден до сих пор мне не отдал:

– У тебя мороженое тает, – напомнила я ему.

– О, какая жалость – оно все равно мне проиграет. Вот твое.

– Спасибо.

– Угу, – последнюю фразу он уже говорил с набитым ртом. Я взяла эскимо.

Наверное, было бы лучше, если бы остров действительно принадлежал ангелам.

Лично я ангела никогда в жизни не видела. Даже мама встречалась с одним своим знакомым только на земле. Наши миры располагались в двух непересекающихся плоскостях – поэтому встретить звездному духу ангельское творение, независимо от места, было такой редкостью, что затмевало даже увидеть на звездах человека, не задохнувшегося в первые тридцать секунд.

Тем не менее, некоторые продукты, вот как это мороженое, мы получали именно от ангелов, и никого не волновало, как они это проворачивают. Я попробовала – вкус не сильно отличался. Жаль, я бы посмотрела на ангела. Но здесь все

равно можно было чувствовать себя уютно, как на небе.

Не прошло и минуты – стадион загудел. Риден, за раз проглотив второе мороженое целиком и не поморщившись, указал мне вытянутой рукой на поле. В окружении летящих из боа белых перьев на середину огромными шагами выходил молодой человек с длинными светлыми волосами, голым торсом и внушительной мускулатурой.

Я почему-то сразу вспомнила нашего гостя-оборотня. Черная ткань обтягивала мощные ноги, парень размахивал руками, а лицо его было искажено свирепой гримасой. Но публике, похоже, это нравилось. Вскоре он запел…

Я попыталась разобрать его слова, но у меня ничего не получилось. Чуть позже я сообразила, что это не из-за ликующей вокруг толпы, а потому, что язык, на котором пел исполнитель, был Ковену не родной. Риден тоже ничего не понимал и мирно лакомился мороженым. Я заглянула в программку, надеясь, что там будет хотя бы примерный перевод на звездный – для нас здесь всё устраивали или нет?

Покажи дорогу в ангельскую бездну.
Дай мне надышаться ей – а сам?
Ночью приходи к условленному месту:
Духов слушать, вторящих ветрам.

В программке было написано, что это некий Экс Фран, достаточно популярный на земле рок-певец (по его испол-

нению я еще смутно представляла, что это такое). Единственное, что я могла сказать – оригинальная песня резала по внутренним струнам, и я пыталась определить, нравится мне это или нет. В какой-то момент парень встал на круглую платформу и вместе с аккомпанирующими музыкантами взвился в небо – платформа была летучей, как и сам остров.

Мы с Риденом захлопали, когда он приблизился к нашей части трибун. Причем Риден недвусмысленно следил глазами за боа. На счастье Франа, платформа не подносила певца настолько близко к зрителям. Музыканты полетели к другим рядам, преследуемые криками и аплодисментами.

– Дорогие гости! Дорогие заклинатели! Мы начинаем состязание! – голос комментатора был поглощен возгласами и посвистываниями (я не смогла понять его пол, имя тоже быстро выветрилось из головы). Однако когда он объявил первых участников, я хорошо его расслышала.

На двух больших плавающих экранах появились крупные изображения лиц. Жребий бросали за кулисами, и честь открыть самую важную часть фестиваля выпала Сильвии и Марку – оба соперника выглядели на экранах уверенными и сосредоточенными.

Для парня волосы Сильвии были очень длинными – доходили до колена (я невольно вспомнила Маджи, но то другой случай), и цвета они были жгуче-красного. На его фоне вставший напротив Марк выглядел очень обыденно. Закли-

натели опустили головы, видимо, прислушиваясь к внутренним ощущениям…

Духи появились почти синхронно. Первый, что было очень логично, оказался огненным – его короткая и жесткая, как у ежика, шевелюра еще раз подчеркнула контраст его повелителя. Дух Марка был водным знаком – блеклые голубые глаза, выражение лица, как у немой рыбы. Этих ребят я в школе не замечала – либо они уже выпустились, либо мы учились на разных потоках.

Звонок возвестил о старте, и духи ударили. Сплеснулась вода с огнем! У меня перехватило дыхание, как и у сотен зрителей. Повелители в это время отскочили на безопасное расстояние – единственное, что они могли делать, это наблюдать за игрой, возможно, давать какие-то указания, но главная их задача была в поддержании звездных духов в осязаемом состоянии. Вода мешалась с огнем, летели золотые брызги – и вдруг поверх этого великолепия зазвучала музыка…

«Нити»! Я увидела наших самых знаменитых звездных музыкантов – здесь! Духи тоже были на летающей платформе, зависшей справа от зеленых эльфийских флагов. Я прижала руку ко рту: теперь даже не знаю, за чем мне наблюдать – за сражением, состоящим из буйства противоборствующих стихий, или за исполнителями, которыми гордился каждый звездный дух.

Видимо, музыканты подписали какие-то особые догово-

ры, дававшие им право находиться на острове безлимитно. Потому как, когда тяжелая первая битва закончилась, и победителем вышел огненных дух, а значит, и Сильвия, «Нити» сменили композицию на более нежную – вторыми участниками были девушки. Их духи устроили настоящую карусель – никогда бы не подумала, что такие миниатюрные девочки способны так быстро двигаться и так метко разить. Это было великолепно – единство музыки и силы духа! По-моему, кто-то из зрителей даже плакал…

А затем на середину поля вышел высокий парень – даже со своего места я увидела, какие у него крупные ладони – и хрупкая, маленького роста девушка с жиденькими русыми волосами, собранными в хвост. Глаза ее были наполнены страхом перед такой большой публикой. Но моих губ уже коснулась улыбка, я ее узнала – это была хозяйка Монокероса.

– Готовься увидеть настоящее волшебство, – тронула я за локоть Ридена.

– А что тогда было до этого? – удивился он.

– Сплошные дилетанты.

Противник Андреса был широк в плечах и высок – маг зодиака Быка. Друг, как только появился на острове, первым делом обозрел шумевшую толпу, очевидно, сделав попытку отыскать среди зрителей меня. Только потом, когда у него ничего не вышло, Андрес сосредоточился на сопернике, который был больше его габаритами. Но мне ли бояться за луч-

шего среди знакомых мне духов?

«Нити» заиграли «Одинокого принца». Звезды, как Монокеросу подходит эта композиция! Я приложила ладони к щекам, когда началась красота…

Я всегда любила смотреть на волшебство друга. В обычных ситуациях оно казалось солнечным веселым лучиком в будний день, а в битве приобретало характер ангельского боевого танца. Действительно ангельского, мне было больше не с чем сравнить…

Белый божественный свет затмевал все вокруг. По сравнению с Андресом дух Быка казался огромным и неотесанным, как великан, ворочающий горы, смотрелся смешно перед спокойным и сильным человеком-магом. Зрители с восторгом наблюдали, как белый луч слепил противника и оставлял на теле царапины, не давая сократить расстояние. Вокруг даже перестали шуметь, что я отметила с гордостью – люди не могли думать ни о чем, кроме этой прекрасной магии…

Я замерла.

Дыхание куда-то пропало…

Черная туча, теперь различимая поверх белоснежной магии Единорога, набирала в размерах. Люди встретили ее криками и аплодисментами, считая частью представления. Я же заметила недоумевающие лица соперников, которым, однако, не хватало времени сосредоточиться на этой магии. Но небо! – я сжала плечо Ридена – туча вытягивалась в мою сторону! Творец, скрывающийся за темным облаком, имел це-

лью достать меня.

Такое ведь уже было!

– Что ты? – к моему приятному изумлению парень быстро сориентировался в ситуации, увидев выражение моего лица. Он проследил за направлением взгляда, и в эту секунду стал похож на человека, которого сильно приложили по голове.

– Это уже было, – пролепетала я. – Это за мной. Они… – и тут до меня дошло. Риден!

– Ага, Ковен только что задолжал мне хороший обед.

Но несмотря на тихую фразу, вид у него уже был взвинченный. Я с трудом сглотнула – так быстро у меня пересохло горло. Звездные духи, как же так? Неужели это было спланировано? С этим связан Андрес? Что я думаю… Небо, что же могло бы произойти, будь со мной здесь Ковен? Ах, но сейчас-то Риден здесь, и черномаг думает, что мой хозяин он…

В тот момент, когда я почувствовала сгущение энергии для выпада в нашу сторону, Риден схватил меня за руку и ловко протащил под лестничный пролет. Я нервно приметила, что проход между рядами был недалеко от нас. Там мы приостановились, парень что-то прикинул в своей голове, и в этот миг над нами раздался мощный удар – посыпалась деревянная пыль, и поднялся женский визг. Мы с Риденом переглянулись. Следующий удар будет менее скрытным, и наступит момент, когда маг нас найдет.

– Валим с острова, – тихо и нервно подвел черту парень. Но было видно, что он приятно… взбудоражен?

– Но как нам незаметно?..

– Чутье спросим.

Он опять схватил меня за запястье и повел по деревянным дорожкам, проложенным под трибунами, вниз, по сильно отдаленным друг от друга ступенькам, ловя, где надо, на руки.

Мы пробежали большую часть пути, и черная магия ударила снова – доски натужно заскрипели. Вновь крики, визг и паника, которая накатом начала пропитывать воздух. Доски заскрипели снова, но уже от сотен пар ног, ринувшихся прочь с опасных мест.

Так как на острове со стадиона был только один выход, там нас обязательно ждала бы засада. Но нам с Риденом несказанно повезло, что один из толчков проломил в стене небольшую брешь, вполне достаточную, чтобы пролезть худому человеку. Мы со всех ног двинули к шее дракона, в какой-то момент смешались с толпой, уже вовсю бежавшей к выходу. В нескольких метрах от нас ударила магия, и под крики боли и ужаса нас выбросило волной в горло чудовищу.

Я плюхнулась на чье-то затоптанное тело, поднялась, потирая ушибленную руку, попыталась другой оттащить несчастного насколько могла далеко. Но вскоре меня дернул за руку Риден, насильно оторвал от человека и, не церемонясь, расталкивая народ, повел вглубь ярмарки.

Сквозь волнующуюся и кричащую толпу мы проскочили в боковой переулок, чтобы отдышаться. Через мгновения меня схватили за локоть. Я чуть было не вскрикнула, как во-

время увидела взволнованное лицо Ковена. Мои губы слабо дернулись в подобие улыбки – в страхе я его не почувствовала. Повелитель требовательно посмотрел на Ридена. Тот более-менее отдышался, сухо выдохнул:

– Охота на тебя. И на Джину.

По лицу Ковена прошла тень. Черты исказились, чего я никогда не замечала за ним прежде. Я попыталась всмотреться в его новое лицо, но он заозирался и странным, чуть хриплым голосом сказал мне:

– Уходи.

Я оторопела.

– Ковен, что?.. Я останусь с тобой. Это…

– Уходи! – уже крикнул он, и меня мощным рывком толкнуло назад и вверх. Последнее, что я услышала, была слабая попытка Ридена пошутить:

– Ты должен мне большую порцию индейки…

Меня выбросило на лужайке перед нашим домом. В глазах помутнело, а живот скрутило в порыве тошноты. Я слабо застонала. Звездные черти, какой же Ковен могущественный…

Из-за двери высунулась мамина голова. Охая, мама подбежала ко мне, не успевшая снять передник, и помогла подняться. Я слабо лепетала:

– Ковен… он… ему надо помочь!..

Уловив интонации в моем голосе, мама пресекла мои по-

пытки вырваться назад и завела в дом. Она насильно напоила меня успокаивающим чаем, листья которого обходными путями доставались с земли, и меня быстро вырубило в сон. Как позже поведала мне мама, я не просыпалась двое суток.

Глава 11. Выпускной

Новость в газетах появилась тем же вечером. Земные издания и межнациональный «Звездный вестник», иногда возникавший на прилавках человеческих магазинов, сообщали, что тринадцатого мая по небесному времени на чемпионате «Звезды с неба» неизвестный темный маг открыл огонь по зрителям, применив мощное запрещенное заклятие «Темный кулак».

Всего пострадало пятьдесят два человека и двое духов из группы «Нити», кто-то находился в тяжелом состоянии. Поймать нападавшего не удалось, имя и внешность также не узнали. Наш «Вестник» выдвинул версию, что эта была некая акция против магической связи духов и заклинателей, что тут же поспешила оспорить организация «ПротивZ» – понятия не имею, чем она занимается и где находится. Я должна была, на самом деле, радоваться – никому и в голову не пришло, что охотились за конкретными магом и духом…

Все эти новости принес мне Монокерос – на вторые сутки, зайдя меня проведать. Я только проснулась и хотела есть. А еще надеялась, что друг не прочитает в моих глазах правду. Говорить я старалась как можно меньше, потому как Единороги обладали врожденным чутьем на ложь. Но благодаря этой генетической особенности, я поняла, что он ни к чему не причастен. От души отлегло.

– Я здорово испугался, когда подумал, что они могут попасть в тебя, – признался Андрес. – Но вижу, что все обошлось.

– Хвала звездам, – хмуро произнесла я, прихлебывая чайный бульон.

– Думаю, тебе лучше забыть сейчас об этом и готовиться к выпускному.

– Это еще зачем? – сильно удивилась я.

До школьного праздника было добрых два месяца, и никто еще даже не заикался о мероприятии, даже завуч, которая охоча до таких штук.

– Чувствовал, что ты не в курсе, – кивнул друг. – К нам приближается Обруч Времени. Праздник будет через шесть дней.

– Что?!

– На верхах решили провести синхронизацию, – мотнул плечом Монокерос, – а нападение на звездных духов и их повелителей на чемпионате только подогрело умы. А вчера объявился Обруч Времени. Так что дня через два проведут перемещение.

– А значит, четыре дня мы будем отрезаны от мира людей, – закончила я, уставившись в тарелку с супом.

Обручи были не таким уж редким явлением. Бывало, они отбрасывали нас на несколько лет вперед по сравнению с земным временем, но чаще задерживали внутри неба на определенное количество суток. Такие штуки появлялись

непредсказуемо, и обычно их использовали как способ отделения от мира людей, чтобы наладить внутреннюю систему связи или переждать конфликты, которые звезд не касаются. Но иногда случались критические ситуации.

– Действительно, как вовремя, – угрюмо вздохнула я и, вспомнив, добавила: – Как Вики?

– В порядке, даже не поранилась, – ответил дух.

Что сейчас делает Ковен, отрезанный от связи со мной? Я не могу ему даже сообщить, что я в порядке, и проверить, все ли хорошо с ним. И обошлось ли с Риденом… К сожалению, Правило Синхронизации действовало одинаково для всех. Никто из духов и их повелителей не мог вступить в контакт на время приведения мира в порядок.

Мама говорила, что на ее молодости синхронизацию проводили целых пять раз, и ее повелитель тогда быстро опередила духа в возрасте. У нее даже успели появиться дети. Причины, по которым осуществлялась синхронизация, никогда не выходили за рамки банальных, но почему-то именно сейчас мне начало казаться, что далеко не все так просто.

В течение шести дней до выпускного у нас проводились экзамены. Никто и слова не пикнул, что они наступили так скоро и не по расписанию – каждый дух знал, что синхронизацию могут объявить в любой момент, когда Обручу Времени вздумается появиться на небосклоне.

Впрочем, все были относительно готовы, да и учителя не слишком нам угрожали. Я закончила лишь с одной четвер-

кой (все-таки мирология – не моя стезя) и посвятила все мысли тому, как одеться на праздник. О Ковене я больше не думала. Старалась. Точнее, я знала: в день выпускного проход между мирами снова будет открыт, и я смогу повидаться с ним и, наконец, оглядеть «масштаб бедствий».

Волнения это все равно не убавляло, но в этом случае я просто сумела засунуть тревоги в дальний уголок сознания и запереть их на ключ – головной сундук послушно захлопнул крышку.

Когда у меня еще не было заклинателя – год, или два назад, – я гораздо больше интересовалась выпускным, нежели сейчас. Теперь же будущее уже не казалось мне прозрачным туманный облаком, просвечивающим горизонт: Ковен сумел возвыситься на пути горой, которую я не могла обойти, а значит, всегда знала, куда мне идти. До повелителя я часами перебирала в голове наряды, танцы, партнеров, вручение медалей и кучу другой мелочи, сопровождающей главнейшее школьное событие.

Конечно, далеко не все так быстро успокаивались. На каждой перемене мне попадалось с десяток девичьих горсток, обсуждающих покровы тканей, предполагаемых кавалеров и, как же без этого, принца курса Маджи Весена – последняя тема состояла из сплошного хихиканья и восхищения, и по ним можно было изучать голосовые оттенки. Я лишь глубоко вздыхала. К лучшему, что я не виделась с духом уже месяц или больше, не хватало еще мысли дополнительной чепухой

занимать.

Как-то после очередного экзамена Лиза отвела меня в сторонку и открыла журнал. На развороте помещалось легко-голубое платье, без лишних изысков, длинное, с мягким вьющимся шлейфом по низу. Я оценила платье, потом фигуру подруги – до чего же Венера ее любила – и одобрительно кивнула.

– Тебе пойдет. Особенно этот вырез в области декольте.

Джули залилась смехом.

– Дурочка, я буду в красном – в конце концов, от какого цвета больше отпадет челюсть у Соула? И декольте у меня открытее. А это платье – ну, будем угадывать?

Я смотрела на нее во все глаза.

– Я?!

– Не оставлю же я лучшую подругу без моральной поддержки? – подмигнула мне Лиза. – Даже вампиры после красных и черных цветов больше ценят бледные.

– Но вампиров же не будет? – придав уверенности голосу, все-таки с надеждой спросила я.

Лиза покачала головой.

– К сожалению. А так хотелось. Вы были бы отличной парой.

– Не говори ерунды, – я с облегчением отмахнулась.

Я снова присмотрелась к платью. Если подумать… Я хотела пойти в чем-нибудь синем, насыщенно-синем, а вот в бледном… Этот вариант я раньше не рассматривала. Мне

всегда казалось, что такой цвет сольет меня с окружающим фоном, а это будет хуже некуда, учитывая, что и так вся слава всегда достается Джули. А вот волосы…

Лиза красноречиво смотрела на мои локоны, в то время как я мысленно примеряла платье на себя: рассчитано оно было на невысокую девушку, с хорошей фигурой, – конечно, Лиза в этом меня лучше, но и я на природу не жаловалась, – почти белоснежное, если направить на него свет. Прямо как мое время года… Медные волосы и белая ткань – вроде бы очень даже неплохое сочетание.

– Я беру его. Надеюсь, ты не хочешь меня разорить?

– О, этот магазин продаст мне его по скидке. Там молодой паренек, птенчик еще, уже голову от меня потерял, так что считай, завтра оно будет покоиться у тебя в шкафу.

– Спасибо, Лиза. Надеюсь, я не пожалею. И не очень дави на паренька.

В четыре часа назначенного дня я собиралась на праздник, потихоньку приводя свою комнату в состояние творческого беспорядка. Мама благоразумно не мешала мне мучить территорию. В конце концов, я потеряла в этом бардаке и платье, и сумочку, и туфли – хотя нет, вот одна выглядывает из-под кровати. Отчаявшись отыскать все сразу, решилась позвать маму, и мы вместе с ней приступили к поиску нужных вещей.

– Когда я была в твоем возрасте и выпускалась из послед-

него класса, я жутко волновалась, – мягко говорила мама, перебирая блузки. – Меня должен был вести Рэвит Колум, мой прежний воздыхатель. Папа тогда меня очень ревновал, наблюдая, как я с ним танцевала.

– Он вроде из Голубей? – вскользь заметила я, отправляя в большую кучу очередную партию одежды.

– Да. Было дело, когда он даже этим хвастался, – улыбнулась мама, вспомнив какую-то подробность.

– А что изменилось?

– Он женился на одной из Хидр и вскоре умер. Не буду уточнять, от какого яда.

Я поджала губы, припоминая, когда мама в последний раз делилась со мной юношескими впечатлениями. Очевидно, по ее взглядам, что она что-то от меня ждет.

– Я что-то должна сказать? – не выдержала я. Мама, невинно моргнув, плавным движением отложила рубашку в сторону.

– Доченька, а кто тебя будет сопровождать?

– Никто, мам, зачем мне это? – фыркнула я, но она пригвоздила меня взглядом. – Ну, наверное, мог бы Монокерос, но у него какие-то там дела с заклинателем, так что, скорее всего, он опоздает. А больше вариантов-то и нет. Соул собирается с Лизой, а Рикки еще в начале года мне сказал, цитирую, «если ты наденешь короткую юбку».

– Ясно, ясно, – проговорила мама и быстро добавила: – А что же Марв – как же его зовут – Ауриг?

– А что Марв?

Мама внимательно смотрела, как я в изумлении хлопаю глазами. Честное слово, не понимаю, к чему она клонит.

– Ну ладно, – после непродолжительной паузы кивнула она и с улыбкой выудила из под платья вторую туфлю. – Но, дорогая, идти одной я тебе все равно не разрешу. Поедешь с Лизой и Соулом.

– Ну мам!

– Никаких меня.

Она уложила мне волосы в баранку на затылке, а оставшиеся завила, и они укрыли бодрым медным водопадом спину. Платье, помимо небольшого декольте, – голову потеряет только очень высокий парень – было оформлено вырезом на спине, с крестом из двойной ткани. Оно плавно струилось по телу, игривым ручейком сбегая к ногам. Туфли были белые («я не за ангела, я не за ангела, я не за ангела»), с редкими мелкими каплями застывшей речной воды. По настоянию мамы, волосы мне тоже опрыскали и запечатали капли заклинанием. Та же участь постигла и белую сумочку.

По окончании трудов, мама гордо оглядела меня со всех сторон («Ну что тебе, лень? Ну-ка повертись. Еще, я не все осмотрела!») и даже пустила слезу.

– Ну ма-ам, – ласково улыбнулась я, пока мокрость на ее глазах не вызвала аналогичную реакцию у меня.

– Все, все, больше не буду. А теперь бегом на кухню, немного перекусим, и тогда я тебя отпущу.

– А как же, если Соул с Лизой…

– Я вчера выучила описание приемов, которые используют скейтбордисты… – Перечисление одних названий трюков заставило меня выдавить то самое звездное междометие, заинтересовавшее Ридена. Уверена, мама не пропадет.

Из кухни тянуло крепким звейлонским. На столе к этому чаю обнаружились печеньки с розовым кремом и яблочная шарлотка – я еще недавно с этого дерева помогала плоды собирать. Вспомнив карабканья по звездному стволу, я перевела взгляд обратно на заманчивое чудо, а потом на свой живот – нормально ли я себя буду чувствовать, если позволю капельку? В ответ желудок требовательно заурчал.

К шести часам приехали Соул и Лиза, и не успел возмущенный друг раскрыть рот – ребятам пришлось сделать знатный крюк, ну, и другая причина тоже могла быть, – как мама вывалила на него всю заученную информацию по скейтбордингу, так что Соул от удивления моментально умолк. Лиза, смеясь, присоединилась к моему десерту. На ней был красно-оранжевый наряд куклы, высокие туфли, где серебряная змейка изящно обвивала лодыжку, волосы аккуратно уложены в пучок и украшены блестками. А такой яркий макияж я еще не видела в жизни.

– Хорошо выглядишь! – весело подмигнула мне она, так как Соул по-прежнему с открытым ртом слушал мою маму, и у него просто возможности не было обратить на меня внимание.

– Не так хорошо, как ты, – улыбнулась я. На лице Лизы появилась милая гримаска.

– Джиночка, дело же не только в красках, но и в том, как ты себя держишь. А тебе нужно лишь женственно расправить плечи и идти вперед с высоко поднятой головой.

Я снова улыбнулась, а через секунду мы обе прыснули. На заднем фоне тужился Соул в смокинге, пытаясь в чем-то убедить мою маму. Настроение было праздничное, я предвкушала много удовольствия в этот день.

К школе мы подъехали, когда все уже началось. Сверху падали крупные белые хлопья, оставляя на ресницах капли талой воды, щеки приятно кололо. За воротами здания, что поразило меня в первую очередь, зеленела травка, кое-где проглядывали подснежники. Я запоздало вспомнила эту школьную традицию – каким бы ни был сезон снаружи, на время праздника всегда должно светить солнце и зеленеть земля. Исключение делалось разве что для Нового года.

Мы вступили на территорию, и за нашими спинами сомкнулась легкой рябью прозрачная граница. Странно, я даже обрадовалась весне, царившей в школе. Внутри сразу поселилось чувство чего-то теплого, необычного, волшебного. Казалось, вот-вот произойдет чудо.

Главный зал пестрел нарядными платьями и строгими костюмами. Вокруг смеялись, веселились, пили шампанское, – эльфы в этом году были очень добры – слушали волшебную

музыку гор. Казалось, все девушки вдруг стали красавицами, каких еще не видывал небесный свет. Им так шли эти оборочки, так шли эти туфельки, эти складочки на платьях создавали такие очаровательные линии, что я уже всерьез задумалась, а не осыпали ли комнату каким-нибудь контрабандным порошком. Но нет, в воздухе витал лишь миндаль, а даже если так – настроение только поднималось от опьяняющего запаха.

Не успела я подойти к столу с закусками, как заиграла новая мелодия, и рядом со мной вдруг возник Марв Ауриг. Он с горящими щеками протянул мне букетик подснежников, что-то пробормотал, похожее на комплимент, и пригласил на танец. Я негромко засмеялась и протянула ему руку.

Из ракушек (специальные устройства, близкие к земным граммофонам, только более современная модель) лились любимые «Нити». Рука Аурига нервно тряслась на моей талии, кругом влюбленной змеей обвивалась песня «Прежде, чем я упаду» – одна из лучших в новом альбоме, – на нас изредка натыкались другие кружащиеся пары и, неловко и быстро извиняясь, уплывали дальше. В воздухе висели разноцветные потоки, влекомые неведомым ветром.

Вдруг ракушки неожиданно затихли, и по залу по нарастающей зазвенели аплодисменты. Мы тоже остановились – при этом Марв убрал руку с моей талии и встал как вкопанный, устремив взгляд на небольшой помост, растянувшийся в одну из стен. Я тоже повернулась лицом к этой импрови-

зированной сцене, стараясь ничего не пропустить.

На нее как раз взошел директор. Он был облачен в белый смокинг, седина в его волосах весело искрила в свете многоцветных ламп. Он протянул руки вперед, чтобы аплодисменты немного поутихли, и в воцарившейся возбужденной тишине громко произнес:

– Дорогие выпускники! Вот и настал тот день, когда вы покидаете стены школы. От лица всего преподавательского коллектива я горячо поздравляю вас и желаю успехов! В вашей жизни наступает очень важный этап, определяющий всю дальнейшую судьбу. Каждый из вас уже обзавелся заклинателем, и это первый шаг к взрослой жизни звездного духа. Теперь на вас лежит ответственность за жизнь нового, близкого, а для кого-то и не очень, человека, преданность которому служит доказательством чести нашей нации.

Сейчас перед вами открывается множество выбора вашего дальнейшего пути. Вы можете продолжить работать на своего нынешнего повелителя, можете подыскать себе другого, а можете поступить в Академию и продолжить повышение квалификации там. В любом случае, что бы вы ни выбрали, мы всегда поддержим вас на вашем жизненном пути. Знайте, что в школе у вас всегда будут друзья!

Все захлопали, директор, поклонившись, – его седина вновь забавно смешалась с цветом ламп – сошел с помоста, предоставив место нете Миле. Сияющая завуч, со следами слез на беленых щеках, поднялась на середину, держа в ру-

ках кипу дипломов. Вслед за ней неспешным шагом следовал нэт Офици с кучей медалей на синих ленточках. Мы снова захлопали, когда завуч приготовилась объявлять награждаемых.

Собственно, следующая за этим церемония была не самой интересной в моей жизни. Наверное, потому, что получающие медали были давным-давно известны. Вот, например, моя подруга Лиза – некоторые мальчишеские сердца глухо боднулись в грудных клетках, когда юбки платья неосторожно колыхнулись на высоте сцены, – она заслужила бронзу, а могла бы и серебро, но потеть было не в ее стиле.

Еще из известных мне духов серебро получил Энди Трианг, золото – всезнайка Дорадо (кто-то шепнул, что Шенди нашел-таки себе невесту, судя по тому, как он любовно вцепился в медаль; после хихиканий некто второй поддержал шутку, указав на то, что шафером у них будет диплом с отличием), также золото заслужил Монокерос, как лучший на курсе (ему так идет белый смокинг! Настоящий единорог!), и второй в списке, с кем мне не выпадало шанса пообщаться – Рудвиг Паво. Высокий парень с волосами оригинального фиолетово-синего цвета в пестром бирюзово-лазурном костюме. У него были такие длинные ресницы, что я всерьез задумалась о компетентности своих.

И, конечно же, блестящая медалька досталась мне. И сомневаться не стоило в том, какого она будет цвета, хотя для Академии это все равно мало имеет значения. Я невольно

лучилась гордостью, когда под аплодисменты растроганная завуч вручала мне диплом, а нэт Офици надевал на шею ленту.

А потом – о милостивые звездные боги! – потом вышли «Нити»! Настоящие живые «Нити»! Как хорошо, что никто из них серьезно не пострадал… Я снова видела их, и теперь так близко. Музыканты – две девушки и трое молодых парней – улыбались нам во всю ширину зубов, и играли музыку – ту самую, что всегда отзывалась в моем сердце.

Меня на удивление много приглашали на танец. Я сама не ожидала, что столь популярна. Помимо журчащего, как горный ручеек, Рикки Делфа, среди пригласивших были Монокерос, Трианг («У тебя сегодня солнце сияет в волосах»), Соул, – соизволил-таки отлепиться от Лизы, – еще пара знакомых с курса, и даже Бивел Ариес, которого я так позорно (не буду лукавить, получить от девушки все-таки позорно) одолела на последнем поединке.

Помню, как на меня бросал гордые взгляды Рудвиг Паво, но, видимо, внутренние нормы не позволили снизойти ему до моего уровня. Впрочем, ни одна девушка, с надеждой бросающая на него затуманенные взоры, не удостоилась этой чести.

Во время очередного танца с Триангом я так сильно крутанулась, что у меня зазвенело в голове. Но уже через секунду выяснилось, что этому не взятый темп виной – а я, не заметив теплого грудного чувства, некоторое время игнориро-

вала сигналы Ковена. Так что последнему ничего не оставалось, как постучать меня по макушке. Изнутри.

Еле скрывая воодушевление, я извинилась перед Энди и поспешила в коридор, чтобы там, вдали от шума, произвести перемещение. На выходе из зала меня поймал за руку Марв, теперь демонстрирующий все оттенки бледности. Он что-то маловнятно пробормотал о том, куда я ухожу, а я лишь улыбнулась, сказав, что меня ждет неотложное дело. Он смирился, покорно отпустил мою руку и проводил взглядом. В самом деле, что это сегодня с ним?

Я прошла несколько коридоров, чтобы мне уж наверняка никто не помешал – по дороге встретилось несколько парочек, шумно щебечущих на подоконниках. На меня они обращали внимания ровно столько, чтобы проследить укоряющим взглядом, вроде «Что ты тут забыла?». Я не обижалась – праздник во всех вселил задор. Я сама была практически на седьмом небе от счастья. Не хватало, пожалуй, только Ковена рядом, но ведь к нему я и направлялась.

Меня зовет Ковен. Эта приятная мысль грела мне душу, пока я перемещалась в снежном вихре к моему повелителю. Как он там? Смог ли уйти незамеченным? Не ранен ли? Как Риден-то, в конце концов?

Я оказалась в каком-то темном помещении. Сначала мне показалось, что это комната Ковена, но присмотревшись, поняла, что ни разу здесь не была. Больше всего помещение было похоже на заброшенный склад: по крайней мере, во-

круг были полуразбросаны, полурасставлены ящики, а каких-либо голосов, свидетельствующих о планомерной работе, слышно не было.

Я уже готова была испугаться, гадая, что же приключилось здесь с заклинателем, как вдруг увидела их – стоящих темной кучкой у стены. Все друзья Ковена. И он сам – в центре, с твердо опущенной головой.

Меня захлестнула радость. Вот он, Ковен, живой, здоровый! Я метнулась к нему, воскликнув его имя, но в смятении остановилась, потому что заклинатель не поднял головы. Мальчики смотрели на меня такими глазами… Мне вдруг показалось, что одновременно с чувством восхищения, которое вызвала моя внешность (в иной раз я бы покраснела от такого внимания), в их взглядах читалось… жалость, разочарование. Как будто они очень хотели извиниться.

– Ты сегодня очень красивая, – произнес Риден, но его фраза прозвучала как «Зачем ты сегодня именно такая?»

У меня пропали все слова.

– Ребята!.. – беспомощно сказала я. – Ковен!

– Тебя не задели? – резко перебил он. От него так и веяло мрачностью.

– Нет, – замотала я головой, слабо улыбаясь, – со мной все в порядке…

– Хорошо, – мне показалось, что он с облегчением закрыл глаза. Затем он поднял голову.

Как он мужественно выглядел в тот миг! Брови устало, но

решительно сдвинуты, глаза смотрят спокойно и прямо, губы неестественно крепко сжаты. Я залюбовалась им и в то же время почти испугалась, потому как ни у кого еще в глазах я не встречала такой боли.

– Джина, – ласково протянул он, будто в последний раз в жизни произнося мое имя. Затем его взгляд мгновенно затвердел, и я услышала решительное: – Я разрываю договор.

…Нет.

До меня не сразу дошел смысл фразы. «Я разрываю договор». Он не мог так сказать, мне послышалось, и правда послышалось, это всего лишь игра моего взбудораженного воображения…

– Ковен, – попыталась как можно мягче произнести я, а язык уже заплетался. Заклинатель резко прервал меня взмахом руки.

– Нет. Я не желаю ничего слышать. Я разрываю договор – и точка.

Нет, я не верю своим ушам!

– Ты не можешь!..

– Могу! – он как-то хищно и неестественно оскалился, от чего меня бросило в дрожь. – Еще как могу! Ты ведь не собиралась мне этого говорить? Ни тогда, ни позже? Обоюдное согласие или твое слово – ха! Я здесь заклинатель! Это я решаю, когда мне заключать договоры, а когда их расторгать! И последнее слово будет за мной – ты меня слышишь, Джина?

Кажется, я сильно побледнела.

– Ты не можешь быть таким сильным, – пролепетал кто-то моим голосом.

Звездные духи. Только очень сильный заклинатель может расторгнуть договор своим решением, и такие случаи бывали единицами. Но Ковен… Он не может…

– Ты не можешь так со мной поступить! – закричала я что было сил.

Но было поздно. Мальчики смотрели на меня с ужасом, а Ковен – он был страшен, как ни один звездный черт. Я была готова закричать от безысходности, но мой голос потонул в резком снежном вихре, взметнувшемся вокруг меня плотным столбом.

– Моим окончательным решением, я, Ковен, заклинатель звездных духов, разрываю с Джиной Янви, снежным духом, звездный договор. Да будут нерушимы мои слова. И да никогда мы больше с ней не встретимся…

Его глаза. Они были леденее моего самого сильного заклинания.

***

Я сидела под колонной, прижавшись спиной к стене, беззвучно роняя слезы на давно мокрые колени. Юбка платья посинела до цвета морского дна, просвечивая согнутые, уже не трясущиеся ноги. Мне было ничего не важно, мне было ничего не нужно, но о черепушку настойчиво билось одно

его имя. А в груди нарастала пустота.

Кто-то остановился с левой стороны и стоял до того времени, пока я не подняла заплаканное лицо на нарушителя спокойствия. Это был Маджи Весен. В темно-изумрудном смокинге, в белоснежной сорочке, небрежно расстегнутой на груди. Волосы, как и ожидалось, собраны в низкий конский хвост. Зеленые глаза… Нет, только от него мне не хватало жалости! Я собралась выплюнуть всю накопившуюся ненависть ему в лицо, но из моих губ вырвалось только:

– Он разорвал договор… Мой хозяин, он…

И я зарыдала. Снова, надрывно, не успокаиваясь. Маджи сидел рядом, гладя меня по голове, а я, уткнувшись ему в рубашку, безнадежно портила его безупречность. Он ничего не говорил, что, в общем-то, не имело бы особого смысла, ведь я бы его все равно не услышала.

Не знаю, сколько прошло времени… Но я успокоилась. Щеки высохли, что еще нескоро станет с рубашкой, я тупо уставилась в невидимую точку где-то у Маджи в груди. А потом он заговорил.

– Я тоже люблю его. Своего хозяина. Не знаю, что делал бы, оказавшись на твоем месте, но я тебя понимаю. Больше, чем кто-либо.

Я подняла на него глаза, уставившись в изумрудную глубину. Странно. Мое сердце уже не трепетало, когда я находилась вот так близко, язык не стремился прилипнуть к нёбу, ладони не становились липкими от пота. Я смотрела в его

глаза и видела… понимание, участие, друга. Больше не было недоступного красавчика, по которому сохнут все за редким исключением девчонки, а было нечто другое, новое.

И мне стало легче.

Впервые за долгие минуты я вздохнула грудью – и почувствовала, что успокоилась.

Маджи немного наклонил голову, определяя мое состояние. Он уже понял, что ему не за что волноваться.

– Ты сегодня особенно красивая, Джина, тебе ведь уже говорили? Не стоит тратиться на слезы в этот вечер.

Он встал и подал мне руку.

– У нас еще остался танец, – сказал он.

Глава 12. Мешок

Хранение (залеплено бумагой)… из письма (подчеркнуто):

«…это был лучший вечер в моей жизни! Да-да, можешь не смеяться, у тебя такого точно не будет, ты же с трудом переходишь в следующий класс. То платье, которое мы выбирали… *(зачеркнуто, пометка: «информация не имеет ценности»)*. Я была сногсшибательна! Ну вот, ты опять смеешься. Не смейся, говорю же тебе, когда играли «Нити» *(зачеркнуто, пометка: «не имеет ценности»)*, меня трижды приглашали. Я была очаровательна, говорю тебе, сам Дельфи заглядывался на меня!

(пометка: «важно»; слова обведены в круг) Но знаешь, когда играли «Смелое сердце»… вышли они, на середину зала. Он – это Весен, сияющий, как всегда, своим внутренним ослепительным светом, а с ним рядом… Я ни разу не видела ее такой… ах!.. *(далее подчеркнуто красным)* Ледяная, как айсберг, прекрасная, как в той сказке про Снежную Королеву, в воздушно-голубом платье, с каскадом медных волос… Мы все затаили дыхание, все до единого! Я сама признала, что она в этот вечер самая красивая из нас, а ты знаешь, что никто не может мне так понизить самооценку, но в эту минуту я восхищалась ей. Я восхищалась ими, такими красивыми, как будто ангелы сошли к нам с параллельных облаков

(три восклицательных знака).

А потом они начали танцевать… они были восхитительны!.. Эта магия, – их магия – она струилась из них при каждом движении, окутывая зал удивительным колдовством. Мне показалось, что даже смолкли «Нити»… А они танцевали. Прекрасные, самые красивые на свете!.. *(зачеркнуто, пометка: «информация не имеет ценности»)*».

***

За десять минут до события

Не знаю, сколько прошло времени с момента, когда я поняла, что меня что-то беспокоит. Точнее даже не так: беспокойство поднималось из груди и являлось обычным последствием вызова повелителя. Поморщившись, я заглушила неприятный порыв. Хватит с меня этой девчонки. Взбалмошной, глупой, маленькой. Не хочу о ней думать, даже думать…

Со дня, когда Ковен разорвал договор, прошло полторы недели. Мне сразу же предложили нового заклинателя, и я, в свою очередь, успела сменить уже двух. Последняя девчонка вызывала меня по каждому поводу, начиная с покупки заколок для волос и кончая уборкой в туалете. Я вспылила уже на третьем вызове и несколько дней грубо игнорировала ее звонки. Не надо мне такого повелителя. Она никогда не смо-

жет сравниться с Ковеном. Никогда.

Никто…

Наверное, хорошо, что школа уже закончилась – я бы ее бездушно пропускала. Но меня это не волновало бы, ничуть. Меня и сейчас ничего не волнует. Я пытаюсь расслабиться, глядя на огромный млечный путь над моей головой, сидя в городском звездном парке. А в голове одни мысли. Мысли, мысли, Плутон бы их побрал. И ничего я не могу с этим поделать. В голове все одно: Ковен, Ковен, Ковен. А я так хочу думать: черт его, черт, черт, черт!

В груди защемило настойчивее. Я раздраженно поворочалась на месте. Я не позволяла этой девчонке – я не удосужилась запомнить ее имя, она для меня *никто* – связываться со мной телепатически, хотя она божилась, что умеет. Ха, кишка у нее на такие дела еще тонкая. Ни за что. Никому не позволю лезть в мою голову, никому! Только один человек имел право это делать, и сейчас он от меня отказался. А больше – я не позволю никому заставить меня испытать то же самое.

А еще – я не знаю, что делать… Я не знаю. Хочется плакать, тихо или навзрыд – все равно. Мое тело будто вдруг разом выросло и взорвалось преждевременно, а на его месте остались только мысли, которые упорно гложут меня изнутри.

Не хочу. Ничего не хочу. Ничего…

…Пожалуйста, хоть бы не хотеть ничего.

Мою грудь взорвали паникой – и все вдруг стихло. Ну

ладно, настырная девчонка, иду я, иду, что ты мне еще помыть да принести прикажешь? Раздраженно поправляя образовавшиеся на блузке складки, я встала и нащупала паникующую нить. Уф, ох уж эти девушки-заклинатели.

Я перемещалась долго, чему не придала значение вначале, – как будто меня упорно не хотели пускать в человеческий мир, вытягивая звездной тянучкой. Приземлилась, оглянулась, убирая выбившиеся волосы, и поняла, что страх подкрадывается ко мне черепашьими шажками. А черепаха, как всем известно, быстрее зайца.

Переулок. Грязный, темный, хотя, судя по солнцу, сейчас еще едва за полдень, повсюду мусорные баки и вязкий запах отбросов. Что я здесь делаю? Ужас уже подбирался к горлу, а когда я метнулась к стонущему серому мешку и отвязала горловину, у меня перехватило дыхание.

– Ты пришла, – и моя заклинательница закашляла кровью.

Рябая, как деревенская простушка, она была вымазана кровью с головы до пят, волосы ссохлись и твердым покровом обволакивали бледное лицо. Я на секунду окаменела. У нее трижды закатывались глаза, пока я, очнувшись, пыталась выдавить из нее хоть слово, пускай голос с трудом меня слушался.

– Да что с тобой случилось? Почему ты не вызвала меня раньше?! – смогла я произнести наиболее внятно.

– Я звала, – слабо сказала она и ласково улыбнулась. – Но ты все не приходила.

– Плутоновы дети! – я готова была зарыдать, но и слезы отказывались появляться на моих глазах. – Кто тебя так? Кто они?

– Послушай, – вдруг посерьезнел ее голос, и она заставила посмотреть ей в глаза. – Ты ни в чем не виновата, слышишь меня? Это я ввязалась в это дело, глупая, взяла то, что мне не принадлежит, и поплатилась за это.

– Что ты?.. – но она меня не слушала.

– Я хотела с тобой подружиться, – робкая улыбка из красных зубов, – я всего лишь хотела понять, как ты и чем ты живешь. Но я такая глупая. Прости меня.

– Эй, эй, смотри на меня! Ты что удумала?! – у нее снова закатывались глаза.

– Джина Янви, звездный дух, я… я… разрываю договор… Ты ни в чем не виновата. Нет…

– Повелительница!

Но она уже умерла.

Я смотрела на ее лицо, как безумная, потом я взглянула на свои руки. Грязные. Почему на них нет крови? Стекленелые глаза уставились куда-то за мусорные баки. Из моей груди вырвалось что-то, похожее на взрыд, и я накрыла ее голову мешком и опустила на землю. Мне хотелось плакать, очень хотелось. Но я не могла. Почему я не могла, Плутон меня дери?!

Только потом… случилось самое страшное для звездного духа, наш смертный приговор. Я смотрела на мешок, еще со-

храняющий форму молодой девушки, и с нарастающим ужасом понимала, что он не исчезает. Я посмотрела на свои руки, затем ощупала тело. Не может быть. Мой заклинатель отпустил меня, разорвал договор, но я не вернулась на небо. Я осталась здесь. Одна, перед мертвым бывшим повелителем, в забытом всеми переулке, и не могла переместиться.

Я оказалась в ловушке.

Часть 2. Земной цикл

Глава 13. Жизнь длиною в год

Спустя год после события. Настоящее время

Над домами аккуратной кромкой оранжевел закат. Луна сегодня была особенно яркой – так и резала глаза холодным светом – хотя никто, кроме меня, похоже, не обращал на нее внимания. Щурясь от слепящей белизны, я пробиралась по редеющему рынку, мимо прилавков с капустой, арбузами, дынями, клюквой и украшениями. Вот в каких только городах я не побывала на земле, везде торговцы пропихивают блестяшки. Пару раз наткнулась на них даже среди портовой рыбы. Но может, это только в Зелоори так.

Не скажу, что я обрадовалась, когда узнала, что Влада посылает меня в Орпидонт, но это лучше, чем сидеть в четырех стенах в Балуге. Да, город был немаленький, даже сравним по размерам с небом, как иногда мне казалось…

Я тихонько подняла глаза на редкие перистые облака: лунное светило не унималось, заслоняя далекое сияние звезд. Я постаралась вдохнуть, чтобы… еще раз понять: чувства уже несколько месяцев играли со мной какую-то странную штуку. Глядя наверх, я совсем не вспоминала дом. Не грустила

по нему, хотя земля ни на миг не стала мне ближе. Все, что я видела в вышине – плоскость, покрытую облаками, будто линяющую пухом. И – ничего.

Ни обиды, или, венера упаси, ненависти я не испытывала. Хотя иногда мне хотелось кричать, громко – почему обо мне никто не справился? Я пыталась припомнить случаи, когда на моих семнадцати веснах пропадала какая-нибудь звезда, и ее бы искали, пусть даже преступника… И память отзывалась пустотой, подбрасывая вместо этого дни, проведенные в доме, игры на лужайке, на втором этаже. Но я воспринимала это спокойно. Отстраненно даже.

Как будто на небе никогда ничего плохого не случалось, а это заточение на земле происходит лишь в моей голове. Крайне несмешная шутка.

Впрочем, это все мысли. Реальность такова, что, если я не успею до следующего утра закупиться снадобьями, корабль уплывет без меня, и к Владимире я уже вернуться не смогу – ведьма с меня сдерет три шкуры. А я видела, как она это делает.

Жила я у нее уже с год. Месяц назад можно было праздновать мое чудесное воскрешение. Влада сумела-таки сделать противоядие, как она его называла, которое смогло остановить процесс умирания. После двух недель поилки этим зельем – двух недель сущей нервотрепки для Ридена и моего любования фиолетовой юбкой в легком бреду, – я наконец встала на ноги, больше не грозясь свалиться в обморок на

первом же удачно подвернувшемся деревянном полу. Владимиру это не могло не радовать – Риден шепнул мне, что девушка шла на большой профессиональный риск. В тот же день парень уходил, держась за ухо. Но я замечала, как менялось его лицо, когда мне становилось лучше, и была ему действительно благодарна – что бы случилось со мной, если бы не он?

Правда, на этом мои мучения – в отличие от Риденовских, который умотал тогда на месяц по каким-то своим делам, – не закончились. Владимира оказалась жесткой женщиной и дичайше зацикленной знахаркой, хотя в моих глазах она не отдалилась от идеала ни на один световой шаг.

Как только Влада удостоверилась, что я крепко стою на ногах, – «крепко» в ее смысле значило, что меня не нужно каждую минуту поднимать с пола, – мне пришлось испытать на себе все прелести служения ведьме. Я уже успела обжечься, когда она готовила бульон (по виду больше смахивающий на зелье), расцарапаться с Зоей, которой приглянулась та же подушка, что и мне. Смазывание ранок становилось сравни пыткам, когда Влада водила белой ладонью по моему локтю и пыталась одновременно справиться с животным, которого держала за хвост. Что интересно, Зоя ни разу не коснулась ее когтями, а я заслужила еще два мелких пореза на скуле.

Сейчас, приседая под тяжестью удивительно маленького для этого дела цветочного горшка, я наблюдала, как Влада

протирает мокрой тряпкой пыль в местах, где некоторое время назад должно было образоваться маленькое скопление паучьего семейства. С кухни доносился писк – Зоя, очевидно, готовила себе обед, – ведьма же не обращала на звуки внимания, больше занятая сеянием хаоса в местную фауну.

– Думала, это всё? – обратилась она ко мне сразу после того, как пришлепнула муху резким ударом тряпки. Мир и покой. – Мы сделали только первый шаг в твоем выздоровлении, и скажу тебе, девочка, он не самый важный.

Видимо, я на некоторое время превратилась в сильно изумленную статую, потому что очнулась, только почувствовав, как мои пальцы окончательно задеревенели, и я чуть не выронила горшок.

– Как это, не самый важный? – мне показалось, Владимира за время паузы уже успела потерять ко мне интерес. – Я ведь не умерла.

– Что было бы логичней, и малохлопотней, – бодро заявила Влада, обозревая чистые поверхности. – Хотя, признаюсь, мне давно не хватало такой помощницы. Ты же не против поработать на меня? Все же я тебя кормлю, одеваю, обучаю…

– Нет, что ты, мне очень нравится, – я неудобно перехватила горшок.

– Вот и хорошо. Можешь поставить сюда. Только не разбей. Убью.

В который раз я поразилась, как она прекрасна. Но все же…

– Что ты имела в виду? – я отряхнула ладони, пытаясь малость оживить пальцы. – Разве не это была основная цель – не дать мне умереть?

– Верно, моя девочка, верно, – промурлыкала Влада, и мир простился с еще одной мухой. – Моя задача – сохранить тебе жизнь, но неужели ты думаешь, что именно этим я делаю тебе одолжение?

– Я все еще не понимаю, Владимира, – озадаченно сказала я.

– Можно Влада. Когда у меня настроение есть. Так вот, жить мы тебе дали – я отсрочила твою смерть, но ты и сама понимаешь, что я не всесильна, – ведьма обратила на меня свои магнетические синие глаза. – Ты даже знаешь сроки, я уверена в этом.

Недолго я соперничала с ней в поединке взглядов. Ведь Влада была как никогда права.

– Думаю, три года. Не больше, – я помолчала, неосознанно уставилась в окно, за которым неуклюжая ворона вперевалочку прыгала по грядкам мяты.

Ведьма хлестнула смоченной тряпкой подвернувшегося паучка и начала яро намыливать канделябр.

– Что тебе известно о том, что случилось с такими, как ты? – спросила она с высоты табуретки. – Ведь если есть сроки, то ты знаешь, что произойдет по их истечении. Боль будет страшной?

– Не знаю, – я подержала мысль в голове. Наморщила

лоб. – На самом деле, я не припомню ни одного случая, когда бы пропадала звезда. Даже из истории, – я закрыла глаза на мгновение и передернула плечами, отгоняя прочь образ, который навязчиво вплетался в мою память, когда я думала о доме – только не имеющий с ним ничего общего. – Я просто знаю, что максимум, который я могу продержаться без подпитки, – хотя это из разряда невероятного, ведь выжить звезда без силы может не больше лунного цикла, – я подняла на Владимиру глаза: она с увлечением вымывала засохший воск из подсвечника. – Но раз уж так со мной случилось, что я этот цикл пережила… То не больше трех лет. Как только минет это время, меня не станет. Я…

– Растворишься? – подсказала девушка.

– Скорее всего, – кивнула я навалившимся нерадостным мыслям.

– А чего хочешь ты?

– Прости?

– Чего ты хочешь? – Влада спрыгнула с табуретки. – Хочешь ли ты умереть, раствориться, как ты предполагаешь, во Вселенной, стать настоящей частицей всего этого мира? – она выразительно заглянула мне в глаза. – Или, может, ты хочешь жить на земле: начать новую жизнь, попытаться стать человеком в той мере, в которой тебе бы продавали еду, и прислуживать мне до конца своих недолгих дней? У меня всегда найдется работа.

Сколько я ни вслушивалась в ее слова, нить ее рассужде-

ний, похоже, обвивала мою голову, но не проникала внутрь. Шипя, о ноги потерлась Зоя.

– Или Ковен, – меня прошибло током. И это не Зоина вина… – Твой бывший хозяин, который бросил тебя на милость судьбе. Наговорив грубостей и вышвырнув, как жалкую кошку. Он не пришел к тебе на помощь, когда ты в этом нуждалась больше всего, а ты на его зовы всегда приходила.

– Это моя работа… была… – еле ворочающийся язык.

– Но тем не менее, не отрицая тот факт, что с тобой поступили подло, ты все равно тянешься к нему, как будто он твоя единственная надежда. Как будто кроме него никого в мире нет!

Мне захотелось дернуться к выходу. Стало до того неловко.

– А тот же Риден?!

Еще хуже.

– А я, в конце концов? Кто тебя вылечил, и кто тебя привел сюда, кто заботился о тебе последние несколько дней, делая все, что в их силах? – ведьма скрестила руки на груди, внимательно изучая мое лицо, пока я пыталась не встречаться с ней взглядом. И вдруг она резко выбросила: – Будь уже, наконец, женщиной, а не собачонкой!

Мое сознание на миг захлестнуло.

– Прежде чем обзывать меня… очевидно, нелицеприятными вещами, – только на этих словах мне удалось вернуть голосу ровность, а зрению – ясность. Влада пожирала ме-

ня глазами, как Зоя жирную мышь. – Могли бы разобраться сначала со своей жизнью, Владимира. К примеру, почему вы не подпускаете к себе близко противоположный пол? О чем это говорит? Я не буду делать предположений, я плохо разбираюсь в мирологии. А звезд такие вопросы не касаются.

Несколько томительных секунд скрипела тишина. А после Влада расхохоталась, как ни в чем не бывало, а я, кажется, поседела от ее реакции минимум на волос.

– Молодец, девочка, экзамен пройден! Сходи-ка ополосни ведро и захвати с собой баночку с синим порошком, она в кладовке. Будем дезинфицировать пол.

Сдвинувшись с места, я случайно сбила Зою с протоптанной по моим ногам дорожки, за что получила красную полосу. В груди еще некоторое время не успокаивался жар от ведьминых слов. Они же не имели под собой оснований.

Настоящие ведьмы никогда не говорят прямо, когда есть возможность приукрасить толикой мистики свою специальность. А Влада была настоящей. И хоть девушка твердо стояла на том, что разноцветные бревна ее дома предназначены для отпугивания всякого сброда, я в этом видела лишь стремление подчеркнуть свою инакость.

Мне не приходилось сталкиваться с ведьмами раньше. Все, что я могла о них вообразить – как и знания об эльфах, вампирах, гномах, – я почерпнула из немногочисленных собраний сочинений (разве что об ангелах у нас в книжках не

пишут). Те несколько часов, что я наблюдала за землянами в школе, опровергли если не все, то большую часть моих представлений об этих народах.

Поэтому теперь я склонна была называть прочитанное сказками, ведь и ведьмы в лице Влады били рекорды по неузнаваемости – самое прекрасное из созданий не было ни каргой, не жило в лесу, не ело детей (хотя…). Правда, ее домом была практически что избушка, но эксцентричности в одной облицовке хватало, чтобы понять – ведьмы здесь желанные гости. Действительно, лечила Влада хорошо. И хоть я не ладила с ее животным, в остальном жизнь, можно сказать, сложилась удачно. Пока.

В тот день девушка больше не поднимала волнующую меня тему. И я было решила, что никогда от нее прямых ответов не добьюсь, и придется угадывать (предполагать, что я ее задела, было бы слишком невероятным). Но оказывается, Влада решила мне ответ *показать*.

Ближе к ночи, она занавесила окна, оставила гореть только три свечи в комнате (сначала я подумала, что она готовит ритуал, но свечи были расставлены произвольно, и я отбросила эту мысль). Вытащила зеркало – вытянутое, прямоугольное, во весь рост; оно держалось на двух опорах, невообразимо простое, окаймленное сосновой оправой. Затем Влада взяла пушистую кисточку и, макая в блюдце с розовой пудрой, обсыпала воздух вокруг блекло-пахнущей пылью, бормоча односложные повторяющиеся фразы.

– Встань сюда, – она указала на место перед зеркалом, которое было далековато от света аккуратных огней, и мне пришлось ощупать пол носками, чтобы не наткнуться на что-нибудь по неосторожности – на Зою, например.

Вдруг мне в лицо вдарил резкий запах ментола, и уже секундой позже в глазах стало жгуче и пыльно.

– Закрыть надо было! – прикрикнула на меня ведьма, будто была убеждена, что звезды, подобно кошкам, обладают ночным зрением.

Я закашлялась, отмахиваясь от порошка, синеющего клубами в слабом свете свечей. Скоро перед моим носом цвет рассеялся, и я наконец увидела недоступную ранее моим глазам магию.

Я светилась.

Владимира стояла чуть левее зеркала, ее белые воздушные рукава были слегка испачканы розовым. Наклонив голову, она проникновенно наблюдала за мной, а ее переносица, часть щеки и кончик носа голубели, отражая крупные синие шарики… Они окутывали меня, пушистые, сотканные из цвета сферы – сверху, сбоку, в руках, в ногах, выходя из одежды, будто являлись порождением моего тела, как запах.

Я бы и приняла их за запах, о котором ведьма решила мне напомнить таким оригинальным способом, если бы в районе сердца свечение не вело себя необычно – присмотревшись, я разглядела воздушные толчки, выходящие из левой груди.

– Красиво, правда? – улыбнулась Влада, поглядев вместе

со мной на мое отражение. Зеркало впервые казалось мне самым искренним существом на свете, потому что никто более не смог бы изобразить такого изумления на моем лице. – Такого ни одной магией не создашь. Разве что отдаленное что-нибудь. Потому как надо быть истинным мастером, чтобы отсюда, – девушка приложила руку к моей груди, – билось по-настоящему сердце. Но ты ведь понимаешь, что это значит?

Я не знала, на кого мне смотреть: на Владимиру, в волосах которой добавилось синих нитей, или на шарики, водящие спиральки вокруг моего тела.

– Не совсем, – молвила я. – Я свечусь?.. Почему? Я никогда так не делала.

– Я бы пересмотрела эту уверенность. На самом деле, ты светилась всегда. В день, когда я тебя встретила, ты сияла слабее и мельче. Крошечные огоньки вырывались из твоего сердца, будто оно билось вне тебя, – Влада провела рукой в воздухе в попытке поймать свет. – Теперь ты здорова, и сияние, как я полагаю, вернулось в свою изначальную форму.

– Изначальную? То есть? Почему я этого никогда не видела?

– А зачем видеть очевидное? – Влада приподняла изящно бровь. – Если бы каждая звезда пыталась скрыть то, что бросается в глаза, мир небес лишился бы удивительной красоты.

Ведьма лукаво улыбнулась, уловив испуг в моих глазах.

– То есть… не может этого… Все это время?!

– Всегда и везде, – кивнула она. Затем отошла к зеркалу, взяла миску и начала осыпать в воздухе зеленый порошок. Потихоньку сияние в зеркале угасало, хотя вокруг меня оно по-прежнему ярко билось. Пока Влада зажигала свечи, чтобы не я одна была центром комнаты, я пыталась принять очевидное, неприятное открытие.

Все эти годы, куда бы я ни ходила, где бы я ни находилась – на земле, на небе, да будь я хоть у звездного черта за пазухой – за мной следили. За всеми нами, за каждым, не исключая никого. При всем желании, если бы оно у меня имелось, я не могла бы назвать это шуткой, я не могла рассмеяться, чтобы стало легче. Мне не станет легче. Моя жизнь засияла в новом свете, здесь и сейчас, в прямом и переносном смысле. И мне захотелось, чтобы на глаза навернулись слезы.

– Ну-ну, все не так страшно, девочка, – мурлыкнула ведьма, хотя мне на мгновение показалось, что она получила удовольствие от моего замешательства. – В конце концов, какая бы ты была звезда, если бы не умела сиять?

– Одно дело сиять на небосклоне, другое – когда ты как бельмо на коже земли.

– Они не смотрят на тебя прямо сейчас, – мягко моргнула Влада. – Ты же наказана. Иначе я бы приметила еще несколько сияний в округе.

Я недоуменно уставилась на нее.

– Звезды должны сиять. Никто не вправе мешать этому. Но видеть это сияние могут лишь избранные, те, которым

они сами решат светить. То, что за тобой не пришли, говорит не только о наказании, но и о другой детали, которую ты упускаешь. Скажи мне, кто видит свет? Взгляни на себя!

Я послушалась ее приказа: в зеркале отразилось мое испуганное лицо. Больше поверхность не показывала света, – влияние зеленого порошка, вернувшего вещи в обыденное русло, – хотя вокруг меня по-прежнему вихрились спиральки. Владимира потрясла перед собой пустой миской. Порошок…

– Его не каждый видит, – осенило меня. – Этот свет, его не видят звезды.

– А видят избранные из числа людей, и стать таковым можно, всего лишь будучи достаточно сильным, – закончила мысль Влада. И снова улыбнулась. За сегодняшний вечер я видела столько оттенков этой мимики, что у меня должна была кружиться голова.

Я все же почувствовала небольшое облегчение. А дальше поняла, что все, к чему сводилось ведьмино представление, – она меня защитит. Она сильна настолько, что смогла увидеть свет, недоступный ни мне, ни Ридену. Есть и другие, которые могут так же, но она особенная – она ведьма. Она *уже* придумала, как это скрыть, чтобы никто на земле не догадался, что особенная еще и я.

– Зоя что-то очень притихла. Тебе не кажется?

Похоже, не только я стесняюсь принимать искреннюю благодарность.

***

– Посторонись!

Плотный мужчина с обильной щетиной, захватившей его подбородок и скулы, задел меня ящиком с рыбой. Пара женщин и торговки вскрикивали, когда он проходил рядом с ними. Я поморщилась от запаха хека, шлейфом повисшего в воздухе, зато обнаружила нужную палатку, когда повернула голову.

– Лучшие травы на всем побережье! Мелисса, шалфей, крапива жгучая… – женщина средних лет в грязноватом платке на голове прервала расхваливание своего товара и на несколько секунд уставилась на меня. – Привороты долгосрочные, любовные зелья с лимонным и клубничным вкусом… – неожиданно продолжила она.

Я невольно опустила на себя взгляд. Когда встал вопрос, а что мне носить на земле, Влада надолго задумалась над сундуком с одеждой. Сначала я приняла это за жадность, которая полностью оправдывалась в моих глазах ее совершенством, – если бы я в какой-нибудь звездной жизни была хоть чуточку такой же красивой, как она, я бы скупилась и на меньшее, – но оказалось («Не говори глупостей, дурочка!»), у нас были немного разные размеры в некоторых частях тела. К тому же Влада довольно ясно обрисовала ситуацию, если меня увидят в ее одежде.

«Это исключительно мой стиль. Тебя могут принять за ведьму или, что еще хуже, за меня! Поверь, мои заботы тебе совершенно не нужны!»

Хоть я была бы счастлива просто примерить ее одежды (земные же…), не могла не согласиться с ее доводом. Я осталась у ведьмы на правах «кузины», но такой дальней, что можно было придумывать сколько угодно родственных ветвей, и все они были бы правильными. Однако яркие цвета привлекали бы лишнее внимание, учитывая еще и то, что никто у Владимиры до этого не жил. И я постоянно такие длинные юбки не носила.

Тогда, год назад, я явилась к Ридену в потертых брюках и грязной блузке, и по большей части мне было удобно именно в таком типе одежды ходить по земле. Но Влада была настойчива. На мне появилась юбка, но спокойного серого цвета, а верх она подобрала голубой. Звездную же одежду сожгла. У меня не появилось мысли ее останавливать.

Когда же я ездила по поручениям ведьмы в другой город, я чаще надевала брюки из конского волоса зимой и из хлопка летом. Да, это были невзрачные болотные или серого цвета одежды, чтобы не часто стирать их от дорожной пыли, но никак нельзя было сказать, что у меня проблемы личного плана. Я вообще с трудом понимала эту тему, люди сильно отличаются от нас в подобных похождениях, и мне было неприятно испытывать чьи-то догадки на своей шкуре… Чтобы вновь не задерживаться на этой мысли, я прервала ре-

кламу торговки и стала перечислять необходимые мне снадобья.

– И не найдется ли у вас настойка из кожи черной гадюки? – закончила я.

– Такая змея слишком опасна, деточка, мы такие не продаем, – запричитала женщина.

– Да? Тогда я, наверное, спрошу у местной ведьмы, у них всегда есть что-нибудь из мамбы.

– Втридорога возьмешь, девушка. А я всего лишь за полценок продаю.

– Тогда мне одну пинту и шесть стеклянных баночек по сто миллилитров.

Говорят, зелоорцы – не самые лучше торговцы, но я далеко не сразу усвоила, как с ними вести дело. Теперь же, чуточку заглянув за ширму профессии, поняла, как себя подавать. Женщина зарылась в мешки с товаром, на время предоставив меня самой себе. Я оглядывала рынок, мучительно щурясь от лунной белизны.

Я еще не была за пределами родины Влады и Ридена. Но я много читала о других странах. Народами тоже интересовалась… потому что на звездах о них сложилось такое дикое, несуразное представление, будто мы сталкивались с ними только во снах! Была бы моя воля, ввела бы отдельным курсом сидение в земных библиотеках и изучение местных фондов. Чтобы при каждой встрече с вампиром мы не думали, что он нам вцепится в глотку, а от облика эльфа мы впа-

дем во влюбленный экстаз…

Началось все с того, что Владимира не хотела со мной заниматься. Лекарства и грядки не в счет, и ухаживание за Зоей тоже частично перешло на мои плечи. Дело было в книгах. Ведьма решительно заявила, что у нее сядет голос, если она хоть час потратит на мое образование, поэтому вторым делом, после того, как я выздоровела, она отвела меня в городскую библиотеку – сама Влада искала там заклинания для моего зелья.

Вообще, как она объясняла, в центре города почти всегда находится ратуша. Но я всерьез задумалась, а можно ли назвать центром то, куда ходят только по крайней нужде. Библиотека же, хоть и располагалась в южной части Балуги, по праву могла считаться магнитом для всех жителей, соперничая по показателям с рынком.

Это было не сказать, чтобы огромное здание, всего три этажа, но на фоне остальных домов оно выглядело величественным, собранное из коричневого кирпича, с деревянно-арочным оформлением. Первый этаж представлял собой один вытянутый коридор, вдоль которого изредка стояли тумбочки (либо для сидения, либо для книг, тут уж кому как нравится).

В конце коридора – нечто вроде гардероба для бумажек: слеповатая костлявая женщина в сползающих на кончик носа толстых очках, взглянула на нас, высоко задрав голову, а потом порылась в шкафу с кучей маленьких отделений; от-

туда она выудила несколько бумажек, еще пару раз хмуро зыркнула, и уже после, согласно маршруту на бумажках, развела нас с Владой в разные комнаты.

Зал, в котором я просидела многие часы, пах, как немывшийся старец, прислоняться к книгам было опасно из-за соображений гигиены, но именно в этом маленьком полуосвещенном помещении, склоняясь под горячей лампой, готовой спалить мне волосы, если я слишком близко мотну головой, я узнала: на самом деле, эльфы не святые, вампиры живут в замках только, если того требует род или профессия экскурсовода, а гномы ценят самогон не меньше эля.

А еще в библиотеке на меня не обращали внимания, хотя я неоднократно приходила с самой эксцентричной девушкой округи. Очевидно, здесь ее давно знали и перестали считать чем-то особенным.

Удивительным оказалось то, что все расы, на которые мы привыкли членить землян, живут неотделимо друг от друга.

Есть города, где культурный слой настолько разнообразен, что приходится признавать официальными лишь несколько праздников, иначе бы каждый день был выходным. Само понятие расы настолько гибко и неуловимо, что если ты увидишь на улице эльфа и назовешь его так, далеко не факт, что ты его не обидишь. Вполне возможно, что этим эльфом может оказаться оборотень, у которого в предках были северные народы.

Я до сих пор не понимаю, как именно надо разделять зем-

лян на расы – может быть, такого способа вообще не существует! Все пошло с того, что кто-то когда-то высказал теорию: все населяющие землю народы произошли от одного предка. А значит, если деления нет – земля не будет терпеть противостояний на этой почве. Гениальней ничего придумать не могли – и мое недоверие этой идее закрепил курс библиотечной истории.

Тем не менее: единое название земным жителям дать забыли, поэтому для различения того, кто есть кто (ну правда, гениально), условно всех-всех-всех стали называть людьми, а понятие расы плавно слилось с понятием народа.

Которого расселилось… Здесь я тоже невольно проводила сравнение с небом – маленькое. А народы земли за тысячи лет так перемешались друг с другом, столько перевоевали, столько освоили территорий.

Есть не просто эльфы, есть северные, нижнеустевые, лесные, какие-то еще, и так с каждым народом. Запомнить это, когда они еще себя кучу раз переименовывали (первое время я считала это полезной информацией), представлялось мне невозможным.

Влада вовремя подала правильный пример: лишь пожала плечами, сказав, что «как себя ни назови, козлом останешься». Ее нелестный комментарий о мужчинах избавлял меня от обязанности заучивать географическую местность.

Ведь мне ее знать никогда не нужно было. Путеводным для звезд на земле всегда является заклинатель…

Что у меня действительно получалось, так это языки. Когда Влада услышала, как я читаю отрывок из сказаний на одном из эльфийских наречий, она сначала не поверила ушам.

– Девочка моя, так на этом можно зарабатывать!

Не знаю, что такого поразительного услышала ведьма. Для меня буквы, какими бы они ни были на бумаге, не представляли ничего трудного в произношении. Единственное, что коробило, это обилие этих самых букв. Некоторые знаки встречались только в старых текстах, другие – единственны только для этого языка. И прежде чем я опознаю символы на бумаге, мне надо было услышать, как их говорят…

Однажды я с этим вопросом очень надоела костлявой библиотекарше, и тетенька сунула мне (а по ее словам, подарила) говорящий шар. Смысл этого непроницаемо синего устройства был в том, что на его поверхности нужно было начертить то или иное слово (букву, знак), и шар произносил его мужским и женским голосами, в зависимости от настроек (Я, кажется, даже научилась отличать немоту тритона, что несло у этих морских обитателей существенную смысловую нагрузку, от молчаливости верхних горцев, язык которых в особо печальных случаях мог состоять всего лишь из пяти звуков).

Потом я надоела библиотекарше повторно, и она выдала специальную гибкую трубку, которая одним концом крепилась к шару, а на другом имела нечто вроде небольшого зеркальца – водишь им по строчкам книги, а шар через несколь-

ко мгновений тебе это зачитывает.

Только понимать чужую речь мне это нисколько не помогало. К тому же, слышать – одно, а воспроизводить на ином наречии свою мысль – совсем другое. Тут уж тетенька на меня вконец обиделась и вышвырнула со словами, что нет единого средства от всех бед (выразилась она, правда, покрепче, но повторить не смогу – то ли я не разговаривала на этом языке, то ли таких выражений в словарях не встретишь).

Влада, пожурив меня, притащила домой справочники и самоучители, и я уже самостоятельно пыталась освоить языковые минимумы. При этом постоянно мучилась мыслью – зачем придумывать столько всего, когда можно обойтись одним языком? Есть нюансы, которые не передаешь по-другому – и как тогда? В чем смысл такого разнообразия? Если бы его не было, какая-нибудь звезда не корпела бы долгими сутками над объемными томами.

В мире есть более интересные вещи: накормить, к примеру, Владину кошку, которая и не кошка совсем.

Гораздо больше пользы из книжного ада – я имею в виду то здание с бабой-ягой на страже – извлекла Владимира. В конце третьей недели она напоила меня настойкой из концентрированной магии (сказала, что взяла ее *из* волшебника), и где-то около месяца я натирала все тело мазью – из того же концентрата, а еще сливочного масла и молодой коры дуба (с запоминанием всех ингредиентов мне тоже было несладко). Действие возымело. Кажется… По крайней мере,

в меня никто не тыкал пальцем с намерением сообщить всей округе, что я немного не того телесного цвета…

– Какая у вас коса, девушка, – неуклюже кривя губы в улыбке, произнесла торговка, протягивая мне мешок с лекарствами. В порту уже начал завывать ветер, а значит, вскоре после заката он доберется сюда. Я перестала рассматривать рынок.

– Толстая, красная, – продолжала любоваться женщина, чем заставила меня недоуменно опустить взгляд: коса как коса. – Каким-таким средством красили?

– Красила? Это мои волосы, – еще больше удивилась я. Разве их можно красить? Это же как наносить на кожу слой грязи и восхищаться, как тебе эта грязь идет.

– Твои? Ух-ой, не говори ерунды, девица. Не может быть такого натурального красного цвета!

– Вообще-то это медный, – заметила я, положила деньги на прилавок и ушла подальше от этой странной торговки.

– Медные… фих! – услышала я в гуле толпы. А после донесло слабый вздох: – *А красивые*.

Меня передернуло. Я на секунду даже замерла на месте… Не могу произнести это слово. Зачем она это сказала? Она действительно так думала? Она чувствовала это? *Что* чувствовала?

Я ощутила, как к горлу подступает размытая тошнота, и поспешила выбраться с площади раньше, чем мне станет совсем худо. Надо просто об этом не думать, успокоиться и

все…

Моя коса, наверное, уже отливала кроваво-темным, когда я добралась до постоялого двора. Порт еще журчал всевозможными людскими звуками, в то время как с моря доносились мерные шлепки воды о камень. Воду я слушать не любила – она была единственным местом на земле, которое отражало небо (если, конечно, не повернуть зеркало горизонтально, но кому это надо?..).

Только теперь она не самое неприятное в моем путешествии. Я знала, что еще долго не засну, потому что в моей голове зароились мысли, вызванные в памяти говорливой торговкой…

Зерных был одним из первых городов, где я побывала. Пять дней пешего пути на юг от Балуги – и он уже радует тебя своими березами и мелким земляничным кустарником.

Влада редко давала мне возможность покататься на чьей-то телеге: удача улыбалась, если я умудрялась договориться с возничим за те гроши, которые у меня оставались со сдачи – ведьма знала цену деньгам. Поэтому я вдоволь натрудила ноги, путешествуя под мягким солнцем по пыльным дорогам королевства.

Удивительно, что имя короля я не слышала не только от Владимиры, – кроме богини-матери она никого не считала достойным упоминания всуе – но и от Ридена и других жителей Балуги тоже. Мне казалось, что правитель – это чело-

век (или же…), имя которого должно звучать хотя бы в гневных или пьяных речах. Другое дело Король духов, у которого просто-напросто имени не было…

За год проживания у ведьмы я хотя бы узнала, что их земля именуется Горжанью – странное название для королевства, но людей почему-то оно устраивало, никого свергать не собирались (а раньше это было достаточно популярным методом выражения народного мнения, если верить истории).

А вот Зерных полностью себя оправдывал: больше всего в этом городе было пшеницы. А еще цены на птицу были дешевые, в чем я благодаря Владе неоднократно убеждалась. Ведьма посылала меня туда за курицей.

Проблема с этим животным выяснилась уже на месте: я не могла видеть, как режут кур. Когда птице в первый раз свернули на моих глазах шею, «палачу» грозило остаться без заработка. Не знаю, что со мной происходило – я столько раз наблюдала, как ведьма разделывает тушки; не скажу, что хорошо это переносила, но курицы почему-то меня жутко пугали – может, глаза слишком сильно выпучивали.

И вот в очередной раз фермер выбрал при мне птицу и приподнял ее за шею.

– Где-нибудь в помещении, дяденька! – постаралась я перекричать гомон носящихся по загону наседок и замахала руками. Выражение лица было достаточно убедительным, чтобы мужчина, хмыкнув в бороду, протопал внутрь дома. Курица покачивалась в его руке.

Я выдохнула, и сразу же справа послышался дружелюбный смех. Не знаю, почему я решила, что он именно такой… Парень, как оказалось, некоторое время наблюдал за мной, и когда я повернула голову, приветливо улыбнулся:

– Раньше я тоже не мог видеть, как делают мясо. Но к этому привыкаешь!

Я задержала на нем взгляд, потому что до этого со мной на улице просто так не заговаривали. Я обращалась к людям в случае надобности – спросить дорогу, узнать цену – а они ко мне, если продавали товар. Но у человека рядом со мной вопросов не было. Он только шире улыбнулся:

– Серьезно, чувствую себя петухом, которого сейчас освежуют!

Сравнение показалось мне странным. А тон, которым оно было произнесено, вдруг напомнил мне Соула. Я покосилась на солнечное небо – в груди ничего не колыхнулось, и чтобы мысли не задержались на друге, я немного скомкано сказала, поспешив:

– Вы не петух. Не похожи.

Он снова расплылся в улыбке, а я не смогла понять, почему сейчас взгляд отвести очень захотелось. Я же не знала, что тогда уже все началось…

Его звали Вуржин, происходил он из семьи моряков, живших на севере Мидамина – второго из четырех Зелоорских королевств. Парень был невероятно добр, помог донести мне продукты до выхода из города и даже нанял возничего, везу-

щего дрова в Огрионт, – до Балуги было совершенно в другую сторону, но он заплатил ему, чтобы в первую очередь я смогла добраться до города.

Я могла только благодарить его, когда он отмахивался, как от пустяка. Его обращение смущало, но одновременно заставляло сжиматься сердце – он был так приветлив, что в это не верилось. Но почему-то вселяло надежду. Тогда я еще не понимала, что им движет, и лучше бы оставалась в неведении до сих пор. Он выразил желание увидеть меня еще раз, а Владе я об этом случае не рассказала, не считая чем-то особенным, – если бы я поступила иначе, возможно, все бы обошлось.

Но у судьбы и Влады были другие планы. Уже в следующем месяце я снова отправилась в Зерных. Правда, того парня я в те дни не встретила, но когда я была в городе в четвертый раз, увидела его около памятника Зерну на главной площади. Он как-то сразу заметил меня, а подбежав, взял сумки – первой мыслью было, что он хочет меня ограбить, – и повел показывать какое-то «адски интересное место». Не помню, с какого момента нашей встречи он уже стал периодически держать меня за руку, чтобы я в очередной раз свернула не туда.

В Горжани теплеет быстро. В апреле уже нигде не увидишь и кромки коричневого снега. Но несмотря на довольно сносную погоду, ветер любил пробирать до костей – как раз весной в королевство приходят сильные потоки. И однажды,

не вынеся вида моих мучений, Вуржин взял мои руки в свои и начал греть пальцы дыханием.

Я чувствовала, как горячий воздух щекочет кожу, и на душе непроизвольно менялось *что-то*. Я и мечтать никогда не могла, что со мной на земле будут обращаться так по-дружески. Риден знал меня давно, Влада – она ведьма, ее нельзя приводить в пример, а этот парень – он не знал, кто я такая, видел меня только пару раз за последние несколько месяцев, но каждый проявлял такую доброту, которую не всегда встретишь на звездах.

Сначала я опасалась его внимания – пыталась разглядеть на лице намеки, что все это не взаправду, и я просто по какой-то неведомой причине игнорирую инстинкт – но, в конце концов, поняла, что мне ничто не угрожает. И начала радоваться нашим встречам. У меня появился друг на земле!

Но лучше бы я обманулась в мыслях чуть раньше.

В последние дни апреля небо было очень пасмурным. Я не видела звезд уже около недели, и это странно успокаивало. Будто никто и не наблюдает за тобой свысока. Хотя пытаться разглядеть меня с неба – это то же самое, что искать искру пламени среди сотни огней вечернего города, – но даже так я никогда не могла выходить под блеск небесных светил, не съежившись, будто сейчас получу за очередную проказу.

Но звезды были безразличны. Никто не светил ярче, чем ему это положено, никто не передвигался по небосклону, если бы ему вдруг вздумалось. А тучи, закрыв от меня небес-

ное великолепие, оказали неоценимую услугу – я больше не вздрагивала при любом показавшимся мне необычным отблеске.

Вуржин шел рядом и постоянно подергивал головой. Я не могла уловить причину его волнения. И думала, что на него действовала таким образом погода – я слышала от Влады, что некоторые земляне очень болезненно реагируют на ее изменения.

– Слушай, Джина, – окликнул он, прежде чем я успела задать ему вопрос. Он взглянул на меня, и вдруг его лицо неуловимо изменилось. Он нервно засмеялся, смотря в сторону, будто вспомнил давно забытую шутку. – У тебя же всегда такие красивые медные волосы, даже сейчас, когда солнца нет.

Я перевела взгляд на косу, которая слегка оттенялась дневным светом.

– Я скоро уплываю в Мидамин. Знаю, что это не так далеко, как хотелось бы мне, чтобы это звучало… – парень наморщил лоб, будто слова давались ему с мучением. – Но Джина… ты мне нравишься.

Он встретился со мной глазами… При всей очевидности его слов, в тот момент я никак не могла понять, к чему он клонит. Стояла и смотрела. А в голове только вопросы роились: он прощается? Он хочет извиниться? За что? Его глаза отражали гамму чувств, но я не улавливала ее значения, пытаясь подобрать то, что чувствовала сама. Друг ждал – это

читалось – и я вдруг подумала, что это могла быть обида, но не известной мне природы.

– Вуржин, – произнесла я, надеясь мягко прояснить ситуацию, но он меня прервал:

– Нет, дай я договорю, Джина, – остановил меня рукой. – Мне надо высказаться, иначе я никогда этого больше не сделаю, – он неловко усмехнулся. А я почти видела, как по его шее стекают струйки пота.

– Я понимаю, что ты можешь не разделять мои чувства, – продолжил он. – И глупо было бы на что-то надеяться, но… знаешь, люди всегда на что-то надеются, и… может быть… Ты бы поехала со мной?

– Поехала? – я сказала это раньше, чем во мне начало пробуждаться осознание чего-то нехорошего. В груди *менялось*. Захотелось вдруг закрыться, отступить на шаг. Но я пересилила себя, смотря в глаза человеку – и в этот момент меня саму прошиб пот, а щеки стали холодными. *Человеческие чувства*. Чувства… Что, черт возьми, происходит?

– Вдруг у меня все же есть шанс? – у него были *такие* глаза. – Я все еще буду тешить себя надеждой, пока ты не ответишь. И я хочу… хочу, чтобы ты дала ответ сейчас. Прямо здесь. Тянуть уже некуда. Так что, Джина, ты… Ты останешься со мной?

Резкий запах. Корица. Ее донесло с окраины, и я поежилась от набежавшего ветра. Вот только мысли в оцепенении стыли под взглядом друга…

Венера-голубка, что же это?.. В груди нарастает мучительная боль. А к горлу, кажется, подступает тошнота. Сердце сжимается, как бешеное, урывками. На Вуржина становится невыносимо смотреть, хотя минуту назад я готова была разглядывать его лицо, лишь бы он не грустил. Но сейчас неуютно самой. И холодно так, что держись только за себя. Почему он смотрит с надеждой? *Я знаю, почему*. И знание это приходит не из головы, как раньше – людей иногда настигало, мы читали об этом – а *изнутри*, и это было *самое ужасное*.

Я не могу чувствовать то же самое, что и человек. Я не могу!.. Он меня не знает. А я… почему мне так больно? Это из-за него? Или за него?.. Хочется отступить и одновременно его не обидеть, но венера… Этого не происходит со мной. Скажи, что этого не происходит… Я всего лишь звезда, которая потерялась. И сейчас отчетливо почувствовала свое одиночество.

Лишь бы не смотреть ему в глаза, лишь бы в землю… в голове само собой всплыло сразу несколько имен, пока Вуржин стоял напротив и дожидался моего решения. Весен… Соул. Влада. Задумывалась ли я когда-нибудь, что я чувствовала к Весену? Теперь нашелся повод.

Повозившись в сжимающейся от неправдоподобности происходившего душе я нашла этот очевидный каждой звезде ответ, и нашла с облегчением: я никогда не испытывала к духу дурацкого чувства, свойственного людям. Оно такое

непонятное и *другое*. Ты сразу будто становишься далек от того, с которым проводил до этого время, и все было хорошо. Соул, мой друг Соул, никогда не говорил, что любит Лизу, я уверена, даже не задумывался об этом.

У звезд любви не существует. Это вынуждены терпеть люди, но мы избавлены от этой участи. Звезды единятся только ради рождения новой. Симпатия, доверие – все это есть, и это можно сравнить с человеческим, но любовь… Это звучит отвратительно. Как нечто, что *заставляет* тебя становиться другим против собственной воли.

А Владой я восхищалась. Бесспорно… Я уменьшилась от этой мысли, но мне пришлось подумать и его имя, чувствуя безвольную, пустую черноту, наполнившую сердце: Ковен… Я всегда буду тянуться к нему. Моему единственному хозяину. Одному ему я когда-либо буду служить… А чувство? Чтобы я когда-нибудь испытывала к нему что-то такое же непостоянное и окунающее в неизвестность…

– Вуржин, – я заговорила прежде, чем совладала со своим голосом. Парень, венера-голубушка, это уловил. И на меня нахлынуло… – Почему я должна с тобой прощаться?

Меня сейчас на части разорвет – у него такое лицо!..

– Прости меня, – я не виновата. Нет, я не виновата! Но считаю-то по-другому, нежели говорю…

Я же звездный дух!

– Я понимаю, – тихо сказал он, но легче-то не стало. И вдруг добавил в голос бодрости: – Но я так рад был тебя

встретить!

Я не могла больше этого вынести… Взяла с себя слово, что никогда не побываю в Зерныхе, что бы ни поручала мне в этом городе Влада.

Я вернулась к ней опустошенная, поменявшееся в лице, так что она сразу запричитала надо мной:

– Какой олух это с тобой сделал?!

В доме было слегка вверх дном – либо повоевала Зоя, либо ведьма была чем-то недовольна. А еще, и это вернее, причиной погрома мог быть мертвецки пьяный Риден, валяющийся где-то на пути к кухонной тумбочке.

– И ведь не должно было быть там много спирта. Тц, никогда не знаешь, каким получится новый раствор! – объяснила Влада, проследив за моим взглядом. В качестве платы за мое содержание (что воспринималось больше как наказание) она испытывала на Ридене экспериментальные зелья.

Я взглянула на ведьму снизу вверх, вспоминая недавние, беспокоящие меня мысли. Эта девушка была прекрасна… каждый день. Жить с ней под одной крышей – о таком не мог мечтать ни один мужчина. А я жила. Так неужели?..

– Владимира, что такое любовь? – как я смогла произнести это, когда дыхание вдруг перехватило.

Она удивленно воззрилась на меня, затем потрогала мой лоб.

– Девонька, кто тебе вбил в голову такие глупости? – но видя, что я не отвожу от нее взгляд – пытаясь определить,

испытываю ли ужас от понимания своей ошибки – девушка оглядела комнату. – Любовь, хм… ну это как у тебя с Риденом.

– Риденом? – безмерно изумилась я. И даже забыла, что передо мной стоит красивая Влада.

– Конечно! Хах, ты думала, я не видела, как он на тебя смотрит? И подумай, ну зачем ему все это делать? Ну, ты ему зачем?

Я перевела взгляд на бормочущего, распростертого на полу парня. Я *нравлюсь* Ридену?.. Эта мысль настолько ошеломила меня, что я на трясущихся ногах подобралась к нему и перевернула на спину. Нет, Риден… только не ты. Потерять моего самого первого друга?

Он слабо вякнул и сфокусировался на моем носу.

– Джиночка, моя дорогая!..

Это же пьяный бред, правда?

– Риден, скажи прямо – я тебе нравлюсь?

Парень секунд через пять осознал мою мысль, потому что взгляд его немного прояснился. Он тяжело приподнялся, и его лицо оказалось напротив моего. Изо рта пахнуло медовой мятой.

– Спрашиваешь, люблю ли я тебя? – его глаза медленно облапали меня с головы до ног. Я не смела двигаться. Затем он схватил мой подбородок и также внимательно вгляделся в лицо. Криво усмехнулся. – А что, ты ведь хороша, правда? Такую бы девушку и в постельку не жалко пригласить.

Еще чуть-чуть… и я разрыдаюсь прямо в его волчьей хватке. Неужели это *отвратительное* чувство приключилось и с Риденом? Я так не хочу его терять! Только не сейчас…

– Но знаешь, это же как с сестрой спать, – продолжал парень и, судя по потугам на лице, представил это себе в красках. – Хоть и с очень симпатичной сестрой…

В этот момент ему по голове заехала сковородка, и Влада оттащила меня от заснувшего крепким сном парня.

– Сестрой, ха! Не слушай его, – тут она спохватилась. – То есть… он не это имел в виду. Он не отшил тебя, я уверяю! Он просто ничего не соображает.

– Не соображает… – холод в душе был приятным, успокаивающим. Забытым моим. Мне почему-то показалось, что ведьма не права. Ведь если в таком нетрезвом состоянии… Кажется, я стала обязана Ридену еще одной вещью.

– А ты любовь чувствуешь? – спросила я у ведьмы. Девушка совсем забеспокоилась о моем здоровье и наскоро уложила в постель. До вечера у меня и правда был жар.

Когда Риден протрезвел, Влада не преминула пристыдить его своим поведением. Он появился передо мной взволнованный, с видом как у побитого щенка.

– Джиночка, только прости меня, пожалуйста! Я правда не хотел! Это все зелье, я был не в себе, я не виноват! Боже мой, я не сделал тебе больно? Я сделал? Нет-нет-нет, скажи, что я ничего… Я сильно извиняюсь, Джи-и-ина, прости меня!

Мне во всю жизнь этого не искупить!

Я молча следила глазами за распростертым в почетном поклоне парнем и слегка обалдевала от его слов.

– Джиночка, я правда никогда больше не буду! Я не сильно тебе сделал? Если бы только Владимира стукнула меня раньше…

– А что она тебе сказала? – уточнила я.

Риден воззрился на меня – его лицо уже приняло самое виноватое собачье выражение в мире.

– Что я поганка, какую свет не видывал, – всхлипнул он. – Что я тебя так обидел…

– Ну-у, сравнение с симпатичной сестрой в том контексте и правда можно было счесть слегка обидным…

Риден похлюпал носом, а когда до него полностью дошел смысл моих слов, с сомнением уставился на меня.

– Не понял, – в конце концов, признался он.

– Говорю, что я не обиделась, – произнесла я, сама уже в недоумении, как мы можем общаться на одном языке и слышать разное.

– Джина, – наклонил он голову, – мне только уточнить – я тебя не трогал?

Я сразу же коснулась подбородка: в памяти всплыл запах мяты.

– Надеюсь, мед хоть был сладким, – посочувствовала я, пока парень облегченно выдувал из легких воздух. – Что ты делаешь?

– Аа, да так, фильтрация, – хихикнул он. – Гхм.

– Риден, ответь мне, пожалуйста, когда я знаю, что ты в способности соображать. То, что ты говорил, правда? Я же тебе не нравлюсь?

Парень долго смотрел в мои глаза. Не знаю, что он пытался этим добиться, не могу даже догадываться, о чем он размышлял. Но после он сел рядом со мной на кровать и тихонько похлопал по макушке.

– Какая же ты все-таки наивная, Джиночка, – ласково произнес Риден. – Конечно, ты мне нравишься! Как же может такой ребенок мне не нравиться? – Он поглаживал меня по голове, наблюдая, как переливается цвет моих волос – так часто делала мама, когда укладывала меня маленькую спать. Затем его рука задержалась, и он задумчиво убрал ее с моей головы.

– Как ребенок… – он шумно вдохнул и перевел взгляд куда-то за окно. – Понимаешь, Джина. Я иногда не знаю, что к тебе чувствую. Я просто порой не знаю, как себя с тобой вести. Иногда ты такая беспомощная и трогательная, будто младшая сестренка – помнишь, как ты пыталась разбить яйца, а потом беспокоилась, что из упавшего желтка появится птенчик и убежит, а потом его съест Зоя? В такие моменты я и правда начинаю думать, что у меня появилась маленькая сестренка, – он улыбнулся своим мыслям. – Плюс ты же моя подруга, и как друг я тебя очень ценю – не каждый друг бывает таким красивым и не каждый бывает девушкой, а согла-

сись, в этом есть много преимуществ. Но знаешь… иногда ты ведешь себя, нуу… как девушка, – он перевел на меня небесный взгляд, – и тут уж извини, гормоны есть гормоны.

Я опустила глаза, пытаясь осмыслить это добровольное откровение друга. Риден наблюдал за мной, слегка сощурившись. Несколько минут никто из нас не нарушал молчания.

– Но мы ведь не сбрасываем со счетов Ковена, верно? – парень усмехнулся. – В конце концов, это он тебя нашел, а я лишь друг по знакомству. Хотя, давай признаем оба, я довольно-таки славный парень и могу конкурировать с Ковеном. Ну скажи, что могу! Ну?

– Спасибо тебе, Риден, – слабо улыбнулась я, чувствуя, как от упоминания имени заклинателя забелели щеки.

Риден принял мою улыбку и снова потрепал по голове, при этом щебеча какую-то нелепицу, как будто мой возраст резко понизился до годовалого.

– Не за что, милая!.. Только ты уж давай определись поскорей, как себя вести, а то знаешь, Влада одно время пробовала работать предсказательницей, – он наморщил лоб, полностью погрузившись в нехорошие мысли. Я мягко убрала его руку с моей головы, напоминая, что я немного старше, чем ему кажется.

– Как шишка?

– А, дня на три будет, – легкомысленно отмахнулся он и, чмокнув губами в воздухе на прощание, ушел по своим делам. Какой бы Влада ни считала себя предсказательницей,

лучше всего у нее получалось предвидеть наказания, которые посыплются на голову нам, не выполнившим в срок ее поручение.

Моя жизнь не была волнительной. Если я начинала сравнивать, как жилось мне на небе и как живется сейчас, то видела, мало что поменялось. Местность – разве что. Но одно я чувствовала точно, и мне это не нравилось. Я становилась человеком.

Раньше я никогда не задумывалась над такими вещами, как любовь. Мне попросту, как и всем звездам, это было не нужно. А сейчас, когда от меня требуют испытывать это чувство… Когда я отпускала это, мне становилось легче. В конце концов, мне осталось не больше двух лет… За первые полгода я полностью остановилась в росте: Влада измеряла мои показатели почти каждый день и по истечении шести месяцев констатировала такой результат.

– Давай только не будем обрезать волосы. Чтобы незаметно было.

– А я и не собиралась, – возразила я. Несмотря на то, что цвет иногда обращал на себя внимание жителей города, это было единственное, чем я еще могла гордиться и что напоминало о бросившем меня доме.

Странно ощущать себя нерастущей. Когда не надо каждую неделю стричь ногти, следить за кожей, потому что она уже не проявляет возрастных изменений. Мое тело остановилось в развитии, а между тем в груди бушевала буря ново-

го, и иногда от этого становилось так тесно.

Я вскоре поняла, что влюблена во Владу, если это слово можно было применить к девушке, опекавшей меня как сестру и дочь. К ней невозможно было остаться равнодушным. Теперь я прекрасно понимала мужчин, которым она не давала шанса взглянуть в свою сторону. Я признала, что рада каждой секунде, проведенной с Риденом вместе – и что на небе, возможно, напутали, и мне действительно следовало бы быть с ним одной крови. Но все это давалось мне с таким мучительным чувством неизбежного…

Мне не нравится становиться человеком. Да кому понравится, когда от тебя требуют быть не тем, кем ты являлся всю жизнь? Но у меня не было выбора. У меня уже целый год не было выбора. И, впрочем, осталось мучиться недолго.

***

Ветер успокоил свои порывы, но я все равно завязала на голове платок. Не столько, чтобы укрыть уши, а чтобы никто снова не сказал чего-нибудь про мои волосы: не спавши половину ночи, я решила больше не беспокоить себя неприятными воспоминаниями. Несвойственный для августа холод неожиданно пробрался в город этим утром, поэтому я даже обрадовалась своему решению утеплиться.

Корабль из Орпидонта отбывал в одиннадцать. Я думала затариться легкими съестными припасами, чтобы не прове-

сти несколько часов, без эмоций уставясь в морскую гладь. Не заходя на рынок, чтобы не наткнуться опять на ту торговку, я остановилась у магазина со сладостями. Если хорошо поискать, то и на витрине можно найти что-нибудь, не давящее на зубы сахарной болью. Да, здесь дороже, но этот вариант услады своего желудка мне нравился больше.

– Джина?

Я даже не успела вздрогнуть, хотя голос показался мне таким… знакомым? Я повернула голову.

Напротив стоял Весен.

– Ах! – кажется, я сказала это вслух.

Маджи смотрел на меня так, будто увидел давно умершего духа. Мгновением позже я и сама сообразила всю комичность такого сравнения – ведь для всех жителей неба я давно умерла. Меня не должно было быть уже год. И вот один из них встречает меня, живую и прекрасно себя чувствующую – что спорно, но неважно – в одном из бесчисленных городов земли, укутанную в осенний расписной платок и выбирающую сладости.

Я должна была удивиться – но одна эмоция вытеснила из сердца все остальные: я была так рада его видеть! Духа, к которому вдруг почувствовала светлую признательность, будто он только что спас для меня мир, а я оказалось той единственной принцессой, ради которой он все это затеял.

Маджи смотрел на меня такими глазами, что я должна была забеспокоиться об адекватности его морального состоя-

ния, но в следующую секунду его лицо прояснилось и он, будто с облегчением, обнажил белоснежные зубы.

– Ты в порядке, Джина.

Слова прозвучали не как вопрос, и мне стало так приятно на душе от его теплого тона. Если бы я еще сохранила к весеннему духу чувства, я бы, наверное, уже упала в обморок и больше никогда не возвращалась из небытия. И на улице уже не холодно, вероятно, я раньше надумывала себе эту погоду.

Мой неназванный друг смотрел на меня, видел живой и здоровой. Кто-то уже знает, что я в порядке. Что со мной ничего не случилось. Вмиг жизнь снова осветилась для меня сиянием неба – когда его житель стоял передо мной.

– Я очень рад, – улыбнулся Весен, и его улыбка снова подняла по моему телу волну.

– Маджи! – наконец вымолвила я и поборола желание броситься ему на шею. А я ведь впервые назвала его по имени. Но мне было это нисколько не трудно и так приятно, будто я осчастливила этим поступком полпланеты.

Вдруг в моей голове пронеслись последствия того, что он видел меня здесь. Ведь если он расскажет хоть кому-нибудь… Что же со мной будет? Как скоро звезды спохватятся, и кто-то придет за мной? Если кто-нибудь узнает про Владу и Ридена…

– Только не говори никому, – зажала я пальцем губы в надежде, что это выглядит хоть каплю умоляюще.

– Не буду, – помотал он головой и снова озарился улыб-

кой. Ах, если бы было побольше таких моментов в моей жизни, когда я чувствую себя так же хорошо!..

И тут я заметила, как Весен изменился.

Он повзрослел. Не только лицо. Куда подевалась вся его субтильность? Я была приятно поражена. Под курткой из темно-коричневого льна я чувствовала мускулы. На секунду пожалела – зачем он надел куртку? Весен стал шире. И чуточку выше. Теперь его изумрудные глаза не казались мне такими узкими, а смотрели они на меня с такой теплотой, что я поверила, что у зеленого тоже могут быть мягкие оттенки. Волосы по-прежнему слегка растрепаны, но по тому, как они ложились, я поняла – он их обрезал. Больше нет конского хвоста, вызывавшего у девчонок в школе такой трепет. Но ему так даже лучше.

– Как поживаешь? – произнес Маджи, продолжая безвозмездно дарить мне свою улыбку.

– Хорошо, э-эм… – и я не знала, что еще сказать. И очень была благодарна Весену, потому что он не настаивал. – А ты? По делам от повелителя?

– Да, он… гхм, выполняю поручения, – парень замялся и осторожно взглянул на меня.

– Как дела на небе? – перебила я его прежде, чем он подумал задать мне неловкий вопрос.

– А-а… я не очень в курсах, – он почесал в затылке. – Не был там уже долгое время.

– Ах, ну да. Ты же всегда был много на земле, – закивала я.

Где-то с минуту я упрямо пялилась в землю. А может, на самом деле прошла пара секунд.

– Джина, – наконец сказал дух, – я могу помочь?

– Не думаю, – я замотала головой, глупо улыбаясь. – В конце концов, это мое наказание.

– До меня доходили слухи…

– Нет, это все правда, я не пришла на зов, – непонятно зачем начала «оправдываться» я, но вскоре приложила ладонь ко лбу, понимая, какую несу глупость.

– Все хорошо.

– Прости, прости, я… я не знаю, почему я так говорю.

– Я могу попросить…

– Ничего не надо, прошу тебя! – поспешила прервать его я. – Если кто-нибудь узнает, что я жива, то… Мне нужно еще немного времени.

Он долго смотрел на меня, отчего год назад у меня определенно воспламенились бы уши. Но это первый раз… первый раз, когда кто-либо настолько понимал меня без слов.

– Конечно, – сказал он и помедлил. – Ты уверена, что справишься?

– Да, – кивнула я и дернула вверх плечами. – У меня нет выбора.

Он усмехнулся на мое нелепое движение.

– Ты всегда была сильной, знаешь это? И когда я говорил, что попрошу, я не имел в виду небо, – он помолчал, но потом, очевидно, отбросил эту мысль, потому что помотал го-

ловой. – Неважно, – Весен улыбнулся. – Я рад, что ты в порядке.

– Спасибо, Маджи, – кивнула я, – спасибо. Эм, я возьму еду, ладно?

Я зашла в кондитерскую, потому что иначе совершенно бы забыла, зачем стояла здесь. Воздушные булочки. Эльвидорское мучное нравилось девушкам Балуги, и мне захотелось его попробовать, тем более по приемлемой цене. И мне надо было отвлечься. Я смутно надеялась, что Маджи не будет у магазина, когда я выйду, – хотя одновременно в голове витала мысль, что я этого настолько же сильно не хочу, – но он по-прежнему стоял на улице, отступив в тень крыши.

Не рассчитав белизну светила, я неосторожно наткнулась на лунный луч, ударивший мне в глаза похлеще прямого солнца.

– Что такое? – вышел навстречу дух.

– А, – отмахнулась я, загораживая глаза. – Совсем луна достала. У тебя такого не было? – попыталась я свести все к шутке.

Но Маджи поднял глаза к небу и, что неудивительно, спокойно посмотрел на бледную.

– Это не совсем нормально, – перевел он взгляд на меня. – У тебя есть тот, кто защитит тебя от нее?

– От луны? – изумилась я. – Избавит от света?

– Да, избавит от света, – поправился Весен. – Это вредно для кожи.

Он неожиданно поднес руку к моей щеке, но не дотронулся пальцами на миллиметр. Я не двигалась, потому что в этот момент его лицо было очень сосредоточенным.

– Хотя с этим, похоже, все в порядке, – сказал он и убрал руку. – Никто не посмеет навредить нашей зимней принцессе. Ты все такая же. Неприступная, – парень снова поднес руку к моему лицу и уцепился за выбившийся локон. Мне показалось на мгновение, что говорит он не со мной. – И яркая, – он не отводил взгляд от меди. Будто запоминал. – Не меняй их. Они по-прежнему тебе очень идут.

Маджи окутал меня изумрудностью глаз, и я успела заметить… печаль?

И почувствовала, что вспомнила о том же самом.

– Зима не самое приятное время года, – возразила я.

Он убрал руку.

– А я хотел бы быть зимой, – сказал и оглянулся в сторону порта. – Тебя проводить?

– Спасибо, – помотала я головой, отстраненно подумав, как Маджи догадался, куда мне надо идти. – Я сама.

– Удачи.

– И тебе.

До отправления корабля было еще два часа, но я понимала, что больше по городу гулять не смогу. Не знаю почему, но одновременно с неожиданно теплыми чувствами, которые вызвала у меня эта короткая встреча, мне стало не по себе от одиночества, грозящего с головой нахлынуть уже на

корабле. Я знала, что вода будет отражать только облака и жаркое солнце, но в этот раз я буду видеть чуть больше, чем следовало бы.

Я не оглядывалась, но чувствовала, как звездный дух смотрит мне в спину. А потом ощущение исчезло.

Закат уже догорал фиолетовым, когда я ступила наконец на порог Владиного дома. Но сначала мне пришлось немного испугаться.

– Я из-за тебя не ложилась, между прочим! – ведьма налетела на меня, как на очередного ухажера. В последний раз она так свирепела, когда Риден перепутал мешки с монетами – свой и ее – и отдал заказчику сдачи больше, чем следовало. А что он на этот раз натворил? Я вжалась в вечернюю темноту. Но Влада выглянула, осмотрелась и тише поинтересовалась: – Зои нет?

Я помотала головой, ведьма увидела.

– Черт! – ругнулась она и пригласила меня в дом. – Двое суток не могу найти эту прохвостку!

– Ты искала? – засомневалась я.

Ведьма как всегда пропустила замечание, не относящееся к ней по личным, ведьминским причинам, мимо ушей.

– Не продешевила?

– Высший сорт. Даже бонус, – протянула я сумку. Девушка зацокала коготками по стекляшечкам.

– А кальмарьи глаза?

– В той, что с розовой полоской.

– Мм, мило-мило.

В окно пробилась луна.

– Я сегодня встретила друга, – сказала я.

– Мм… и как он? – не отвлекалась Влада.

– Нормально. Похоже, на небе все как обычно.

– Да-да. Ясно-ясно. Но я надеюсь, ему можно доверять?

– Я уверена, – кивнула я, и кость медведя перестала угрожать моему носу. Ведьма, отложив оружие, продолжила рыться в покупках. – Кажется, он понимает меня, как никто другой.

– Спорно говоришь, но почему бы и нет. В любом случае, ты еще успеешь в жизни разочароваться… Что это ты делаешь?

– Да луна совсем надоела. Целую неделю покоя не дает, – сказала я, закрываясь от бледной платком.

Влада почему-то насторожилась и перевела взгляд на окно, через которое уже лилось лунное море.

– Неделю, говоришь?.. И как ощущения?

– Аа… ярко, – я пожала плечами.

– Вот что, милая, ты два дня всего отсутствовала, а у меня так много дел по дому накопилось. Ты же все выполнишь? Будь умничкой. Сколько бы у тебя это времени ни заняло, хоть три дня, хоть неделю, хоть две, ты должна здесь все вычистить, чтобы я осталась довольна. Пусть все блестит, как тритоний глаз! А я поищу Зою. Не выходи из дома. А теперь

– спать!

– Но я… я кушать хочу, – мольбы не препятствовали ведьме заталкивать меня в комнату.

– Худей, – отрезала она и закрыла дверь.

Я вздохнула и повела плечами. Зажгла свечи, задернула шторы, благо они были достаточно толстыми, чтобы сделать лунный свет глухим, и начала искать легкое покрывало. На Владу я не обижалась. Она была ведьма, а значит, по определению странная, только ни я, ни Риден не осмеливались говорить ей это вслух.

Сегодня и вчера были очень утомительны. Все, чего мне хотелось, – помимо еды – было лечь на кровать, закрыть глаза и ни о чем больше не думать. Разве что о Весене – как ему идет коричневая куртка и как хорошо, что я его встретила. Кроме Влады и Ридена, он единственный человек, – то есть, дух, конечно, дух – которому я могу доверять.

Глава 14. Умные люди

Все не слава матери… Вот как эта девчонка вообще умудряется находить неприятности? Она ведь со мной живет!

Наверное, все же хорошо, что она ничего не поняла – незачем ей знать про луну. Потом скажу. Какая же штука подойдет от нее? Вот что мне за морока! Сначала приходилось придумывать, как убрать ее свечение – хотя так красиво сияло, ничего не скажешь, – теперь вот беспокоит эта дьяволица-луна! Вот кто бы мне сказал, что звезды додумаются смотреть через нее, не поверила бы этому идиоту!

Насчет последних. Кажется, теперь мне маг не в помощь, искать его средь зелоорских лесов дольше, чем ждать улитку. Впрочем, в библиотеке я уже не была давно, может, смотрительница меня уже и простила…

Хоть бы этот придурок Риден не задерживался со своими воровскими делами!

Ну конечно, все придется делать мне!

– Я этого не говорил, – Риден страдальчески закрылся от меня руками. Ууу, тряпка! – Я тоже хочу помочь.

– Помочь?! И как ты это сделаешь! Может быть, ты знаешь место, где она сможет спокойно разгуливать по земле, при этом не страшась, что ее в любой момент схватят?!

Мы не были в доме, – не хочу проверять остроту слуха

девочки – а в сараях в двух кварталах. Если еще заговорить территорию от ушей и окропить от лишних глаз…

Только пусть кто-то попробует что-то сказать про меня и рядом стоящего олуха – он лишится не только своих слухалок.

– Дай подумать.

– Подумать ему… Они скоро придут за ней. И как я тогда смогу ее защитить?

– А если изменить ей внешность?

– Ты думаешь, это так просто? – огрызнулась я. – Между прочим, чтобы сделать хоть каплю переворотного, нужны не только генетические показатели. Что мы будем делать с человеком, в которого ее обернем?

– А что-нибудь… новенького?

– Щас ударю! – непонятно зачем замахнулась я на парня. Черт, не ошибусь ли я в ингредиентах, если буду делать это в первый раз? Мне нужны знания побольше, чем просто смешивание нескольких волосков… Хм, нескольких…

– Я открыта для предложений. Как думаешь, ей пойдет курносость?

– Она и так курносая, – вылупил на меня глаза парень.

– Да я про бо̀льшую говорю!

– Ты хочешь сделать ее милой или незаметной? – закрылся руками Риден.

Я передумала бить его. В конце концов, хоть она мне и не рассказывала, я подозревала, что ее внешность привлечет

противоположный пол. Если не здесь, где я за такие вещи накостыляю по шее, то там, куда я ее отправляю. То, что она молчит, делает ей лишь маленькую честь. Вот что за дураки вокруг… Я зажала пальцами переносицу. Если менять девчонке внешность, то только не тут, мы не сможем объяснить это людям.

– Ты придумал?

– Может быть… да, – медленно произнес Риден и задумался.

– Ну?

– Как насчет Ума?

Я подняла на него глаза. Такой сумасшедшей идеи я не слышала во всю жизнь!

– На верную смерть ее отправляешь, душегубец?

– Не шипи, не шипи, дай объясню! Ведь это… это же лучшее! Смотри, ну кто ее там искать будет?

– Да ее живьем там сожрут, и никакое переворотное не спасет!

– Ай-яй-яй-аааа.

– Ты что ж, захотел от нее так избавиться?!

– Д-д-да как ты поду… йа-ха-ха.

– Смеешься?!!

В ответ непонятное бульканье. Я отпустила его голову. Олух… Потирающий затылок олух. Хм…

Есть же в магическом не маги? Должны же быть, не зря он назван универсальным! Если хоть капля таких найдется, она

сможет продержаться там месяц, может, больше, пока мы не найдем замену… Но куда еще идти?

В горах населенность ничуть не меньше, чем здесь, и оттуда ближе до неба. В восточных землях ее сморит жара, боюсь, ее звездная сила сыграет там плохую шутку. Но я уже не могу оставлять ее здесь. Слишком опасно. И не только для нее. Даже для этого осла Ридена.

Универсальный магический… Сборище магов всех направлений, всех народов, всех рас. Неприятное местечко для тех, кто боится любого проявления силы и сумасшествия. А по слухам – там полно и того, и другого. Опасность зашкаливает, как ртуть в верхнем круге ада, но… никто не знает, где он расположен.

Устоявшаяся система порталов и ходов работает на всю катушку, скрывая не только местоположение университета, но и защищая от внутренних глаз. Если посмотреть с этой стороны, это идеальное место для ее защиты.

Риден прав – там ее не подумают искать, потому что, чтобы додуматься отправиться туда, надо потерять не только рассудок, но и полностью чувство самосохранения. Говорят, там бывают маги, силу которых еле выдерживает матушка-земля. И неудивительно – от мужиков никогда не следует ждать ничего хорошего. Но от этого я ее защищу. Девочка не будет останавливать на себе ни одного мужского взгляда, иначе не буду я зелоорской ведьмой!

Риден, очевидно, некоторое время наблюдал за моим ли-

цом.

– Ты ведь уже со мной согласилась, – заключил он.

Я опробовала рукой воздух: через некоторое время заклинание заговора рассеется – слишком много южных ветров.

– Отправляйся на запад в Кантийскую долину. Мне нужны свитки о способности синих эльфов становиться невидимыми. Пойдешь не в столицу, а в Венгильск. Там на пересечении двух устий живет Олфар. У него должны быть свитки. Напомни ему, что он должен мне карму джинна.

– У него есть карма джинна?! Такая ценная вещь!

– Которую этот идиот мне никак не передаст. Видите ли, не с кем! Позволяю настучать ему за это по голове.

– Я подумаю.

– Не задерживайся. Даю тебе на все про все две недели. И будь начеку. Конечно, не думаю, что в Кантии будут разгуливать звездные следопыты, но любая перестраховка нам не помешает. Собирай информацию.

– Если звездные будут настолько глупы, что будут заявлять о своих намерениях на каждом углу, – засомневался Риден.

– О-о, у них не будет выбора. Потому что никто в целом мире не поверит, что они ищут потерявшуюся звезду.

***

У горных гномов самые лучшие металлы. Их обрабатыва-

ют в самые лучшие заточки для оружия во всем Ирлангёне, а может быть, и на всех северных территориях. А еще говорят, тут лучший холодящий эль. Но его крепости, жаль, не хватает, чтобы скрыть всю волосатость местных гномих. Но не поспоришь: некоторые очень аппетитные…

Меньше всего я бы подумал, что мой старый друг обоснуется в Руйкангуре. Он терпеть не может гномов! Помню, как Никки воротило от одного вида руйкангурской обшивки. Я тогда столько кожанок смог сбыть! Эх, хорошие были времена. Я впервые научил его шулерству…

Дверь не заперта – вот уж чего действительно не встретишь в моем Валыне. А жаль. Повсюду темнотень – из-за расставленных по стеночкам многофункциональных приборов. Колесики, винтики, ручки, недоделанные предметы с шестеренками.

Никки определенно родился не в наш век, но его способности всегда нас выручали. Ума ему хоть отбавляй – хотя все же не надо. Сконструирует все из всего – и к тому же угостит среднеалкогольным.

Заглянув во вторую комнату, я нашел его там – с очками на носу, с отвертками в руках, над разобранным (или полусобранным) прибором. Сбоку светит лампа.

– Фуууух, повеяло шерстью.

– Специально для тебя не помылся, ха-ха, думал, не узнаешь.

Почуял меня черт, хотя у него нет моего носа! Рад его ви-

деть.

Никки поднял голову и как всегда улыбнулся, не размыкая губ.

– Слышал, что ты ошиваешься в городе.

– Не лень было потратить время, чтобы разыскать старого друга!

– Я бы тоже на твоем месте не поленился.

Мы пожали друг другу руки, и он снова уткнулся в модель.

– Что ж ты поделываешь в Руйкангуре? – я обозрел помещение. – Ты же терпеть не мог мелких паршивцев.

– Тебя забыл спросить, – добродушно хмыкнул Ник, перекладывая отвертку в другую руку.

– Колись, уж не дева ли тебя зачаровала?

– Оставь эти замечания для Артуровских острот, – парировал он мои хихиканья. – Если моим органом завладеет когда-нибудь девушка, ты будешь знать, что мир перевернулся.

– Ой ли. Конец света в таком случае станет хоть для одного человека приятным.

– Хм… с чем пожаловал?

– Эля не найдется?

– Все бухаешь? Вон, посмотри в третьем шкафу.

– Это где?

– Да вон, не видишь?

Увидеть за изделиями Никки шкаф может только маг с большой буквы!.. После третьей попытки я нашел нужную дверцу.

– А ничего покрепче?..

– Перебьешься. Как работа?

– Да не жалуюсь, – я выплюнул пробку и отхлебнул из горла. – Есень больше не достает. Представь себе, я смог от него откупиться!

– Охо-хо, не верится, брат, – засмеялся Никки. – Такое не могло произойти без помощи ведьмы! – Он заметил мое секундное молчание. – Неужели, Риден? Ты *сошелся с Владой*?

– Типун тебе на язык! – огрызнулся я. Передернет же от такой мысли!

Никки отложил работу. Вот черт, будет он после этого говорить, что девушки его не интересуют!

– Рассказывай.

– Дурак же ты! – я плюхнулся на табурет напротив. – Ну, подсобила она мне, зато знаешь, сколько я ей теперь должен?!

– Владимире должны все и вся, так что не удивил.

– Должны-то должны, но знать бы меру. – Новый глоток. Пора действовать. – Слышал что-нибудь о Ковене?

– М-гм, – покачал головой друг. – Как испарился тогда больше года назад, так и никаких вестей. Не знаю, где ветры его носят. Фрон как-то пытался связаться с ним через птицу, но та кружила над городом добрых два часа, а потом села обратно на плечо. Ну, что ж поделаешь, пришлось дать ей двойную порцию корма.

– Понятно, – отхлебнул. – Жаль. Пригодился бы.

– Это с чего это такой интерес к нему? Уж не совместную ли работу хочешь предложить?

– Неа. Есть другое дело, – я смотрел в прострации.

– И что же?

– Джина.

Лицо Никки на миг озарилось удивленной гримасой, а затем брови недоуменно изогнулись.

– Джина? А что с ней?

– Она у меня.

Глаза Никки стали красноречивее.

– То есть? Как это «у тебя»? Может, ты хотел сказать…

– Я знаю, что сказал, Ник. Что сказал, то и хотел! – попылил я, несильно повышая голос. – А если ты решил, что за моими словами, что-то скрывается, то…

Я поднял бутылку к губам. Молодец, Никки, все-таки ты ужасно умен!

Он задумался, откинувшись на табурете, прислонился к стене.

– Долго?

– Больше года, – говорящее движение бровей у переносицы: «Дальше». – Осталось чуть больше. А теперь ее еще и ищут.

Некоторое время парень смотрел на меня, будто изучал каждый миллиметр кожи на моем лице. В такие моменты он напряженно думал – можно было смело представлять, как в его голове вращаются шестеренки.

– Как она?

– Нормально. Даже лучше, чем держится. Могу передать привет.

– Не надо, – покачал головой Ник и уставился на один из шкафов. – Ковену пора бы об этом знать.

– Ты и сам уже понял, какой он черт, – пожал плечами я.

– Да, понял… Что ты придумал?

– Самое лучшее место, где можно скрыться. Никто не найдет – даже не подумает искать!

Никки некоторое время смотрел в упор, но его глаза были не здесь.

– Хорошо, – он протянул руку к заднему шкафу, выудил с полки телефон старой поделки – еще с крутящимся колесиком и дырочками – и бережно, будто гладя плечо девушки, набрал номер. – Доброго существования! Скажите, что мне надо сделать, чтобы стать умным?

Я глянул на него как на больного. Никки сосредоточенно слушал. В конце концов я заметил сизый дым, идущий из трубки. Кому это он звонит? У меня было только одно предположение: это существо должно было обитать в адских глубинах и питать непреодолимую тягу к ароматическим свечам. Из трубки зашипел мужской голос, но я не понимал валийского.

Никки положил трубку и чуть погодя взглянул мне в глаза.

– Думаю, уложимся с документами к первому триместру. Раньше не получится. Сам знаешь, с середины года в Ум, да

и в другие, не берут. Протянете до ноября?

Я открыл от изумления рот. Ого! А я ведь даже не успел ничего сказать! Ка-к-к-как он догадался, что я имел в виду университет? *Он научился читать мысли*?!

– Дурак, не паникуй, – прекратил мой треп Никки. – Что еще могло прийти тебе в голову? Ладно хоть идея того стоит.

– А ты не боишься за нее там? – поинтересовался я его мнением.

– Это тебе Влада наговорила? – взглянул он на меня из-под очков. – Она ж мужиков на милю не подпускает. Естественно, что она не может смириться, что среди таких будет Джина. Но там же ведь не одни парни.

– Да-а… там магички молоденькие… – замечтался я.

– Я дам тебе знать с грачом. Но раньше месяца не приходи. Я из подполья ушел, но меня еще пытаются подловить на малом. Ковена я с этого дня тоже буду искать.

– Только умоляю – тише, – я поборол желание пробежаться по комнате в поисках глаз. – Я не хотел бы сообщать ни Фрону, ни Галлену при крайней необходимости.

– Что ж, не буду, только бы ты вовремя смог отличить крайнюю необходимость от последней возможности.

Я закивал. Как же он прав, черт возьми. Эх, был бы с нами Никки раньше, может быть, над многим парились бы меньше!

Ник отобрал у меня бутылку – гад – и убрал ее в шкаф. Затем постоял, вытащил снова, сделал маленький глоток и

поставил обратно.

– И не забудьте очки, – он указал на свою переносицу. И все-таки сдавленно кашлянул, прикрыв рот. – Это лучшее, что может отвести от нее взгляд.

А то бы мы не догадались! Хотя… мы бы – нет.

Глава 15. Вестники октября

Арррргх, ненавижу дождь! Вот сейчас очень ненавижу. Наверняка, это Вуртынья его наслала, потому что я не пожелала заключать с ней сделки! Старая кошелка! Больше ни ногой в ее городе! И ни одно приворотное зелье не сработает у этой ведьмы, уж это я могу гарантировать! Пускай извиняется сначала, а потом уж я подумаю, снимать ли с ее дверей сглаз.

Придется проработать малину. Столько влаги даже для нее плохо. Все бы ничего, если бы Зоя не устроила вчера на грядках небольшое озеро. Вот кто просил эту бестию гоняться за вороной? Убить мало чертовку! И одну, и вторую!

Октябрьская пора. Ночью лил дождь, сейчас прошел дождь. Впору учиться делать купол от влаги, только где бы достать такую книгу, в которой говорилось бы, как не убрать абсолютно всю воду из-под купола? У нас же маги ничего не соображают в таких вещах, а от ведьмы черт слова не добьется, если только не пообещать им что-нибудь нужное. Но с меня хватает того, что наобещала мне Вуртынья! Вот прослежу, чтобы она засиделась в девках!

У дома опять толпились олухи. Ненавижу этих идиотов! И нечего Джине обращаться с ними, как со щенками – таких жалеть не надо! Ходят всё, ходят, покоя не дают! Еще в одежду одну разоделись, будто всей десяткой у меня собра-

лись руки просить! Надо же, даже плащи не мяты – я должна от такого внимания в обморок упасть?!

Богиня-мать покарала бы всех этих мужиков, с их выглаженными белыми рубашками, выглаженными синими брюками и длинными синими плащами! Да они никак из нового почета! Даже октаграмму себе на плечах вышили – да еще с какими изысками, верхняя и нижняя иголки длиннее остальных. Если бы я не увидела ее на этих мужиках, определенно повесила бы такую вещь на ошейник Зое. Заодно и купила бы его.

Олухи вертелись возле моего дома, как ни в чем не бывало. Даже трогали стены – вот чего не хватает! Проведу по бревнам заклинание электричества! Самый высокий осматривал дома на другой стороне с такой орлиной внимательностью, что я бы с радостью запульнула чем-нибудь тяжелым между его острых глаз, будь у меня в корзинке что-то, кроме соломы. Вот говорю себе, что надо всегда носить с собой нож – на всякий непредсказуемый. А то явятся тут всякие с октаграммой, похожей на восьмиконечную… звезду.

– Леди, гхей! Зудоравствуйте!

Я прошла мимо этого высоченного парня, которому приходилась по грудь.

– Вы мне слышите? – и захлопнула дверь перед его носом. Поставила корзинку на пол, погладила Зою, мяукнувшую в моих ногах, и зашагала в кладовку.

Пришли все-таки, гости звездные. Ну что ж, приветство-

вать вас не буду.

Где-то в старых коробках должно быть зелье, успокаивающее кровоток вен. Если духи увидят, что моя кожа бледнеет, и если будут внимательно заглядывать в глаза… Но они же глупы – они ничего не знают о мире людей. О мире ведьм уж точно. Поэтому обмануть их чувства мне не составит труда. Но лучше перестраховаться – ради Джины.

– Эй! – громкий стук в дверь. Наверняка, барабанят уже несколько минут. Я не думала, что засуну зелье в такое неожиданно далекое место. – Леди, откройте двэрь! Мы здесь по приказу Звездного Совета! Опращиваем всех жителей горада!

Я резко распахнула дверь и с удовлетворением улицезрела отшатнувшиеся фигуры.

– Магов?

– Чего? – не понял все тот же высокий парень.

– Звездного Совета Магов? Эти бесхребетники опять придумали новое красивое слово?

– Что? Нет-нет, мы просто из Звездного Совета, – попытался вернуться на проторенное русло дух. Не получится.

– Просто из Звездного? И чем же вы там занимаетесь? Вырезаете снежинки?

– Снежинки?

– Ну, звезды бы вам вырезать было бы труднее – вы же не маги, как вы сами сказали, чтобы лепить форму из газа.

– Лепить из газа?

– А из чего, по-вашему, состоят звезды? – продолжала я. – Уж не из плоти ли и крови, как и любое другое существо?

Опешивший дух, тем не менее умудрявшийся сохранять самообладание, попытался вежливо вставить слово:

– Вот об этам я вам и гаварю, точнее пытаясь сказать…

– Разве что не пиявки. У пиявок кровеносной системы нет.

– Да послушайте же миня! – вспылил дух на своем не особо хорошем орьском. Отдышался. Я скрестила на груди руки.

– Мы по приказу Звездного Совета. Меня звать Дорин Экву. Я руководить первый отряд из личной стражи его Королевского Величества. Мы разыскивать опасного преступника. Этат преступник – наш бывшая житель неба – звезда Джина Янви. Мы опрашивать всех, кто что-либо знать. Вы что-либо видеть, леди ведьма?

Я сощурила глаза и глядела на него до тех пор, пока он не отвел свои.

– Вы так и будеть смотреть на меня?

– От взглядов не умирают, парень! Вы принимаете меня за идиотку? Как думаете, заметила бы я ходящий пылегазовый гигант, если бы он только смог передвигаться по городу!

– Мы выглядим как люди! – возмутился начальник первого отряда. Его подчиненные толпились за его спиной, робко меня разглядывая. Ты чертовски прав, дух, вы ничем не отличаетесь от здешних мужиков!

– И что же вас отличает от людей? Я пока не вижу, чем же вы похожи на звезд – у вас даже мозг работает так же, вернее, *не работает*.

– Вы так всех оскорбляете? – прошипел парень.

– Только мужчин. Они этого заслуживают.

Дух пыхтел горячим воздухом. Ему требовалось много сил, чтобы не нахамить мне в лицо. Только попробуй, придурок.

Кто-то шепнул ему незнакомые слова. Разговаривают на звездном? Я даже не успела уловить ключевых звуков.

– Позвольте асматреть ваш дом, леди ведьма. Если откажиться, мы это сделать силой.

Я откровенно рассмеялась. Стражи попятились – все, кроме главного.

– Вы совсем не знаете мира, если вы действительно те, за кого себя выдаете. Я ведьма.

– Мы это знать.

– Тогда вы должны знать, что бывает с теми, кто роется в моих вещах! – повысила я голос.

Подействовало. Страж сглотнул. Видимо, до меня он побывал у порога не одной ведьмы. Но судя по недостаточно испуганной реакции, они бродят по земле не так долго. То есть сразу начали с Горжани? Мы рисковали больше, чем нам казалось.

– Хорошо, – отступил наконец дух. – Но вы хотя бы ответить на наши вопросы?

– Если ты их правильно задашь, – хмуро глянула я на парня. В ногах издала грозное шипение Зоя. Так ты только мышей отпугнешь, девочка.

– Говорят, вместе с вами жить сестра, – начал дух.

– Да, дальняя кузина, – ответила я и внутренне напряглась. Но зелье скроет.

– И больше год?

– Не знаю точно. Я не считаю дни своих рабов.

– Рабов? – удивился парень.

– У меня другие не работают.

Некоторое время он смотрел на меня с возрастающей опаской, но упрямо продолжил:

– Еще говорят, что она рыжая, точнее у нее медный волос. Невысокого роста, худая, с чистым лицом. Эта девушка по описаний походить на ту, кого мы ищем.

Я слегка наклонила голову к плечу.

– Молодой человек, какого цвета у меня волосы?

Он перевел на них взгляд и побледнел.

– Рыжие, леди.

– А какого я роста?

– Не сказать примерно, но метр шестьдесят пять есть.

– Как мило, что вы умеете считать, – сухо улыбнулась я. – А теперь подумайте, как с таким «подробным» описанием вы сможете разыскать вашу преступницу, если будете подозревать каждую вторую ведьму?!

– Но… но-но… ваша сестра не ведьма… так говорят…

– Зато я ведьма, осел! И я отрежу язык каждому, кто посмеет говорить такое о моей семье! Ты будешь первым! Как раз узнаю, каким эффектом обладает язык звезды. Только будь добр, скажи сначала, кто тебе наговорил такой «правды»?

Новая улыбка доконала парня. Уф, ну наконец отделалась. Это наверняка Игита. Старая кляча никогда не упустит возможности мне насолить.

Я стояла на пороге, скрестив руки на груди, а стражники пятились, верно полагая, что разговор окончен. Но тут в самый неподходящий момент сквозь них протиснулся Риден.

– У нас пикник? – этот идиот еще улыбается!

Главный, как его там, Экву изменился во взгляде и попытался сощуриться на мне.

– Еще говорить, что с вами не жить ни один мужчина. А этот…

– О, уверяю вас, он не мужчина, – сказала я, за что удостоилась возмутительного возгласа Ридена:

– Эй! Между прочим, я в самом начинающемся расцвете сил!

– Мне его закончить? – зыркнула я.

– И этот мужчина появляется у вас с того же время, как быть кузина. Как вы это объяснить?

Я посмотрела на духа самым красноречивым взглядом. Если не за что зацепиться, то не суй свой нос в логово ведьмы.

– Какое отношение это имеет к разыскиваемому вами человеку?

– Звезде, леди, звезде, – поправил парень, а его глаза остались холодными.

– Да хоть демону! Сколько вы еще будете топтать мой двор?!

– А вы что скажете, молодой человек? – обратился дух к Ридену. – Что вас связывать с этим домом и этой ведьмой и ее кузиной?

– А, вы о Катеньке? – улыбнулся, как дурак, Риден. – Она моя жена будущая! Вот только никак не можем получить благословение свояченицы, правда, Владушка?

– Еще раз так меня назовешь… – перешла я на свистящий шепот.

– Сами понимаете, ведьма, – весело пожал плечами парень.

С меня хватит… Я вернулась через секунду из дома, держа в руках кучу свечной утвари. Риден свалить успел, научен, гаденыш, хотя ему тоже причитается, а вот стражники надолго запомнят мои теплые проводы. Пусть только еще раз сунутся на мою территорию…

Когда от них не осталось даже звуков, Зоя поскреблась в дверь, просясь домой. Я пропустила питомицу и защелкнула замок. Риден вылез с кухни, держа в руках две кружки лимонной воды со льдом.

– Будем благодарны Игите, что она не упомянула имени

Джины.

– Благодарны? Да у этой карги просто из памяти все вываливается, так что кого благодарить – так матерь, которая вовремя защитила нас, лишив ее памяти!

– Успокойся, Влада, они уже уехали.

– Это не значит, что с ними уехала проблема, – я поморозила губы ледяной водой.

Нам очень повезло… Похоже, у них не было изображения Джины, иначе они бы его показали, а не описывали на словах среднестатистическую зелоорку… А вот это уже опаснее. Очевидно, мы дотянули до самых последних сроков.

– У меня все готово, – кивнул мне Риден. – С этим и пришел.

– Надо найти портал подальше от города, чтобы ее ни в коем случае не смогли засечь. Как только она окажется там… – замолчала я.

– Она будет в безопасности, – завершил фразу Риден. – Ты смогла сотворить зелье?

– Мне помог гематит, – кивнула я. – Неожиданно применять его в качестве лекарства от чужих глаз, но так никто не догадается. А в свитках синих его очень хвалили. Зеленый чай должен защитить от длительного воздействия. Оба ингредиента она легко найдет в университете.

– Она справится, – произнес Риден, нарушая минутное молчание. Зоя терлась о юбку, бессовестно линяя на нее.

– Но это будет трудно, – возразила я. – Особенно, когда у

нее никого рядом не будет. Худший вариант.

Риден залпом допил воду.

– Жаль, что единственный.

К пяти часам пожаловала Джина, с мокрым шарфом и в грязных ботинках.

– Я приберу, – с порога заверила она.

– Джиночка, милая, как добралась? – замурлыкал Риден.

– Что ж не отвечаешь своему муженьку? – встряла я.

– Что?

– Влада!

– Осел! Думал, те слова тебе сойдут с рук?!

– Ай-я-я-я-яй!

– Э-э, ребят…

– Поздравляю, Джина. У тебя помолвка! А справлять ты ее поедешь в одно очень далекое место…

– Я тебе припомню, Влада, – прошипел Риден. – …Ай!

Глава 16. Идеальное место

Одно бесконечное небо и одна бесконечная долина. Я смутно помню, как провела первые недели на земле, прежде чем добралась до Ридена, – воспоминания дай боги ограничиваются парочкой размытых лиц – но вот мое тело в отличие от меня обладало лучшей памятью. Ноги не так ныли, как у тех же моих попутчиков. Это читалось по их лицам. Хмурые и уставшие, злые на весь мир и на преподавателей университета в частности, они брели, еле переставляя ноги. Но их грело осознание того, что теплая постель и минимально приветливое отношение сгладят первое впечатление. Мне же на это вряд ли приходилось надеяться…

…Когда я добрался до храма, солнце уже село, хотя на часах не было еще и пяти. Эх, опять придется привыкать к новому отсчету. Но, пожалуй, это единственная вещь, по которой я буду скучать, будучи далеко от дома. Родители, друзья – и солнце, которое у нас на юге любит держаться на небосклоне подольше.

И все-таки я рад, что вернулся. Сколько я уже пробыл в Уме, убеждался, что это замечательное магическое учебное заведение. Уже пять триместров я здесь, а еще не облазил всех закоулков даже одной территории Храма! Что уж говорить о лесе, верхушки деревьев которого я наблюдаю,

ложась спать.

…Окружающий пейзаж поражал. Горы, поросшие молодняком у подножий, переходили в строгие и частые леса к вершинам, недалеко от нас виднелось высохшее устье реки. Солнце ярчило земную поверхность во время всего пути по этой нескончаемой тропе. Нигде еще мне не дышалось так легко, как здесь, может быть оттого, что дыхание уже не сбивалось. Птицы носились над головой стаями, охотясь на мелкую добычу или просто танцуя в воздухе. Облака наплыли только ближе к вечеру, когда я пересеклась с первыми людьми, направляющимися в ту же сторону. Хотя я не бралась утверждать, что все они были этого вида.

Новички. Самое первое испытание, которое поджидает их на подходе к Уму, – это сам долгий подход. Несколько часов кряду. Неизвестно, где находится университет, поэтому перемещаться туда не имеет толку – куда попадешь? Вся идея в том, чтобы не оставить на карте ни одной пометки о местоположении. А для неленивых существует многоуровневая сеть порталов, разбросанных по всей этой незнакомой территории, которая всякий раз выкидывает тебя, где ей заблагорассудится. Я видела на лицах выражения такой ненависти к человеку, который это все придумал, но не так глубоко внутри была безмерно ему благодарна – так, по крайней мере, меня не найдут…

Хотя одну проблему они все же могли решить. Ведь сколько студентов уже возмущалось! Пробираться по зарослям и камням целых пять часов, прежде чем зайти в основное помещение – нет уж, могли придумать что-нибудь получше.

– Они что, ближе так и не поставили вход? – проныла Женни, определенная в этом, четвертом для нее, триместре в мою группу, только на травное отделение.

Ей никто не ответил, даже у меня не хватило догадливости поддержать ее слова, потому что все знали – это сделано ради нашей же безопасности. Порталы внутри храма само собой, иначе мы бы нигде не успевали, но вот, чтобы добраться сюда, – уж вы извольте.

Не помню точно, из-за чего прямого входа нет. Кажется, однажды сюда пробрался очень сильный маг и, разнеся полунивера, сцепился с нашим учеником, и они вместе разнесли оставшуюся часть… Впрочем, за весь универ говорить не буду – это вполне могло быть слухами.

…Я разминулась со стражей в Балуге пару недель назад. Мое счастье, хотя Владимира уверяла, что у них нет моего изображения. Это как раз я могла понять. На звездах лопаются любые фотографические изобретения, даже кристальный кремень, высекающий лица в самом минерале, не выдерживает температур. И эта особенность моего мира сыграла нам на руку… но не более. Ведь я не меняла лица.

Меня искали по описанию. И хоть по нему я очень напоминала кузину ведьмы, это оказалось слишком малой защитой, когда повсюду стали рыскать звездные стражи. Они начали розыск именно сейчас…

Луна, оказалось, следила. Нас этому не учили в школе, – интересно, а сколько звезд вообще знают об этом? – но Влада, только услышав о моем «недуге», моментально определила причину. Следящая луна…

Кто бы мог подумать: любимица всех звезд и планета, давшая название моему полу, оказалась орудием слежки. Каждую ночь, ближе к вечеру, она начинала резать мне глаза – *она начинала искать*. Свет, исходящий от луны, усиленный моим восприятием, исходил и от меня, единственной на всем белом свете звезды, пульсирующей на земной поверхности как маяк.

Одно радовало – это была несовершенная система. Звезда всего лишь испускает увеличенный поток света, но ночной город так же ярок. Единственный шанс меня заметить – это если я в поле перед сном вдруг решу прогуляться под звездным небом. И то есть вероятность, что это одинокий путник всего лишь зажег факел.

Вот только беспокойство луна доставляла и при свете дня. Я никогда бы не поняла, в чем дело… А Влада – она очень умная. Имея при себе такие скудные сведения, она изготовила настойку из лунного света, чтобы свет отбить – клин клином в этом случае. И это не все.

Когда я медленно принимала настойку внутрь, знахарка ходила вокруг меня и заклинала на каком-то неведомом мне наречии – свистящие звуки, как будто со мной говорили *тайные души*. Тогда было не по себе, хотя озноба или обыкновенного страха я не чувствовала. Свет луны, просачивавшийся сквозь окно подобно жару из работающего горна, плавно потухал, и я наконец вспомнила, как на самом деле темно ночью. Как объяснила ведьма, «я сделала тебя не врагом луны, а ее другом». Я снова могла взглянуть в очи холодного светила.

Одинокая луна вновь стала для меня лишь самым ярким проводником в мире ночи. Однако недремлющая стража все равно пустилась по моим следам, и в октябре заглянула в Балугу.

Юпитер, что еще я не знаю о своем собственном мире?..

Ребята среагировали моментально. Когда я вернулась во Владин дом, Риден уже был там, но через несколько минут махал мне рукой, направляясь в другой конец города. Он отсутствовал несколько дней. На это время Влада поселилась в кладовке, поэтому вся забота о содержании дома в чистоте и Зои в сытости легла на мои плечи. Слишком маленькая цена, которую я могла им заплатить. Они оба готовились. Все ради меня.

Вернувшийся Риден вручил приглашение – запечатанное в конверте цвета листьев чая, это было направление в одно из самых безопасных мест на земле. Также он достал мне но-

вое имя. Собственно, оно и было написано в письме, внутри конверта. Тисненый герб незнакомой мне земли.

Друг уверял, что лучшего места, чтобы спрятаться, мне не найти – кто будет искать иголку в стоге сена, если она лежит прямо у него под рукой? Сотни магов на самой известной и в то же время неведомо где расположенной земле. И все бы ничего, если это место не было бы Умом.

Универсальный Магический Университет.

И темный маг там.

…Наконец, лианы расползлись, камни завибрировали и подернулись волнами – и я вступил в теплый, уютный вестибюль. Не знаю, чем это вызвано, но иногда сами камни излучают тепло. Хотя есть деньки, когда по-северному пробирает холод, и даже камины не пылают, сколько их ни разжигай.

Я распутал шарф, в который кутался все пять часов пути, и быстро направился прямо по коридору, надеясь сперва скинуть вещи в комнате, а потом поужинать в столовой. Все равно я мало что увозил из храма три недели назад. Зато привез кое-что крайне нужное.

– Э-хей! Буру-ончик! – в плечо больно врезался Лейв.

– Я же просил не называть меня так, – тихо взмолился я, стараясь не показывать виду, что его пальцы сжимают мое плечо, как в тисках.

С Лейвом мы были давними недоброжелателями. С са-

мых первых пор, как я оказался в Уме, он невзлюбил меня по необъяснимым причинам. Но однажды я его побил на арене, и теперь вот мучаюсь – он меня достает на законных основаниях, как друг. Мало же от победы было проку.

– Да ладно тебе, неженка, – оскалился он. – Столько времени не виделись!

«И не виделись бы подольше, будь мое желание».

– И правда. Что нового? – вслух сказал я.

Мимо, издавая жамкающие звуки, прошлепал маленький старый карлик в полосатом зеленом халате, а за ним сломя голову пронесся парень с экспериментального.

– Слышал про кантийцев? Ветроск всем уши наточил, в пятницу будем биться на арене. Уже делают ставки. Ты со мной?

– Ох уж эти альвы, – промолвил я. Воинственность синих меня не переставала удивлять.

– Я не могу проиграть, мне сейчас нужны деньги. Так что если ты поставишь…

– Я подумаю, Лейв, правда, – я смог освободиться из его хватки, как вдруг он опять резко хлопнул меня по плечу, отчего мотнуло в сторону.

– Ну, бывай, лугунд!

До сих пор не верю, что я мог побить этого ирлана в прошлом триместре!

…Я старалась не думать о маге. В конце концов, каков

процент вероятности, что он узнает меня? Я видела его всего лишь несколько минут в звездной школе, а имела глазной контакт – всего лишь несколько секунд. Он не мог меня запомнить… К тому же, в университете столько магически одаренных существ, что я определенно должна была затеряться в этом лесу. Определенно…

– Ты не должна выделяться. Никак, – напутствовала меня Владимира перед отправлением в соседний город, где я могла переместиться по порталу к университету. – Ни голосом, ни поведением, ни одеждой – ничем. И главное – ты не должна использовать звездную магию. Если хоть на секунду зажжешь ее в своей груди, все полетит в ближайший тартар.

Я смотрела на ее абсолютно спокойное выражение лица и методичные движения – она одновременно собирала мне рюкзак, – но в моей груди трепетала тревога, и она только усиливалась от того, что Риден рядом тоже волновался. Однако он сказал, что все будет хорошо:

– Ты сможешь сделать так, – лишь заглянул в глаза напоследок, – чтобы ни одна живая душа не догадалась, что ты звезда?

И ободряюще улыбнулся. Как же мне хотелось ответить ему тем же… Но я понимала, что это будет трудно сделать. И не только потому, что темный маг всегда будет под боком – не знаю, почему я так и не призналась ребятам, что *именно* меня в университете страшит, как будто убедила себя, что другое решение найти будет невозможно.

Главная причина была в том, что мои инстинкты духа – они никуда не делись. Я не использовала магию неба, данную мне с рождения, уже больше года на земле – но в Уме, кишащем всевозможными формами колдовства, будет очень сложно притворяться ничего не умеющей.

Надо просто думать, что я ничего не умею, и надеяться, что никто не догадается проверить мою голову… Но ведь это так – ни одно из виденных мною проявлений земной магии не было похоже на мою, не имело ничего общего. А значит, без свой силы – я обычная. Точнее, я самое беззащитное существо, которое только можно будет найти в университете. Вряд ли будет кто-нибудь беспомощнее меня.

Если это будет стоить мне жизни, смогу ли я себя защитить? Что без магии, что с магией – один конец. Я судорожно вдохнула: вот так и перестают быть звездами? Вот что такое на самом деле – потерять право называться жителем неба? Не смерть, не изгнание, а невозможность быть собой.

– Я уже давно не звезда.

Сказала я это – и только тогда поняла, от какой правды столько времени отворачивалась. Больше никакой магии, никаких духов.

Если я хочу выжить, протянуть еще два года до своего полного исчезновения, то мне придется собрать всю волю в кулак и ничем себя не выдать.

Сложно ли это: если я – уже не я?..

***

Первыми появились лица. Огромные каменные изваяния, будто высеченные неведомым великаном в этих горах, сами они напоминали нечто величественное и пугающее. Огромные губы, огромные носы и большие глаза с толстыми веками. Лица либо следили за тобой мертвым взглядом, либо будто спали. Изо рта одного из них лил водопад – орошая верхушки деревьев, он ниспадал в пропасть.

Вскоре я увидела и сам университет – частые пики вытянутых гор, вершины которых, обрамленные отвесными скалами, были остры, точно шпили, к которым приложили руку уже не природа или мифическое существо, а вполне себе человек.

– Башни, – шепнул где-то недалеко зачарованный голос путника. Это и правда напоминало десятки башен одно большого комплекса, которому – благодаря огромным лицам, по величине соперничающим с отдельными «зданиями» гор, и округлым крышам, теряющимся в облачном тумане, – больше пристало носить таинственное звание бесконечного затерянного храма. Если бы кто-нибудь еще знал, кому в этом храме поклоняются.

– Аллилуйя! Неужели мы добрались? Неужели все закончилось? – запричитал худой молодой человек в зеленом капюшоне. Я частично послушалась интуиции, принимая его за эльфа.

– Эта очинь удачна, – проговорил с жутким акцентом гном, плетущийся позади.

Я призадумалась. В принципе, его слова мне были понятны, и многие ему закивали. Но вот его акцент… И тут мне пришло в голову, что, вероятно, карпский – не самый лучший выход из того разнообразия, что мне предстоит встретить в университете.

Определенно, гному пришлось попотеть, чтобы выглядеть здесь своим – учитывая, что мало кто подпадал под понятие человека в нашей компании, а карпский, как единый и универсальный язык островного государства Сукар в Южном океане, был во многом отличен по строению и звукам от ряда языков остальной земли.

Я подумала, что, возможно, у меня тоже будет иметься акцент, потому что орьский, на котором я говорила в силу принадлежности к этому народу Ковена, все же имел достаточно отличий от изначального языка Сукара, на котором мне пришлось учиться говорить по книжкам и на базарах зелоорских городов.

– Да-да, это просто замечательно! – всплеснула руками девушка в дорогом дорожном плаще. – Слушайте, а давайте познакомимся! Меня Лия зовут! Я из Озерска!

– Людской город Кантламана? Я из Шпинеля, – сказал парень слева.

– Я – Ирлангён, – сказал другой, особо выделив последнюю гласную. Я подняла на секунду брови: парень настолько

не говорил на карпском, что случайно назвал себя государством.

– Какой Ирланген? – тут же спросили светлого новичка. – Такой страны много.

– Гродден, – ответствовал парень, язык которого будто состоял только из одних рокочущих звуков.

Я услышала еще много других названий, которых не видела даже на картах – то ли моя невнимательность, то ли я в какой-то момент устала изучать населенные пункты, потеряв в них необходимость (и сейчас получала подтверждение, что зря спешила с выводами). Очередь дошла до меня. Казалось, глаза незнакомцев испепелят любопытством.

– Крома, – негромко сказала я свое новое имя и, подумав, неопределенно добавила: – Зелоорское королевство.

На мое счастье, больше на мне внимание не приковывалось – мы добрались до места. Долина наконец-то уткнулась в гору.

Здание, к которому мы подошли, ближе всего находилось к уровню моря (если тут можно было использовать эту меру), то есть было ниже всех остальных и находилось на «земле». Вели к нему каменные подступы – ступеньки большой площади, иногда отколотые в самых неожиданных местах.

Справа от нас достаточно быстро текла неширокая речка, пролагающая путь через частые спуски и пороги с камнями. Спотыкаясь с непривычки, мы поднялись по ступенькам, разбрасывая лестничные крошки, и остановились перед

опутанной лианами стеной.

Двери не было. Но кто-то вышел вперед, постучал по камню, прислушиваясь: и вот стена завибрировала, поверхность подернулась волнами, в то время как лианы поползли в разные стороны. Мы прошли сквозь. Ощущения как при обычном прохождении портала: немного мутит под ложечкой и щекотно в кончиках пальцев. Если в Уме вообще нет дверей… то мне придется терпеть.

Тепло вестибюля резко контрастировало с уличной прохладой, а после утомительных нескольких часов казалось сущим раем. Кто-то, не раздумывая о приличиях, грохнулся на колени и забылся в удобной позе на полу.

До заката солнца было еще пару часов, поэтому пока что в помещение сквозь высокие стрельчатые окна проникал ровный дневной свет. Цвет камня был холодным, но светлее, чем снаружи. В точных параметрах высоты потолка я боялась ошибиться. Вперед уходил длинный коридор, слева – закругляющиеся лестницы вверх. Если я разглядела правильно, то под ними и рядом с ними были выступы из стены, похожие на двери.

Здесь везде колдовство – отчетливо поняла я, медленно обводя глазами вестибюль. Не верилось, что это творили обычные люди – и дело было не только в том, что университет располагался внутри горы.

Если бы такое место существовало на небе, в нем бы точно не учились, а… проводились бы экскурсии, жили бы видные

духи. Может, у Короля есть что-то подобное во дворце. Наша школа была простой, строгой, но изящной. А не вычурной, будто застывшей в веках, несмотря на современные материалы и вполне себе современно одетых первокурсников.

К нам спешил худой человек в сером одеянии, отдаленно напоминающем эльфийский покрой. Но сейчас, по словам Влады, много кто копирует эльфов, и не одни люди.

– Все добрались? Так, идем-идем! Вы хотите, чтобы вас задавили?

Мы последовали за этим человеком, оглядываясь: но по коридору носилось слишком мало счастливых студентов, чтобы создать даже подобие толпы.

Стены излучали тепло, но меня в скором времени все равно начала пробирать дрожь от их каменного цвета. Мы шли по коридорам, по бокам которых крепились на неровных выступах канделябры. Некоторые помещения не имели окон, поэтому там горели свечи. Пара переходов – и уже два прозрачных портала в местах, где должна была быть пустая арка. Один новичок успел потеряться – провалиться в стену, которая тоже являлась переходом. Потолки часто терялись в вышине, и я внутренне съеживалась еще больше. Это место не угнетало, но давило.

– Мы пришли! Заходите, заходите.

Похоже на мой школьный класс – только стены каменные. Оставляя мало места для разворота, двенадцать парт занимали почти все небольшое пространство. Тумбочки в ряд

около грифельной доски и стол учителя. Мы расселись, кто-то уже сел парами. Я осмотрелась: нас было всего десять.

– Новенькие, – звучным голосом отдалась в ушах фраза вошедшей с другого конца помещения полной женщины в жутком блондинистом парике и с невообразимо ярким макияжем. Она глянула на нас из-под массивных очков огромными темными глазами, под которыми бухли мешки.

Когда она пролезала на свое место за столом, я всерьез ожидала услышать треск лопающегося дерева, но стулья, очевидно, заказывали у лучших людских мастеров.

– Что у нас тут… зелоорцы, Ирлангён, кантийцы… ничего необычного, ну, оно и лучше, – женщина захлопнула папку и уставилась на нас. – Меня зовут дэа Лингинден. Я заведующая травяным отделением и по совместительству заместитель директора по работе со студентами. Я не отниму у вас много времени. Главное, что вы должны запомнить – я не несу за вас личную ответственность. – Она смерила нас с головы до пяток. – Любое происшествие, любая проказа, выкинутая вами в стенах университета, лежит полностью на ваших плечах, но является приятным и существенным поводом, чтобы вас отсюда вышвырнуть. Нам не нужны бездельники – точнее, они у нас не задерживаются.

Гном в середине класса насупился и съехал вниз, так что его нос скрылся под партой.

– У нас строго с дисциплиной. У нас сильные студенты. И у нас еще сильнее преподаватели. Не думайте, что если

в ареале ста метров от вас не чувствуется мага сильнее, то вы здесь бог – наоборот, вы самый жуткий тупица. Здесь все скрывают свою силу, иначе храм разорвет на кусочки, а если вы этого не умеете, то вам здесь делать нечего. Мы учим контролировать силу и развивать ее, но мы также вправе ее ограничить и лишить. Здесь не играют в шутки – здесь учат жизни, а жизнь, ребятки, гораздо более жестка, чем вы можете себе представить.

Я слушала вполуха, пытаясь сосредоточиться на чем-то менее грозном и отдышаться, потому что паника, по воле этой женщины, опутывала меня холодом. Пока что удалось поймать из ее слов одно безобидное несоответствие – почему главу университета называют директором, как в школе?

– Что касается технической стороны. В Уме шесть корпусов. Количество отделений: от одного на корпус – как на ментальном отделении – до десятка – как на магическом. Вы можете работать на любом. Не возбраняется учить дисциплины сразу на нескольких отделениях в разных корпусах, даже поощряется. Вы можете переходить с одного отделения на другое, если это позволяют ваши способности и наклонности, но в конце каждого триместра вы сдаете экзамен на том отделении, к которому прикреплены в данный момент. Мы не жалуем двоечников – у нас нет такого понятия…

Новички все больше сливались с общим интерьером, а некоторые глядели на преподавательницу с такой смесью ненависти и презрения, что не оставалось сомнений, кто вы-

летит отсюда первым. Я старалась сделать так, чтобы мои пальцы не стучали о поверхность стола, при этом я не смела прикрыть их другой рукой, иначе движение заметят.

Ежетриместровый экзамен. Что же мне делать? Без какой-либо магии я буду выкинута отсюда, и к Юпитеру возможный позор – все старания Ридена и Влады пойдут под хвост звездному черту. Знали ли об этом ребята, когда устраивали меня сюда? И смогу ли я продержаться дольше, чем один триместр? Вопрос даже не в этом – сколько я смогу продержаться здесь *в принципе*?

Женщина с фамилией на древнеэльфийском диалекте закончила наставления вздергиванием папки. Не на всех это произвело впечатление. Она остановила взгляд на самых смелых и заглянула в журнал.

– Хлоронд Вурпи, – глаза вампира угрожающе расширились и вернулись в суженое положение. – Сын Вурпи Граненого, владельца шести шерстяных компаний, специализирующихся на производстве обработанной овечьей шерсти. Что привело вас в Универсальный Магический Университет, когда к вашим услугам были лучшие перипенейские академии, в том числе Высшая Школа Вампиров?

Надменный подросток, которому на вид дашь не больше пятнадцати лет, что-то говорил. Остальные смотрели попеременно на него и на даму с прической, перебирая губами варианты своих ответов. У меня же пересохло нёбо. Надеюсь, что очередь из девяти человек утомит преподаватель-

ницу прежде, чем придется раскрыть рот мне.

– Вам, Арпику, я посоветовала бы обратиться на металлическое отделение или любое оружейное, – Лингинден, закончившая с гномом, сверилась со списком. – Крома Гранд. – Мой мороз. И ее молчание. – Катрен Ибику и Вальсен Менеден. – Женщина подняла глаза. – Вас я прошу пройти со мной в мой кабинет. Остальные свободны!

Загрохотали стулья, глаза студентов застывали на нас троих, оставшихся сидеть, впивались клещами в самые макушки. Я чувствовала, как это уже началось – дистанция. Когда дверь закрылась за последним, дэа Лингинден грузно поднялась со стула, прошаркала в конец класса, откуда появилась в начале беседы, и позвала нас взмахом руки.

И здесь порталы были нескончаемы. Я уже не запоминала коридоры. На нас не обращали внимания, разве что расступались перед преподавательницей и почтительно здоровались, но я видела, как потом возобновлялась беготня, а некоторые даже не скрывали насмешек над тучностью заместителя.

Ее кабинет оказался на удивление маленьким, там с трудом поместилось бы пять человек. По всем стенам и на полу, занимая максимально возможное пространство, стояли этажерки и крепились полки, а на них бумаги, папки и еще чуточку книг. Дэа Лингинден развернулась к нам лицом (чего здесь больше, самой женщины или всей имеющейся мебели?) и впилась в нас глазами.

Ее темные очи не жалили. Но из-за этого я не знала, чего мне ожидать.

– Вы единственные из нового набора, которые поступили сюда не совсем честно. Нет, я вас не осуждаю. Мне все равно, кто как попал сюда, потому что вы все вылетите отсюда раньше, чем эта мысль успеет поселиться у вас в голове. Но раз уж на меня возложена ответственность за выполнение некоторых формальностей.

Она взяла со стола толстую папку и потрясла ею перед носом одного из парней.

– Это документы, Катрен Ибику, которые мне передали при зачислении вас в наш университет. Что ж, все достаточно цивилизованно… – Она не договорила, это чувствовалось в ее долгом взгляде на побледневшего молодого человека. – Я бы посоветовала вам выбрать что-нибудь спокойное. Например, отделение фауны. Там у вас меньше вероятностей наткнуться на яд.

– Вальсен Менеден, – обратилась она к другому. – Ваша страна – чрезвычайно важный партнер для нас. Она поставляет нам лучшие фруктовые соки и свежие мандарины. Однако это не такая весомая причина, чтобы вы здесь задерживались надолго. А чтобы вас не убило раньше, чем вы снова окажетесь в родных краях, – повторяю, я не несу за вас ответственность, и никто не несет, кроме вас самих, – так вот, последуйте примеру вашего друга по несчастью и идите на фауну. Только не ошибитесь дверью и не попадите на экспе-

риментальное. Ну, а теперь последняя наша счастливица – Крома Гранд.

Ее глаза остановились на уровне моего носа. Она некоторое время разглядывала свое отражение в моих очках. Другие студенты делали вид, что их невероятно расстроил пол под ногами.

– Я не знаю, как вам это удалось, дольче Гранд. Это невероятно… весомое заявление. То, которое мы получили от ваших покровителей. Но останутся ли они таковыми, коли вы расстроите наши ожидания? Хотя… признаться, мы ничего от вас не ожидаем. Ни от кого из вас, – она снова обращалась ко всем вместе. – Вы сами обнадежили себя, вам не будет помощи и поддержки. Здесь не любят таких, как вы. И здесь не любят слабых, – подумав, решила «сгладить» она углы. – Будьте готовы к «школе». Многие преподаватели поощряют ее наличие. В том числе и я. Потому что мороки не бывает мало. Добро пожаловать.

Я смотрела на корявую улыбку этой женщины – у нее не хватало двух крайних верхних зубов. Парни попятились к выходу, стремясь быстрее убраться из этого кошмара. Дэа Лингинден провожала нас темными, нежалящими глазами.

Нежалящими…

Такое несоответствие – ее жестких слов и выражения, с которым она их произносила, и того, как смотрела на меня. Нет, на всех нас, десятерых первокурсников. Была бы я человеком, может, поняла бы, что кроется за этой разницей…

Ох, и желания в голову теперь лезут сумасшедшие…

Когда я проходила по коридору, стараясь не натыкаться на многосторонний поток прибывающих студентов, то поймала на себе немигающий взгляд уже знакомого мне гнома – Арпику. Он успел гадко улыбнуться, прежде чем я отвернулась. В животе начинало урчать, но я знала, что мне лучше не появляться в столовой до завтрашнего утра. В рюкзаке за плечами еще есть банка соленостей, я перекушу ими, пока буду раскладывать невеликие пожитки. Маленький рюкзачок – это все, что я имела с собой от Влады, запретившей Ридену кинуть в него даже прихваченный из соседнего города сувенир.

За окном закружились красные и желтые листья, подхваченные воздушным водоворотом.

Я не знаю, что делать.

***

В комнате слегка несло пылью, никто еще не успел расположиться до меня. Оно и понятно. Мало кто приезжает раньше тридцать первого числа, а те, кто здесь не первый год, и вовсе забивают на первые ноябрьские. Надеюсь, и мои соседи забьют на недельку-вторую. Так точно лучше. Пыль я заклинанием вечером вычищу, – придется только выспросить его у знакомых, если у них тоже ничего из головы за каникулы не вылетело, – а пока надо разложиться, акку-

ратно, чтобы никто вдруг не увидел. А то сплетни летучи, как майский пух.

За три недели практически ничего не изменилось. Разве что в коридорных канделябрах синие свечи поменяли на оранжевые, под стать осени. Наконец-то, а то от этой подземельной мрачности под глазами вырастали синяки. Милый старый Ум!.. Если бы не арена, цены бы тебе не было. А так даже не знаешь, в какой части света находишься и на свете ли.

Столовая наполовину пустовала, зато шума было, как будто весь универ собрался. Не успел я пройти пары шагов, как в меня с подносом врезался дварф.

– Осторожнее, урук! – ругнулся он.

Ничего, новичка еще научат уму-разуму.

– Эй, Рабас, сюда!

Труша неистово махала рукой из середины зала. Хорошо – если бы она этого не сделала, я бы ее точно не услышал. Протолкавшись с овощным набором еды сквозь орущий и толкающийся поток, я сел на свободное место.

Все мои собрались здесь, был даже Сенковска.

– Вы слышали? «Фениксы» набирают себе людей в команду.

– Нда? И кого они на этот раз хотят? Сладкого мальчика?

Заржали. Хоть музыканты группы и не походили на субтильных молодых людей ни одной частью тела, – кроме раз-

ве что Джесса – за ними закрепилась репутация девчачьих подкаблучников. Песни у них были преимущественно для женских ушей. И девчонки балдели. Вот и ближняя, Труша, возмутилась:

– Ничего вы не понимаете! Ребята такие прекрасные песни поют! – девушка качнулась и чуть не упала. – А вам бы все смеяться. Взяли бы пример с них!

– Что, нам тоже надо переодеться в обтягивающее? – хохотнул Люк, хотя все прекрасно знали, что «Фениксы» так ни разу не делали. Нормальные они парни. Если бы только аудитория разнополая у них была.

Труша, чему не удивляюсь, тоже хихикнула и вдруг вскочила и свалила подобру.

– Она опять не смогла найти себе компанию? – бормотнул Сенковска.

Люк на это опять повеселел, но сумел подавиться глотком так, чтобы уши не услышали.

– Ладно, что у нас на повестке?

– Дерьмовый суп.

– Не надо было брать.

– Да откуда знаешь, какие какашки сегодня будут в нем плавать?

– Да забудьте вы о еде!

– Еда – святое! Не трожь!

– Рабас, – обратились из этой какофонии ко мне, – будешь ставить на Лейва? Ты же с ним бился, он вроде силен.

– Да покажите мне хоть одного, кто это умеет!

– Говорят, в этом триместре яды преподает одна южненькая.

– А котелки у нее большие?

– Скажешь громче, тебе котелком от нее прилетит.

– А вот если бы «Фениксы» действительно оделись в латекс.

– Слухай, ну не эти же они…

– Извращенец.

– Кто-нибудь передаст мне капусту?

Я улыбнулся: как хорошо сюда вернуться, даже если этот дом второй по счету!

Помню, как впервые вступая в эти камни три триместра назад, я жутко волновался. Мне казалось, что я сдал сюда экзамены по ошибке, что перепутали мои результаты с кем-то другим. Конечно, тогда это было просто шоком эдаким – если у тебя голова на плечах и магия в теле хлещет, то попасть сюда с полпинка. Другое дело, чтобы удержаться, новеньким предстоит попотеть. Школа выживания и все такое…

Вот и сейчас, видя пару новых лиц в коридоре возле столовой, пугливо трогающих глазами все что ни попадя, я вспомнил, как в первый же день умудрился разбить вазу и наступить на ногу преподавателю. С тех пор меня всегда мрачным взглядом провожает призрак, в этой вазе живший, а с Френсисом… не, с ним у меня хорошие отношения, хороший мужик.

Мне приглянулся толстенький дварф с коричневой бородкой: парень жался к стенам, как к единственному спасению, и бормотал извинения перед всяким, но в его руках чувствовалась пульсация голубой магии. Знакомо мне. А для дварфа – очень необычно. Я подошел к нему.

– Как звать?

Гном прижался к стене, но на этот раз перепутал ее со студентом, и тот, шипя, оттолкнул его. Валиец.

– Арпику, – у парня оказался низкий голос, будто из глубин клокочущий.

– Вот что, Арпику. Ты поступил сюда своими силами и главное теперь – удержаться. Но знай одно – ты этого достоин. Иначе бы не оказался здесь.

– Сп..пасибо, – промямлил он, его губы дернулись в улыбку. Ну, хоть теперь это меньше похоже на извинения.

– Можешь на меня рассчитывать, – улыбнулся на прощание я и уже собирался уйти за инструментом в свою башню, куда и держал до этого путь, как парень будто захотел что-то сказать.

– А так всегда бывать? Нуу… не по блат? – я поднял брови. – А то тут говорят… что не все поступать самому.

Сообразив, что его беспокоит, я снова не сдержал улыбки.

– Не боись. Тех, кто попал сюда, вот как ты говоришь, – «случайно» – выкинут еще в этом месяце. У нас никто здесь не держится на деньгах – это просто невозможно.

– Спасибо, – снова забормотал, но уже увереннее, дварф,

и уткнулся глазами в кого-то за моей спиной. На его губах появилась удовлетворенная ухмылка. Уже так быстро выяснили, кто блатник? Я обернулся, но толпа уже шумела, как улей, не нашел я «счастливца». Перед тем, как уходить, чуть было не пожелал пареньку «растить бороду»…

Я бы зарулил на общую вечеринку, но сейчас мне было не до нее. Хотя соглашусь – гномьего эля мне отведать хотелось. В наши земли хороший северный эль нечасто завозят – дорого. И не востребован он в силу погоды – не то послевкусие.

Я уже забыл эти стены… Ну надо же, и я еще могу в них заблудиться! Вот первогодкам хуже – им некого спросить. А мы почти всех призраков знаем и язык статуй уже понимаем. Правда, еще никто из статуй не смог подсказать, где спрятан философский камень. Ну, не считать же, в самом деле, что им пользуются только экспериментаторы. С их манией творить нужно, конечно, побольше жизней, чем у кошек…

Наконец я минул последний нужный поворот и услышал ее – музыку. Она лилась из кабинета-тайника, реформированного, судя по звуку, в небольшой актовый зал. Я тихонько приоткрыл дверь – это тайная комната всегда оставляла большущие щели при преображении – и вошел внутрь.

Они были все в сборе. Дайрек, главный «Фениксов», тренировал пальцы, быстро елозя по струнам. Большой оранжевоволосый Сифо пробовал клавиши на синтезаторе, и нето-

ропливо делал пометки на листах с нотами.

Дайрек вдруг перешел на медленную и плавную мелодию и, не переставая наигрывать, оглянулся на меня. Я сжал пальцами гриф привезенной в этом триместре гитары, которую еще несколько дней можно было без опаски оставлять в комнате непокрытой, пока соседей нет. Тонкий Джесс, флегматично уткнувший ногу в хай-хэт, лениво перевел взгляд в мою сторону. Сифо «промолчал», но от него я и не ожидал иного.

– Эээ, здорòво! – я махнул рукой.

– Здорòво? – поднял брови Дайрек и пробежался по своей знаменитой мелодии. – Я ожидал, что ударение будет на другой слог, – и солист широко улыбнулся.

Джесс, как рыба, не отводил от меня взгляда… Что ж я так волнуюсь?

– Что привело? Дружищ-ще! – Дайрек наслаждался красотой звука, выходящего из-под его пальцев. Я тоже заслушался.

– Я это… я ваш новый музыкант.

Мелодия неловко прервалась. Солист опешил чуть ли не в той же мере, в какой и Джесс, но тот хотя бы сумел это скрыть. Блин.

– Не совсем понял, – признался Дайрек.

– Кто это? – вдруг поднял голову Сифо. Вот теперь, черт, я нервничаю по-настоящему. Надо было отрепетированно заявлять.

– Вам меня не хватает. Правда.

– Погодь, погодь, парень, – засмеялся Дайрек и мотнул черной головой. – Мы девок берем! Ой, простите, – испугался он разом. – Девушек берем.

– Тут их нет, – вставил Джесс.

– Да? Короче, у нас ж аудитория, ну сам понимаешь, – снова солист смотрел на меня. – Расширять нужно. Девичий голос – самое оно, – улыбнулся. – А то болтаете все, что мы только сладкий пол любим.

– Вам определенно меня не хватает, – настаивал я, хотя уверенность в своих силах была уже на нуле. Но я не мог отступить. Я слишком долго готовился.

– Докажи, – бросил вдруг Джесс. Уф-ф.

– Эй-эй, ну мы ж так не договаривались. Ты правда умеешь петь фальцетом?

– Дайр, он не в этом плане.

– Нет, стоп, я и пою, – поспешил сказать я.

– Фальцетом?

– Да не фальцетом!

– А что еще? Нам музыкант не нужен, парень.

– Давай просто его послушаем, Дайр, – успокоил барабанщик и снял ногу с установки. Дайрек подвигал губами и отложил гитару в сторону, сел. Невозмутимый Сифо опять взялся чиркать на полях.

Так… расслабиться.

– Спасибо, – поблагодарил я всех и перекинул через плечо

ремень гитары. Подарил ее отец. За две недели до учебы. Я уже любовно знал каждый ее звук, тренировался без устали. Я давно этого ждал, у меня должно получиться. Я не отстану, я смогу. А сейчас надо настроиться…

Я заиграл.

Я не следил за реакцией парней – я был поглощен музыкой. Каждый звук, выходящий из инструмента, был моим звуком, был мной. Это не самое лучшее мое сочинение, но я постарался вложить в него всего себя, иначе у меня не было шансов оправдаться перед парнями. Это не самое лучшее, но хотя бы так – *я могу быть собой*, находить внутри себя силу и пускать по венам. Пусть и невидимую пока… И немного помогать себе голосом.

Когда я закончил, все смотрели на меня – даже Сифо! Я не ожидал. Дайрек похлопал в ладоши, размашисто, как гуру талантливому ученику, и подошел ко мне.

– Братец, молодца! Долго тренировался? Да не дрейфь! – хлопнул по плечу. – Убедил, ладно! Берем! Именно тебя нам не хватало – ну, привираю, не именно, нам не хватало юбки, до сих пор, – засмеялся он. – Но если ты пишешь такие песни, то и юбка нам не понадобится – пробьемся без этого! Правда, ребята?

– Да, – Джесс хлопал в ладони сильнее и медленнее. Сифо чуть улыбнулся. Вау, не ожидал!

– Даже Сифо, глянь! – Дайрек захохотал, показывая на клавишника. – Ты бы мог себе такое представить?

– Нет. И во сне нет.

– Аха-ха, парень, ты мне нравишься. Как тебя?

– Рабас.

– Рабас! Вот что, Рабас: мы тебя берем! Только знаешь, ты поработай чуток, есть все же моменты…

– Какие? – уточнил я. Это они вены заметили? Не должны же были быть видны.

– Ты ж никогда не влюблялся?

Я непонимающе уставился на веселого солиста. Остальные ни слова не говорили против, даже будто именно о том же и думали.

– В смысле? А какое это имеет значение?

– О-о, большое имеет, – Дайрек похлопал меня по груди и на некоторое время задержал руку там. – Бьется мышцà, правда, но в то же время и не бьется. *Не бьет*! – выделил он. – Я не почувствовал, что тебе не все равно, как в этой песне. Хорошая, кстати, песня. Но одних слов мало.

– Я подучусь, – подумал я, но парень покачал головой.

– Тут не научиться, парень. Рабас! Рабас, тут так не делается. Верно говорю, Джесс?

– У Сифо спроси.

– Аха-ха, Сифо, верно, а, а? – Оранжевоволосый вздохнул, чем еще больше развеселил Дайрека. – Аха-ха, ты так смущаешься!

– Хорошая игра, Рабас, – кивнул Джесс, а солист уже полностью переключился на клавишника, отпустив меня.

– Спасибо, – молвил я и уставился на свой инструмент. Не бьет? Звучит обидно. Я не для этого приходил в музыкальную группу, чтобы выяснить, что мне чего-то там не хватает. *Я знаю*, чего мне не хватает. И это мучило меня гораздо серьезней.

Глава 17. Храм

Я не могла разобраться в коридорах. Они были бесконечны более, чем вся местность, окружавшая Ум. Хотя это не было похоже на лабиринт: ни по ощущениям, ни по структуре. Похоже-то не было, но у меня усиливалось чувство, что я никогда не смогу найти в этом месте своего угла – сам университет не позволит мне узнать его тайны.

Блуждания неумолимо превращались в рутину, и я смирилась с тем, что никогда не буду приходить вовремя на занятия – это наверняка грозило отчислением, но я надеялась, что пока на это не будут обращать внимание. Кому какое дело до глупой незаметной первокурсницы?..

За дверью, перед которой я остановилась, тянуло сыростью. Сразу после по логике должна была начинаться лестница, ведущая вниз в подземелья. Как тут не вспомнить Владу – она много раз повторяла, что минимум ингредиентов выдерживают низкие температуры и высокую влажность. То есть тут не только за готовыми настойками не следят, но и студентов изощренно мучают.

Хорошо, что мне холод не страшен. Есть еще во мне что-то от звезд…

Я не выбрала, за каким отделением закрепиться. Хотя надо было. Но здесь я все равно ничему научиться не смогу, и единственная моя цель – продержаться в покое и невидимо-

сти до того, как Риден и Влада вытащат меня обратно. Как же я надеюсь, что они смогут мне какие-то весточки присылать, не заперта же я здесь, как в тюрьме, в самом деле?..

Можно попробовать записаться на травы, зря я училась у ведьмы год? Вот только воспоминания об учебе были иногда не самыми радужными – Влада тот еще инквизитор, особенно, когда дело доходило до схожих растений одного вида, перепутаешь которые – и вместо мягкой и обновленной кожи покупательница получает набор язв. И дэа Лингинден четко дала понять, какой вариант здесь удержаться самый легкий… Что в свою очередь говорило об отношении других, «успешных», студентов.

Задумавшись, я чуть не сломала себе шею. Но ступеньки скоро закончились.

За дверью – я вроде не ошиблась местонахождением аудитории – негромко стучали посудой. Похоже, я сильно опоздала. Я вдохнула – сейчас мне суждено было встретиться с соперницей Владимиры по красоте и искусству, по крайней мере, о первом в коридорах только и говорили возбужденными мужскими голосами. Люди слишком озабочены…

Я отворила дверь, притворяясь, что ровно ничего не произошло.

И невольно отпрянула. В паре шагов от меня стоял высокий, головы на две, качок. Его мускулы выпирали из футболки! Я бы открыла рот от удивления, если бы он мне подчинился – мужчина в упор смотрел на меня.

Видимо, я все же ошиблась аудиторией.

Я вознамерилась исчезнуть с глаз долой, но мужчина под негромкий, но достаточно дружный, гогот пихнул меня в середину помещения – я чуть не налетела животом на угол незанятого стола – и плотно закрыл дверь.

– Впредь опаздывающие будут готовиться в специальной камере! У нас их много на нижних этажах. И не только холодных!

Готовиться… Готовиться – это как прилежные школьники перед выпускным экзаменом или бедная курочка, которую вот-вот освежуют? Воспоминания подкинули мне страх перед этими птицами. И он еще больше подкреплялся похожестью преподавателя на того мясника, что я встретила в Зерныхе. Да я не одного такого встречала, если так посчитать.

Под смех я опустилась на стул, и обзор тут же загородил пузатый котел. Я видела только голову мужчины и его могучие плечи. Преподаватель постучал по доске указкой, призывая к тишине, и повторил перечень ингредиентов. Меня противно затошнило: это как раз те растения, в которых я мало разбираюсь.

– Разговоры оставьте для лучших времен, которые находятся за стенами этой аудитории. Я к тебе обращаюсь, розововолосый. Быстро за дверь! Чтобы на следующее занятие принес мне реферат о полезности использования концентрированного свекольного красителя.

– Это мой натуральный цвет! – пискнул парень перед тем, как захлопнуть дверь. Натуральный… видали мы такие натуральные на небе.

– А ты что уставилась? В таком возрасте косѝм? Доска в той стороне.

Я заморгала, пытаясь сообразить, стоит ли мне что-то отвечать. Из-за этого на некоторое время уткнулась взглядом в рельефный торс, скрытый за тканью белого цвета. Ну точно мясник.

– Твое любопытство к моей мышечной массе настораживает. Люди, да вы совсем ненормальные…

Я услышала сдавленные смешки.

– Это на-аш преподаватель! – парни слева переглянулись, и один из них показал мне язык.

Я помотала головой. Ничего не понимаю. Но хотя бы могу зацепиться за слово «люди» и убедить себя, что речь не обо мне.

Жаль, что преподаватель трав оказался таким. Я слышала, что из волос той колдуньи можно было делать зелья… Если бы это было правдой, я бы посмотрела на ее волосы, они должны были быть красивыми, и интересно, какого именно цвета.

Здесь любили выделяться экстравагантными нарядами, прическами и стрижками. Не толпа, а какие-то уникумы. Перебарщивали тут с цветом. Его было невообразимо много.

И розовость волос изгнанного из аудитории парня – лишь крошечная капля в море. Но у меня не создавалось впечатления, что здесь ценили цвет, как ценим его мы. Конечно, всегда можно купить пакет краски и испортить себе голову. Не понимаю…

За окном кружились листья. Мелкие, но такие ослепительно яркие в лучах полуденного солнца. Высокие своды позволяли глядеть в самую сердцевину дневного светила, не выходя из здания. Поэтому здесь только один вход? Небо всегда над тобой…

Мимо меня прошли двое недавних студентов – я чуть запоздало заметила смех, – и тот парень, что показывал мне язык на паре, даже не попытался скрыть сейчас улыбку, а количество его зубов навело на неприятное сравнение с акулой, которую, к моему счастью, я встречала только в виде звездной магии в прошлой жизни. Брр… Получится ли у меня быть здесь незаметной?

Ответ на незаданный вопрос нашелся сразу:

– Ах, осторожнее! – я столкнулась с высоким молодым человеком, потерла плечо, но тут увидела нашивку на его мантии – он был преподавателем. Хотела было извиниться, но язык прирос к нёбу. Парень быстро удалился, а я так и осталась стоять, замеревшая, в потоке, не собирающемся стихать…

Столовая бурлила, словно кипящий котел. Неумелый повар по-прежнему не разбирал, какие ингредиенты кидает в

него. Я поежилась. Несколько дней назад здесь было то же, шумно и неугомонно. Будто некогда людям остановиться. Я положила на поднос еду, выглядящую аппетитнее остальной (кстати, обслуживающий персонал еще ни разу не попадался мне на глаза).

– Эй, это не твое место, – девушка холодно смотрела на меня. Она определенно была меня младше. – Весь стол занят.

Сюда направлялись еще несколько девиц, и это было впервые, когда я видела кого-то столь одинакового. Ну, хоть от них в глазах не рябит.

– Что, Рита? – обратилась к ней подруга с кудрявыми каштановыми волосами, а потом ее взгляд остановился на моей голове, и брови моментально нахмурились. – Какое убожество.

Другие тоже посмотрели, охнули и зашушукались. Я молча прошла мимо них с подносом. Села неподалеку.

– Безвкусица, – напоследок различила я слова, и мне захотелось обернуться и показать, в каком месте вкусом они обладают. Но вместо этого я провела по волосам рукой, успокаивая себя: Влада знала, что делать с моей внешностью, и я должна искренне поблагодарить ее, когда мы встретимся.

Я снова задела кого-то плечом, когда уходила. Золотоволосая красавица, расстроенная чем-то, втянула воздух сквозь зубы – а потом черты ее лица заострились, когда она остановила взгляд на моих волосах.

– Ты любительница под ногами путаться, да? – прошипела она, как змея.

Я тряхнула головой. Тут все зацикленные какие-то. На внешности, на одежде, на волосах…

В перерыве между уроками я притормозила около огромного вытянутого ввысь окна, наблюдая за листоворотом. Мне почему-то вспомнился выпускной. За окном школы, наверное, так же кружилась снежная метель – далеко-далеко за воротами, будто во сне и не в этом мире. Не в этом – наверху. Я часто жаловалась маме, что мне не хватает ярких красок на звездах. Что подражание погоде земли остается у нас лишь подражанием. Когда же встретила «настоящее» здесь, то вдруг отчетливо почувствовала свое одиночество.

Мимо промчался карлик, коверкающий слова на только что изобретенном языке, а следом, с волосами дыбом, глазами по пять серебрушек, бежал студент. Я шарахнулась. Этот явно с экспериментального, их называют сумасшедшими. И не хотелось бы мне узнавать, что еще он получил в ходе эксперимента.

Придется, видимо, закрепляться за травами.

***

В одной из башен на седьмом этаже мне выделили комнату. Жила я, по идее, с двумя девушками. Вот только одну не видела в глаза, а у другой наблюдала только спину, когда она

покидала по утрам помещение. Пока что я благодарила – кого-нибудь, лишь бы не небо, надо отвыкать, – что засыпала одна и меня не беспокоили. Но это должно было закончиться в один прекрасный день.

Он решил побыть прекрасным сегодня. Я прикрыла за собой дверь, вздохнула, все еще памятуя на внимание к моему незаметному теперь цвету волос (как мне казалось ранее), и встретилась глазами с высокой плотной девушкой.

Соседка несколько секунд смотрела на меня, не мигая, потом сощурилась и всем своим видом показала, что я ее больше не интересую. Она прибирала вещи, расставляла предметы на тумбочке, на полках… На ней были темно-фиолетовые одежды, атласный плащ того же цвета аккуратно висел на гвоздике на стене.

Значит, это та, чьей спиной я любовалась пару дней. Любопытно, она такая же, как Влада, или только косит под ведьму? Мысль, что она может походить на знахарку по характеру, немного меня согрела.

– Здравствуй, эм, – я замялась, сообразив, что говорю на орьском, и уже повторила на общем карпском: – Здравствуй. Я теперь твоя соседка. Рада познакомиться.

Жгучеволосая брюнетка прошила меня взглядом.

– Мне это особой радости не приносит, – резко бросила она с красивым акцентом. Значит, она тоже из Зелоории. Вот только разговаривать со мной на орьском не желает. – Давай так. Имя мне твое неинтересно, но приличия ради… Я Ло-

риса Зелким. Твое давай – и на этом закончим.

– Крома Гранд, – я слегка кивнула. Девушка продолжила заниматься своими делами. Ну ладно. – И давно ты здесь?

Она недовольно засопела и сухо улыбнулась.

– Слава богу, ненадолго. В следующем триместре меня уже тут не будет.

– О-о, – произнесла я и замолчала. Ну, что тут еще ответишь?

– Я на всякий безопасный скажу, чтобы ты не подумала, что я сейчас занята, а потом меня можно будет доставать вопросами, – она уперла локти в бока, и из-за телосложения ее поза показалась мне более угрожающей, чем нужно. – Побудь сообразительной. У меня нет желания с тобой разговаривать. Нам обеим по барабану, как кого зовут, кто чем занимается. Ясно? Уж мне точно до тебя дела нет.

– А тебе пришлось приспосабливаться, да? – на мое едкое замечание Лориса сузила глаза и с удвоенной силой бросила несколько вещей на кровать. В первом я ей не уступила: это некрасивая Владимира стояла передо мной, я вдруг поняла, как повезло на деле знахарке, что ее взяла под крыло богиня-мать и одарила благостями внешности.

– Да, это же очень верно – приспосабливаться! – девушка сухо и мерзко растянула губы и направилась ко мне, точнее, к двери. – Завтра в час на арене первая битва в этом триместре. Тебе лучше быть. – Она застыла рядом, одной рукой взявшись за ручку. Та хрустнула бы – была бы деви-

ца настоящей Владимирой. – Посмотрим, да, как именно ты покажешь – эту приспосабливаемость!

Она резко захлопнула за собой дверь. Я медленно выдохнула. Хочу с ней поменьше пересекаться.

Про арену я слышала. Много обрывочных разговоров. Кажется, все студенты ею больны. Жужжали, что там чудесные битвы, реализация способностей. Еще я запомнила, что арена находится вне Ума, вне основного комплекса. А это по меньшей мере значило, что туда нужно добираться через портал – потому что ни из одного окна здания, на каких бы этажах я ни была, я не видела ничего, кроме странной формы одиноких гор, водопада и далекого леса. И лиц. А портал до арены значил лишнее недомогание…

Я подошла к своей кровати. По сравнению с местом соседки, мое пристанище выглядело голо – и чисто. Под кроватью покоился рюкзак, в котором я хранила ингредиенты для зелья на ближайшие пару месяцев. Надо было уже думать, как мне раздобыть следующую партию до того, как кончится эта. Влада рассказала в подробностях, как приготовить оборотное. Вроде бы нетрудно. Но я не знала пока, как сделать это, не привлекая внимания.

От моего лунного цикла прошло уже семь дней.

Листоворот у подножия горы кружил точно в таком же темпе, в каком вертелись в моей голове невеселые мысли. Это просто день был длинным. Я взглянула на папку с домашними заданиями, оторвавшись от зрелища за окном.

Я мечтала когда-то попасть в Академию. А теперь мне подумалось, что я сменила покровительство планет на богиню-мать – потому что если Владимиру доставали мужчины, то мне уже не давали покоя бесполезные уроки и все возможные виды человеческих глаз.

Глава 18. Воспоминания

Воздух сегодня свеж. Еще не морозит, но дышать легко, как новорожденному. Вверху стаи ласточек носятся, как угорелые, перепутали дождливые осадки и только раздражают молодых дракош. Но те щенятся, глаза блестят ака мраморные.

Небо чистое, только перистые по кромке горизонта. Отлично. То что надо для первого аренного состязания.

Уже начал собираться народ. На всех парах носился толстяк Фурфи, которого я запряг расставить флажки и ограничительные знаки. Не вижу Торгейра… Пора бы уже парню знать цену времени. Лопнувшая стена – это не шутки. Что тут еще у нас?..

– Эй, Шоко! Долго там?

Ко мне в рубку поднимался эльф из светлых, уши торчат вниз антенами. Я глянул на наручные часы.

– Пока все участники не подтянутся, ничего сказать не могу.

– Ладно. Но Пума будет. Она сегодня что-то готовит.

– Я записал.

– Давай, – он кивнул и через скамьи, перепрыгивая, пошел вбок.

Солнце палило в зените, когда наконец-то затянули купол, и внутри арены стало прохладнее.

– Как думаешь, что сегодня самое грандиозное? – усмехнулся в нетерпении Жинко, забравшись ко мне в кабину. Он цедил арену глазами.

Я сверился со списком.

– Судя по тому, что у меня есть… Ветроск с Лейвом.

– Да! – хлюпик захлопал в ладоши. – Я знал, что ты это скажешь! Да, с нетерпением жду! Вот это будет зрелище!

– Посмотрим, – я поменял направление четвертого фонаря. – Не забывай, что было два триместра назад – всех побила девушка.

– А-а, – отмахнулся Жинко. – То была Хриса. Она змея тихая, с такими не угадаешь.

– Есть еще Пума…

– А кто это? – заглянул ко мне парень через плечо, всмотрелся в имена.

– Не знаю.

Трибуны заполнялись медленнее, чем обычно. Где-то были заторы. Торгейр наконец-то загнал последнего любопытного дракошу в загон и закрыл ворота. Сегодня без вас, ребята. Ирлан, отряхнув от воротной копоти ладони, показал мне большой палец, и я нажал на красную кнопку:

– Рассаживаемся, дамы и господа. Скоро начнем!

Народ сразу засуетился. Через пять минут стало ясно, что стадион заполнен на пятьдесят процентов – что ж, для первого триместра неплохо. Я перепроверил оборудование и установил микрофон на автомат:

– Хэй-эй, маленький и великий, синий и белый, мальчики и девочки – добро пожаловать на первую в новом году аренную битву-у!!!

Взорвались хлопками. Как положено, на слове «синий» взбрыкнулись вспышки возмущения в пяти частях трибуны, но быстро смолкли.

– Сегодня у нас грандиозные заявки, поверьте, это того стоит. Похоже, все устали от трехнедельного отдыха – а вы устали? Я не слышу! Да, народ. Но разве я буду раскрывать вам карты сразу? Поэтому терпим и предвкушаем, а открывают сегодня день Урабур и Бандужи, огненный повелитель и маг смога. Посмотрим, во что это выльется.

Разминочка. Эх, слабовато! Но зрителей разогрело. Ласточки, напуганные боем, окончательно исчезли из поля зрения, повезло, что летали за куполом.

– Как видите, дым бессилен перед мощью огня. По крайней мере, на этот день. Ребята, молодцы! Вам не терпится узнать следующих? Народ, не лезем на площадку, пока рано. А теперь ирланы! Северяк против северяка! Дааааа! Ой, я забыл вас представить… А, неважно. Ого, он уже сломал ему кисть…

Славные битвы.

И чем дальше, тем лучше. Я был прав, что ставил на Лейва и Ветроска – такой резонанс никому из предыдущих противников не снился. Конечно, особенно старались синие. Но это мелочи.

– Ух ты! Какой поворот! Да, да, да! Ой, а я могу поболеть за кого-нибудь?

С трибун ожидаемо донеслось размазанное «не-е-э-эт». Ирлан и синий кантиец сцепились так, будто от этого зависело, кто будет руководить войском. «Вот оно» пришло, когда кантиец полоснул клинком и задел одежду, отчего та загорелась белым, и Лейву пришлось срочно скидывать верх.

– Руби его, Ветр! – зажглись цветные трибуны, но к Лейву уже мчались помощники.

– Через ваши трупы! – кричали они, маня эльфов вниз. Те не нуждались в уговорах.

Я дождался, когда по зрителям ударит первая волна, и ткнул кнопку:

– Мешапошник! Выживаем!

На этом моя роль на сегодня окончена. Я вылез как раз до момента, когда в рубку вонзилась черная струя, раскрошив стену.

Лепота-а! Вот по такому я всегда скучаю на каникулах. Все, кто ни попадя, лупят всем, чем ни попадя. Выживает самый – сильнейший, ловкий, незаметный – и можно продолжать до бесконечности. Единственный минус – новички, которым, даже если объяснять правила, которых нет… Пропустив удар черной вперед, я подскочил к одной такой новенькой. Бедняжка, совсем в комок сжалась.

– Эй, все путем! Выбирайся отсюда в корпус! – крикнул я и похлопал для поддержки по спине.

Глаза у нее круглые, и ужас выбивается из краев. Эх, напугалась.

К следующему пареньку уже подбегал Торгейр, явно раздосадованный, что не получает полную чашу веселья. Я на ходу поискал глазами преподавателей, но ни один из них не удосужил внимания сегодняшние соревнования.

– Жинко! – не, не слышит. – Вон того бери!

Черт, чесать через шестую часть стадиона из-за не умеющего читать по губам Жинко. А, была не была. Так, осторожненько…

«Школа выживания». Говорящее какое-то название. Студенты-то любили о ней поговорить, и поведением показать. Однако в Уме были запрещены драки. И запрещены любые используемые вне стен аудиторий магические и иные воздействия на людей. За это на тебя могли наложить тяжелые штрафы, а мог ожидать и поворот на сто восемьдесят вокруг оси – вон из университета. Официально здесь драться нельзя было.

Но, видимо, слишком хотели, раз арену придумали. Там санкции отсутствуют – там все равны. Если в Уме штраф зависел скорее от настроения преподавателя, то на арене ты свободен, как комета. Делай, что хочешь, сражайся, с кем хочешь: тебя подлатают без вопросов в целительной башне или, на крайний случай, отвезут в ближайший, с прямым порталом, медицинский городок. Все для блага учащегося.

И вот этих болеющих ареной людей я не понимала. Как будто здесь нравилось друг друга бить. Что происходит с этим Универсальным Магическим? Вроде есть правила – а только волю дай. Все шли на арену, гурьбой, будто нигде на свете не было места чуднее. Веселые лица, предвкушающие битвы.

Я не отставала от групп студентов, стараясь ни к кому не подходить близко – ударят еще для разминки. Могла бы я, конечно, остаться в башне, но подсказывало мне чутье, что лучше первый день потерпеть со всеми. И не обращать внимания на упоминание «школы».

Портал, в котором с шутками и заливным смехом исчезали ученики, представлял собой вагон – длинный желтый, с потрескавшейся снаружи краской. Пустые стекла, сидений нет. Но в конце, не надо было даже вглядываться, маячила серая пелена вместо перехода в следующую часть «поезда». Я переступала через нее, сжавшись, ожидая от бесплотной, азотного происхождения массы нелюбимую мной тошноту.

Долго… переход был длиннее, чем я могла себе представить. Это был целый мост, раскинувшийся над глубокой впадиной, по склонам которой росли ели. Больше я ничего не могла видеть: дно оврага терялось в тумане, напоминающем по цвету ту же субстанцию, что и на порталовом входе.

Здесь было холоднее на несколько градусов. А еще я не слышала звуков птиц, и дело было даже не в том, что студенты вокруг слишком шумные. Оглянувшись, я не увидела

университета… Его здесь и не могло быть. Мне оставалось надеяться, что арена так же защищена неизвестностью, как и местоположение Ума. Но, кажется, я слышала от студентов шепоты, которые уверяли меня, что эта надежда напрасна…

В какой-то момент в нос ударил безвкусный туман – и я оказалась перед входом.

Дежавю. Эта была первая мысль. И я даже поймала себя на том, что ищу схему, по которой бегают разноцветные точки – показывающие торговцев, зрителей и незанятые места. Я задела рукой очки, хотя просто рефлекторно подняла ее к волосам. Это было год назад… Но я на секунду будто вернулась в прошлое.

Зажимая уши ладонями – ничего не разобрать в звуковом калейдоскопе, – повинуясь толпе, я забралась на трибуны и пошла наверх. Чем выше, тем меньше внимания. И подсказывала тревога – что там безопаснее. Но когда я достигла последних рядов, над ними вспыхнуло электричество. Потом всполохи стали реже. Присмотревшись, я сообразила, что это магическая стена. И очевидно, ее задачей не была защита неуклюжих студентов, могущих случайно свалиться назад. Она защищала извне от внутреннего…

Вокруг сидений на пять так никто и не сел. Я обхватила плечи. Эта арена огромна. Мне казалось, что виденная мной единственный раз в жизни – опять это дежавю – не могла тягаться с этой размерами. Но в университете не училось столько народу. Размах территории нужен был здесь по ка-

кой-то иной причине, и я знала, что мне она не понравится, когда догадаюсь.

Я вздохнула, пытаясь сосредоточиться на чем-то другом, и нашла отличие: эта арена была вытянута вдоль. Блекло-желтым разлинованы три границы – но по сути одна толстая полоса по краю коричневого поля была поделена на несколько потоньше. Все остальное в середине – общее. В одной части стадиона находилось огромное здание с закрытыми воротами. Боюсь представить, что там хранят, размеры тоже ничего себе…

И началось все… голос, который попросил нас рассаживаться, упомянул в приветствии цвет. А я же помню, что на расы лучше не делить, а тут так откровенно говорили о коже некоторых зрителей. «Синий и белый»…

– Добро пожаловать на первую в новом году аренную битву-у!!!

Шум. Я зажала ладонями уши. Этот голос врезался мне в память. А шум, поднятый им, пугал.

Здесь так хотят крови…

Битв.

Я поежилась. Лица ближайших зрителей горели азартом, и мне становилось страшно всего лишь от этого. Вой, крики…

Я закрыла глаза.

– Но как нам незаметно?..

– Чутье спросим.

«Дорогие гости! Дорогие заклинатели! Мы начинаем состязание!»

Что творилось на арене… Мага смога разбил в пух и прах на первой же минуте огненный: все завершилось быстро и пыльно. Те, кто дрались вторыми, поломали друг другу кости – я видела, как один волок руку, а хруст неслышно было только по счастливой случайности…

– Валим с острова!

И так с каждым. И люди ведь – вот что непонятно – выходили на арену с вожделением, будто закончить жизнь под тысячами взглядов было лучшим вариантом смерти, о каком можно мечтать.

– Ковен, что? Я останусь с тобой!

– Руби его, Ветр! – услышала я прежде, чем успела встать с места – все, что я хотела сейчас, уйти. Но на том конце стадиона взревели синие эльфы. Другой народ, срывая на себе рубашки, ринулся на арену. Все ринулись на арену. Все, кто так или иначе мечтал помахаться магией, неслись вниз.

– Через ваши трупы!

– Охота на тебя. И на Джину.

– УХОДИ!

Я смотрела на этот разрастающийся бардак, где теперь сияли белые, желтые, красные магии, метались струи и били молнии.

И поднималась черная туча.

В моей ли это голове… Это в моей голове.

Магия сгустилась для выпада в нашу сторону, Риден схватил меня за руку…

Чернота выстрелила в толпу, исчезла – и где-то появилась вновь.

– Мешапошник! Выживаем!

Я пялилась в то место, где только что была тьма. *Она.* Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет. Везде крики, щепками крошится дерево, орут в возбуждении зрители. Или это в моей голове? Воспоминание из прошлого – или картинка из настоящего? *Еще удар.* Я закричала. Но меня не услышали. Все кричали, и все по разным причинам. *Новый удар*: молния. Я побежала. Не видела, куда. Дыра – трибуны нет. В купол срезонировала магия. Вой обезумевшего человека – далеко, и тут же близко. Мечи, струи острые.

Я сжалась в комок на лавке. Я знала, что меня достанут. Вопрос в том, когда им надоест меня не замечать. Нет-нет-нет-нет-нет! Не надо! Эта чернота! Он не здесь, этот маг не здесь!

Он здесь!

Он в этом Уме. В этом чертовом университете.

Он может достать меня в любой момент.

Почему я не могу защититься?!

– Эй… путем! …отсюда в корпус! – кто-то дотронулся до моей спины. Звуки приходили рывками. Я подняла глаза – к

небу. Парень. Улыбается. Затем он исчез.

Сколько это будет продолжаться?

Я со всех ног бросилась наружу.

Мы неслись к шее дракона, это был единственный выход со стадиона. В нескольких метрах от Ридена ударила магия, и меня выбросило волной в горло чудовищу…

Я вижу выход.

Несусь со всей мочи. По вагону. Глотаю воздух. Вагон уже не страшен, совсем-совсем. Страх еще сковывает внутри, но остается там, снаружи, далеко – за воротами, где бушует толпа, где раздаются крики – счастливые и безумные, словно ядовитая смесь экспериментаторов. Страх там… *Почему я не могу ничего сделать?* Черная магия – она хочет меня отравить? Мои мысли?

Я не хочу просто убегать.

Я уже убежала тогда.

Меня встретил туман азота.

Я оставила в прошлом не только ужас.

Бесконечный вагон… Он все длится. Будто смеется надо мной.

Не только ужас – темного, ненавистного волшебства. Там же, в прошлом, мне пришлось оставить моего самого дорогого человека.

И эта мысль до сих пор, *снова – и прямо сейчас – жалит меня изнутри*.

Я ненавижу вас, звезды. Вы отобрали у меня магию.

Вы *его* отобрали у меня…

***

– Сколько я пролежала?

Мама заметила, что я смотрю на нее, подошла ко мне и поменяла компресс на лбу. В нос ударил терпкий аромат парного молока. Мама улыбнулась.

– Поспала бы еще. Ты двое суток не просыпалась, поэтому полежи-ка пока.

Я приподнялась на локтях, и маме пришлось придержать повязку, чтобы она не упала.

У меня голова гудела, словно там звездный улей поселился.

– Андрес обещал тебя повидать…

Андрес. Он тоже был там, на фестивале.

– Мам, мне надо на землю.

– Это не обсуждается.

Я недоуменно посмотрела на нее. Такой тон я слышала впервые. И произнесла она эти слова быстро, будто готова была, что я буду возмущаться.

– Меня Ковен ждет…

– Ты себя бы видела. Еле на ногах стояла. Хорошо, он тебя на лужайку привел, как угадал точно место. Ты должна отдохнуть.

– Мам. Это… – у меня чуть не вырвалось «за ним». За

ним охота. Лучше про это ничего не говорить.

– Полежи спокойно, – мама поправила подушку. – Я сообщу Андресу, что он может уже приходить. Повидаешься?

– Я просто очень волнуюсь, – сказала я тише, лишь бы она больше ничего не заподозрила.

– Джина, – мама накрыла меня одеялом. Проверила температуру молока в кружке. – Джина, ты умная у меня девочка. Поменьше бы ты волновалась. Только этого хочу. Давай?

Она улыбнулась снова. Я поджала губы, когда она отошла. Мне надо на землю. Я наберусь сил, и сразу туда, достучусь до Ковена, он услышит.

Лишь бы с ним ничего не случилось…

Нет-нет. С ним все в порядке. Он сильный.

Его не поймал темный маг, и я с ним скоро увижусь.

И все будет хорошо.

Глава 19. Невидимое глазу

В каждой башне Ума было одно большое, преимущественно круглое помещение, – зала – которое предназначалось под разные нужды: место для собраний, гостиные, дуэльные комнаты (хотя последние уже давно превратились в музеи, с тех пор как состязания полностью перенесли на арену). Эти помещения были просторны, полны света – не только свечного – и всегда привлекали народ, в массах циркулирующий туда-сюда.

Мне и в голову не могло прийти, на первых порах, что это не такое уж плохое место, чтобы позаниматься своими делами. Несмотря на то, что ты постоянно находился на виду, на тебя обращали ровно нуль внимания, как если бы ты был настенным гобеленом.

Я примостилась около колонны за одним из многочисленных крепких столов, выполненных из неизвестного мне дерева. Ножки – предусмотрительно – были вбиты в пол. Чем-то эти лавки – а именно так у меня поворачивался язык их именовать – напоминали трактирные: не хватало только лоснящейся поверхности, щедро политой застывшим маслом.

За колонной сразу начинался проход, украшенный арками и стыкующийся с внутренним двориком: в его центре был выбит ряд соединяющихся фонтанов, и студенты с ментального проводили на воде опыты – пробовали через нее уви-

деть мысли рядом стоящих людей. Или пытались ощутить остаточные «мысли», заложенные в воду. Я была не единственной, кто старался близко к этим ребятам не подходить. Уж мне-то стоило их остерегаться…

За двориком чуть поодаль, не мешая светить лучистому солнцу, еще имеющему в этот прохладный ноябрь-месяц права, высились другие башни храма. Тень гораздо больше шла их бугристым поверхностям, кольцами завивающимся к макушкам. С этого ракурса не было видно лишенных эмоций лиц, которые, как мне казалось, способны любого свести с ума, стоит провести под их взглядами несколько дней неотрывно. Но в эту часть Ума они вроде бы не смотрели.

Шумок как в столовый час-пик, помогал отвлечься от этого мира и сосредоточиться на задании. Я методично заполняла формулы, ненадолго задумываясь над недостающими ингредиентами. Владимирина школа очень пригодилась – она позволяла держаться среди нового набора на среднем уровне, хотя я могла и выше, и если я решусь сдавать экзамены в конце триместра на травяном отделении, то тяжело должно быть не сильно… Но лучше бы я исчезла отсюда до этого момента.

Постепенно чувство чего-то странного становилось отчетливее. Голова была забита магическими рецептами, только что составленными на бумаге и теми, которые надо было привести к должному виду сейчас, но одновременно – как будто студенты с ментального оставили воду в фонтанах и

сосредоточились на мне: один, другой, и еще один, третий.

Поэтому я подняла голову. И нутро по капле, а затем со скоростью света, заполнилось одним только чувством – страх.

На меня смотрел маг.

– Эй-эй-эй… а! извините! Но туда нельзя. Нельзя переступать линию!

Голос вынырнул из гула вокруг, но взгляд я отвести не смогла. Застыла, будто льдом стала. А на меня смотрел человек (человек ли?) с длинными, белыми, как смерть, волосами, прикрывающими, как плащом, торчащее из-за спины – оружие? жезл? длинный свиток? Могучие плечи… в чем-то вроде кожанки, грудь разорвана двумя страшными по глубине полосами, в одной из которых еще запекалась блестящая кровь.

Руки открытые, и волосатые, и в шрамах – последние выделялись, и не было сомнений – по ним струится, точно по венам, магия. Ужасающей мощи… и не только в одних руках. Все тело пылало, магия стремилась вон из глаз – темных и бесцветных, пронзающих меня остротой кинжалов.

– Вы напугаете студентов. Ах, божечки, вернитесь, пожалуйста, внутрь.

Напряжение слегка снялось – маг лениво повернул голову, коснувшись взглядом подбежавшего сухопарого студента. Я перевела дыхание, и почувствовала, как почти слышно захрипело мое горло.

Человека окутывала магия – иного рода, нежели идущая из мощного тела. Тонкая пурпурная пленка, цвет которой я, наконец, различила, когда заглянуло солнце, окружало мага, словно кокон, и уходило сужающейся струей в пустоту арок.

Защитное волшебство?

Студент застыл столбом, глаза кругляшами, но, несмотря на одеревеневший корпус, парень усиленно махал палкой в руке. Маг какое-то время – раздумывал? – я приготовилась вновь замереть под его взглядом. И он прожег меня мертвой темнотой. И медленно, будто это было обыденным и наскучившим до звездных чертиков делом, вернулся в арку. Где отливало пурпурным поле.

– Вот! Вот так! Пожалуйте! – провожающий студент стал посмелее и нервно затанцевал за силачом.

Я подождала, пока удары сердца возвратятся в норму и осторожно приподнялась. Весь проход с колоннами был залит лоснящимся светом, и по нему в этом пурпуре величаво, излучая мощнейшую магию, шли люди. Толпа хмурых и сильных людей с жесткими лицами.

И как же я испугалась встречи с одним из них…

Мне нужны были ответы. Сидящий недалеко парень добродушно уставился на меня.

– Кто это? – я ткнула пальцем в направлении арок.

– О-о-о, это самые страшные маги всех времен и измерений, – залучился улыбкой он. У нас тут проходил показ лучших жеребцов, видимо, он что-то слишком счастливый. –

Они опасны настолько, что любой из них способен за секунды сравнять весь Ум с землей. А сейчас транзит. Да, – парень сверился с часами, – даже позже, чем обычно.

– Какой еще транзит?

– Мы их через границу переводим. А, через *границы*, – поправился он, многозначительно воздев палец к потолку. – В установленное время несколько раз в триместр через храм пропускают порталовый мост из одних измеренческо-временных точек в другие, а соединяет их вот эта вот дорожка. Вон! – он указал на желтую линию, из которой вверх била энергия уже знакомого мне цвета. Сквозь ноги идущих я различила еще одну полосу, темнее из-за плотности и отдаленности на тон.

– Зачем храм транспортирует в другие миры опасных магов? – не могла поверить я. И одновременно следила, не посмотрит ли еще один «потусторонник» на меня.

– Ну, сначала они не были опасными. Обычные люди пересекали мост. Но в какой-то момент по нему начали ходить только сильные, – парень пожал плечами. – Так и повелось. Они ведь там цапаются, если наблюдатели недосмотрят.

Я нахмурилась. На самом деле было два ряда: шли не только в одну сторону, но и навстречу – и зверские лица каменели еще больше, пересекаясь с потенциальными противниками.

Я почувствовала, как сердцу вновь стало холодно. Сколько их ходит таких? Сотни? Тысячи? И все это в Уме? Смот-

рители, которых я сейчас начала отличать по оранжевым платочкам, обмотанным вокруг правого запястья – в этой руке держали палку, – сплошь были юнцы, трясущиеся больше остальных студентов.

Студенты же либо не обращали внимания на магов, либо разглядывали их с интересом, впрочем, не задерживая долго внимание, кабы не разозлить. Еще вскрикивали, в основном, девушки, которых застал врасплох неожиданно выросший сбоку угрюмый мужчина.

– Не волнуйся, они не тронут, – парень рядом со мной допил воду в стакане. – Они не слышат ничего, что происходит снаружи поля, как и мы не слышим их. Мы даже ударить их не можем. Довольно забавная штука.

– Зачем их ударять? – снова опешила я.

– Ну-у… интересно же, кто сильнее.

– А так непонятно?

Парень прыснул.

– Все равно же интересно! Кстати, Зурых так перепугался. А на наборе петуха из себя строил!

Зурых был, очевидно, тем худощавым молодым человеком, который «отогнал» от меня мага. Теперь, наблюдая, как он уже уверенно прохаживается вдоль моста, я поняла, что никакой защиты смотрителя по сути и не было. Если бы не силовое поле, маг разорвал бы меня на частицы при желании. Ему просто не захотелось. Но у меня не было сомнений, потому что чувство присутствия еще пульсировало в висках:

маг понял, кто я такая.

«Звезды должны сиять. Но видеть это сияние могут лишь избранные, которым всего лишь нужно быть достаточно сильными».

На мгновение показалось, что в мою сторону обратилось несколько пар глаз из цветного портала.

Хорошо, что показалось…

– Обычно, кстати, нами оттуда не интересуются. Только теми, у кого магии много, – парень с любопытством остановил на мне взгляд. – Ты сильная? Первый курс же? Я тебя раньше не видел.

– Если я сильная, тот маг – приколист, – похолодела я, в какой раз за последние минуты. Но парень, слава духам, рассмеялся.

– Рабаса тоже как-то перепутали – с Тенеброй причем! Он рядом проходил. Мы угорали!

– Тенебра – это…– зачем я уточняю?

– Наш самый, – расплылся в оскале студент. – Я его иногда в портале высматриваю. Вдруг повезет ему по времени там «переходить»! Сейчас он в отъезде, совсем про нас забыл, – парень надул нижнюю губу.

Затем он вдруг воодушевился, пока я не знала, куда себя деть.

Это мне напоминание. Почему мне *на самом деле* тут опасно быть.

– Во, оно-оно! Пошли посмотрим! – студент подскочил,

перепрыгнул через стол и унесся вместе с остальными взволнованными. Подхватив тетради, я побежала в противоположную сторону. Раздумывать некогда уже.

Взмах, укол!.. Меч должен идти красиво, и плыть, даже танцевать. Оружие – эффективное, друг – надежный. Так я считаю, не просто приложение к образу.

Лепесток разрезан надвое. Надо тренироваться до четырех кусочков, затем до восьми.

Взмах!

Слева взвизгнули. Искренне извиняюсь перед девушкой. Но должна уже привыкнуть – это Ум, здесь много таких. Убегает с испуганным лицом. Про себя – пожимаю плечами.

Среди народа много беспокойных. Не иначе как близятся тесты. Или нет? Гляжу вниз – на полу набухли линии в объемной желтизне. Режут, пульсируют. Значит, маги пришли, опасные ребята!.. Это надо видеть.

Лезвие отлило солнцем. Засунул его в ножны.

Есть ли на этот раз выходцы? Их внимание к мечу не нужно, а вот битвы – их бы посмотреть. Вижу, что бежит народ к фонтанам. Следую за ним.

Менталы сгинули со «сцены». Вовремя. Друг против друга стоят девушка и парень. Оба люди? Только фиолетовые от сияния, которое тянучкой к основному потоку прилипло – держит, не пускает вовне. Парень торс оголил и пепелит девицу глазами, движения нет. Он камень. Девушки спину

видно. Изогнулась рысью, полуприжалась к земле. Справа и слева от меня парни всматривались в формы. Не там красоту ищете – она в битве надвигающейся.

Секунда – возглас без звука.

Вот! Сумасшедшинка в движениях, и не иначе в голосе – девица кинулась на оголенного, замахнулась клинком, изогнутым. Быстро! Она уже над головой его! А маг отвел мечом удар – теперь девушка в другом конце двора. Криками зашелся народ.

Вот это здорово! Уловил я движения их – есть мастерство! Наконец-то.

Снова кинулась. Народ подбадривал воюющих, выл оголтело, смеялся. Бой стремителен. Наблюдать – удовольствие одно! Она – молниеносная мамба, он – акула смертельная. Противоречия – сходятся. Бьются не за жизнь.

В портале розовом остановку сделали многие, наблюдают. Ставки делают, уверен я. Хоть и скучающие лица, у некоторых сосредоточенные. Но вот и бесноватость в глазах проявляется. Самые типы, с головой не дружащие, приникли к защите магической, впечатали ладони в поле, языки высунули. Кто-то закричал из девушек при взгляде на них. Что пугаться, на этих позеров. За желтую линию им нет пути.

Битва продолжалась. Заставляла стискивать эфес в надежде, что и на тебе решат силу испробовать. Такие противники!

Но с двух углов – почему еще не потерпели? – шли преподаватели-смотрители. Сзади студенты с повязками солнца маячат. Взмах палками старших – и магия опоясала дравшихся. Разом застыли, внимание обратили.

Дэа Иримах скрестил руки, над головою возвел и на портал кивнул. Послушались бесшумно. Девушка улыбку аспидную подарила народу и, приплясывая, за оголенным парнем последовала, не касаясь его. Вернулись в портал – движение сразу внутри возобновилось. Два потока – обратно и вперед. Улюлюканья наших стихли.

Еще бы немного! Красивое зрелище было.

Земля располосована ударом магическим. Фонтан лишь один поврежден. Аккуратно действовали!

Потрогал я ножны. Не запомнил девушки лицо, но пройдет когда мимо, узнаю по движениям. С противником ее теперь моя мечта сразиться.

Пятнами покрылись щеки «смотрителя». Слово одно – новичок.

Жду портал снова.

Звуки остались позади лишь коридор назад. Я оглянулась, еще раз проверяя, что меня преследует только моя тень – вытянутая вверх и затерянная на уровне пятого этажа. Никаких перекрытий – пустота, упирающаяся в высокий потолок, и казалось, что раньше эта башня, к которой я не запоминала дорогу, имела предназначение отличное от того, чтобы по

ней разгуливала заблудившаяся студентка.

Это не просто школа – это Храм, и запрокинув голову, я определенно в этом убедилась. Оконные просветы в этом коридоре заменялись тонкими свечами, неравномерно рассеянными по заплывшим стенам. Мой взгляд наткнулся на низенькую дверь с корявой надписью – я удивилась, разобрав слова. Но, очевидно, это был мне подарок – первый за время пребывания здесь. Я толкнула глухую дверь, ведущую в библиотеку, отчего-то вспоминая лицо дэа Лингинден.

И сразу же на ум пришел ее кабинет: здесь все было таким же крошечным. Три ряда шкафов, обойти которые хватало пяти шагов, но, стоит отдать должное, они были туго набиты литературой; стена до потолка была засеяна фолиантами, просто сложенными друг на друге, к другой был приставлен абсолютно чистый стол – и библиотекаря за ним не было.

– Что надобно? – я вздрогнула, едва ли чувствуя себя легче от того, что обладательница сварливого голоса появилась из ниоткуда. Но появилась. Находиться одной в этом камерном помещении было жутковато.

– Позаниматься хочу, – для уверенности (нежели для демонстрации своего визита) я показала тетради, и эта баба-яга – уже вторая земная библиотека и уже второй типичный представитель семейства – ткнула скрюченным пальцем в угол комнаты и начала ожесточенно бубнить. Как только она закончила короткий наговор, у меня вспыхнули уши, потому что я поняла смысл ее слов – она меня бранила.

И в лягушку ее, видимо, какой-то студент превратил поэтому.

«За стеллажом налево» обнаружилась дверь, замечательно замаскированная под стену. Я вошла: один стул, один стол, плотно прижатые друг к другу горки из книг, и, если я сделаю более трех шагов, то врежусь в противоположную стену. Прекрасное местечко. Самое время передумать и вернуться наверх…

Как у меня могло вылететь из головы, что я здесь не в безопасности? Что темный – не единственная проблема, которую мне следовало избегать. Счастье, что его пока не было в университете – он ведет себя как один мой знакомый дух, но в случае мага думать благодарности мне не хочется. Если студенты еще не воздействовали на меня, это еще ничего не значит. Магию можно было *пощупать*. А иногда и увидеть – осязаемую, сотворившую живое существо, принявшее уродливые формы и носящееся по коридорам от владельца.

Так и будет продолжаться?.. Неужели вот так? И мне остается только молча ждать?

Я кинула тетради на стол и без интереса пробежала глазами по книжным корешкам. Столько знаний… А мне приходится прятаться. Убегать, как только почувствую магию. Отводить взгляд, когда на меня слишком пристально смотрят. И непонятно зачем *учить* – что это дает? Развлечение перед отсрочкой казни?

По позвонку вдруг прошел холодок. Я замерла, *чув-*

ствуя… но не понимая, что меня так напугало. В комнате никого не было – три шага пустоты и книги, только книги… *Шепот*. Не хихиканья, которых я уже наслушалась у себя за спиной и не обратила бы внимания теперь. Этот *звук* бросал в дрожь. Шепот шел откуда-то от стены с книгами.

– Прилеш-шная уч-ченитс-са! – тут я вздрогнула, будто ко мне приставили холодный металл. Такой различимый, явный голос – его обладатель, кажется, стоит передо мной, руку протяни – уткнешься. Но я его не вижу.

Теперь уже сзади – захихикали. Я обернулась. А *шепот* остался за спиной – сочился в пространство, поигрывал несколькими голосами, и чудилось, они обсуждают меня. Только я их языка не понимала.

Вдруг засмеялись в ухо – я отступила в сторону. Этот *кто-то* был другим голосом. Противным, интонационно усредненным.

– Смотрит… смотрит! И-хи-хи… что смотришь?! Не туда!..

Я отмахнулась, на что-то надеясь, но…

– Не видит!.. Она не видит!!! Не видишь?.. – я зажала себе рот: последние слова были влиты туда, и они запросились обратно совсем не речеизлиянием.

Шепот подернул воздух. Я нащупала ручку двери. Хихиканья не прекращались, и я рванула наружу…

Невидимка преследовал меня недолго. Либо я просто перестала различать его голос среди сотен других, уже студен-

ческих – принадлежавших людям, которых я могла видеть, трогать и всячески физически ощущать. Я выдохнула – во рту еще оставался привкус фразы, и ее можно было перебрать языком.

– Крома, правильно? – я не успела заметить, как ко мне подошли. – Нужно поговорить.

Сокурсники Катрен Ибику и Вальсен Менеден оглянулись, будто, подобно мне, от кого-то скрывались, и повели к стене. Я покосилась на холодную статую, возвысившуюся справа от меня, но она, как и должно быть, оставалась безмолвной. Ибику еще сжимал мой локоть.

– Есть предложение, – сказал он бесцеремонно, совершенно не задумываясь, как выглядит в моих глазах. Я освободила руку. Мои друзья по несчастью (хотя про них слово «друг» мне было неприятно думать), они оба смотрели так…

Будто я уже состояла в их компании, но точно не была им *равна*.

– Слушай, ты ведь еще ни с кем не заводила близких отношений? – поднял брови Ибику. – Ну, там, о взаимопомощи, взаимоуслугах?

И при этом его высокомерность стала отчетливее. Я выпрямилась, приблизившись ростом к его. Этого стоило ожидать. Я уже замечала здесь студентов, ходивших группами не просто потому, что дружили. И на первых порах таким, как я, действительно так удобнее. Но вот отношение…

– Мы хотим тебе это предложить – взаимное, – подхватил,

как ни в чем не бывало, Менеден. – Ты же понимаешь, как на нас смотрят, – оглянулся боязливо. – Как на самых *отбросов*. Мы должны держаться вместе. Помогать друг другу, выручать.

– Если что-то намечается серьезное, сообщать, – подкрепил Ибику. Кивнул глазами: *смотрит сверху вниз*. – Чтобы вместе смогли продержаться здесь. Что скажешь?

Я ответила не сразу. Подождала, пока пройдет несколько человек и обязательно нас заметит. Парни от этого стали нервничать.

– Я откажусь.

Лица Ибику и Менедена вытянулись с удивляющей синхронностью.

– Помогайте друг другу сами, вы сможете, – тут Ибику отступил от меня на шаг, и я сообразила, что утешать совершенно не стоило: все было написано у парня на лице. Ему *должны* помогать. А я решила не согласиться?

– Какая заносчивая, – порезал он меня словом и тряхнул головой, взмахивая челкой – совсем потерял ко мне интерес. В отличие от него Менеден пытал меня тяжелым взглядом. Я выдержала это проявление малодушия.

Я могла бы оправдаться ультиматумом – «я не должна выделяться», – но это не та причина, по которой я отказалась.

После того, как они оба исчезли на верхнем этаже, я вспомнила улыбчивую Лию из Озерска – новичка, которая не пробыла здесь больше двух недель. Она покинула универ-

ситет двумя днями ранее, официально не справившись с нагрузкой. Но истинной причиной стала арена – кошмар, от которого у меня руки сжимались в кулаки.

Стоило ли отыскать парней и сообщить, что я передумала – иметь хоть какую-то поддержку? Нет! От одной этой мысли во мне поднималась горячая волна. С такими людьми, не понимающими ценности других, я не хотела иметь ничего общего. Пусть уж лучше буду беззащитной, но я буду собой – а некоторые вещи делать просто нельзя.

Я охнула, вдруг сообразив, что совсем скоро время урока с Умбрадом. И пока неслась к аудитории, вспомнила, что совсем некстати забыла тетради, а значит, и задания в библиотеке. Но преподаватель силой мысли захлопнул дверь за моей спиной – то есть я в чем-то успела сегодня.

– Считайте это предупреждением, дольче Гранд, – и я позволила себе выдохнуть.

Глава 20. Внутренний мир

По руке текла кровь. Внутри, под кожей – по тонким бледным венам, еле разглядишь. Отец всегда говорил (или не говорил, а я придумал, что ему есть до меня дело), что родиться слабым – не так уж плохо. Никаких заморочек – ни сейчас, ни в будущем. Будешь жить, как все. Наслаждайся обычностью.

Да дварф ее побери!

Я с ненавистью взглянул на вены, где не чувствовалось магии. Ни капли! Рука, успевшая загореть под лугундским солнцем за время пребывания дома, сжалась в кулак. И все равно – не потекло по ней ничего! Почему?!

Я выдохнул и спустил рукав. Что бы при этом сказал брат? Улыбнулся бы – и все…

В плечо зашептала статуя.

– Да все путем, – откликнулся я и выдохнул уже спокойнее, хотя внутри еще клокотало – от бессилия.

– Вс-с-сё-о-о пут-т-ё-о-ом, – протянули женским заботливым голосом над ухом. Я похлопал другой рукой по каменному изгибу платья. Они всегда умели утешить, это да.

Но если брат точно не хочет – узнавал у него, когда родители пропадали из поля зрения, – если его устраивает жизнь невидимки, почему с этим должен мириться я?

Я мысленно всплеснул руками. Ну конечно, все заботы на моих плечах. Не доглядишь, спрашивать с меня будут:

– Вы с ума сошли? Желтые светильники… Сейчас с электричеством полунивера балуется.

Лучше бы арена поскорее опять, там хоть удовольствие от оформления получаю. А тут все одеяла на себя тянут!

– Синий цвет будет оттенять глаза, – голубоволосая волькийка тонким узловатым пальцем указала на темные круги под нижними ресницами. Боится слиться с фоном? Я помолчал.

– Вас это не испортит.

Девушка осталась довольна и ушла восвояси. Но вокруг еще вертелось тел семь. С этими привередами язык ссохнется. Напарника что ли найти? О, вот этот мне как раз.

– Учти: в ад со своим оружием нельзя.

Подошедший Инланур мимолетом кинул взгляд на меч в своей руке.

– Нечего делать там, – перебросил ножны назад.

На него тут же отвлеклись, и часть вопросов теперь не в моей компетенции. Выручил друг. По потолку бродили живые синие пары – только сейчас заметил. Эй, любезный! – когда не нужно всякий раз повторять свое имя, плюсы, конечно, есть – новонаемный работничек ушел ругаться с магическим.

– А твой народ тренировать связки не будет?

Обычно эльфам только дай волю горло почистить. Но в

этом триместре они что-то не спешили.

– Не планировали мы, – Нур предупреждающе глянул назад, когда к его мечу подошли слишком близко. А во время портала магов он себя так не ведет. Блондинка захлопала глазами и сделала шаг назад. Нуру никогда не приходит в голову, что будь оружие хоть спереди, хоть сзади, оно женскую половину интересует меньше всего.

– Ахай, Шоколадный! – пока Дайрек равнялся со мной, эльф-ирлан кивнул и проследовал за волькийцем, вешающим на него поток слов. – Как ничего твое?!

– Здорòво, – я пожал руку. – У вас лучше.

– Ай, врешь, красавчик! – зубоскалил солист. – Твоя популярность надежнее.

– Сложно спорить, – согласился я. – Но вы ж на месте не сидели. Кажись, новенький сегодня зажжет. Как он, кстати, это воспринял?

– О-о, он весь в музыку ушел, так что мы не успели на физиогномию его нарадоваться, – Дайрек как всегда ржал конем. – Шутки не получилось, зато выступит дай боги.

– И все же было бы лучше вам подождать недели две. Я бы оттянул, за мной не станет. У него же не просто так? Я слышал от Френсиса, что он до сих пор к нему ходит.

– Да, – Дейрек на секунду перестал лыбиться. – Дело в этой, – постучал себя по пледплечью. Это объясняет… Третий триместр ведь пошел уже, жаль.

– Тренировок бы побольше.

– Да нет, парень готов, – возразил, да еще уверенно, Дайрек. – Ему дольше киснуть опасно. На музыке выедет. Думаю, он поэтому к нам и пришел.

– Логично. Что из этого выйдет, посмотрим… ну не туда стулья, не туда! Ты убиться людям предложить решил?

Дайрек рядом захохотал. Ну вот что сделаешь! Лучше был толстяк Фурфи помогал, ей-богу!

Через какое-то время я все-таки прислушался к тому, что говорили статуи. Обычно они тихо себя ведут. А здесь друг друга даже перебивают?

И только мне показалось, что я начал разбирать слова, как послышались другие голоса…

Я схоронился за воином с огромным щитом. Вот только не хватало, чтобы меня *эти* увидели!

– Она так расстроилась! И я ее понимаю, – щебетала одна девица. – Как они вообще так могли поступить?!

Они подходили все ближе, и статуи понизили тон – зачем? Этот пол женский слушать? Да много ли он может важного наговорить!

– Этот Дайрек!.. А ты видела нового гитариста? Ух, кажется, он такой лапочка!.. Не видела и не хочу! – их фразы сливались в одно монотонное «ля-ля-ля-ля», не разберешь, кто сейчас ведет речь. – Ох, у него такие голубые глаза!.. Серые они у него. А какой он?

Я скрестил руки. Статуя шепнула ветреным порывом в

спину, пощекотав затылок. Я прекрасно понимаю, о ком они, да, мне это не нравится!

Фанатки.

– Ну ладно, кто он?

– Им нужна была девушка и женский голос! Зачем им еще один бренчатник?

– Да погоди! Я про Лиринетту уже слышала… Глаза серые у него, да? Наверное, красиво.

– Он вроде бы с Лугунды.

– А отделение?

– Тело? Ты видела тело? Ну, до Дайрека ему не дотянуть…

– Джесса все равно никто не превзойдет.

Сгиньте уже.

– Джесс дохлый, а Сифо – такой мимими!..

– У Джесса девушка есть, ха-ха!

– Не может быть! Кто она?!

– А какой у него взгляд…

– И все-таки жалко Лиру…

– Да, бедняжка.

Я вышел из укрытия, наблюдая, как юбки скрываются за поворотом. Бедная – бедная эта Лиринетта, как альв! Такой наглой я еще никогда в жизни не встречал. Уж в Лугунде подобных ей не водится. А здесь? Рад, что у Дайрека мозги в нужном месте. А не съехали вниз, когда она десять минут в репетиционном к нему липла, как тина, и за задницу лапа-

ла. Напомаженная, разодетая, локоны в кольцах, запястья в браслетах – гадалка, тоже мне. Не смогла предугадать, что ее глупость ничем не обернется. Дайрек там, конечно, отдувался, как рыба-еж, и уверял, что она ему уже надоела, но только зад ее провожал долгим взглядом. Было бы там на что смотреть…

А потом меня обвинили, что я ее место занял! Нет уж, увольте! Еще Сифо бурунчиком обозвал, где только подцепил…

В уши вдруг ударил говор статуй. Я только обернулся.

В лоб врезались.

– Дварфы! – я отшатнулся, потирая его, еще по руке заехали. А напротив…

Девчонка!

Это она так?!

Замерла, будто я ее врасплох застал, а не она меня, плечо потирает. И смотрит дико. У такой черти в голове водятся – зачем так по коридору носиться?!

Но причина скоро заявилась… Скрежеща зубами, как ум потерявший, с нижнего этажа всплыл Мопс. Волосы всколочены, халат развевается. Сделал руки крюками и протянул к девушке. Та не двигалась с места. И вообще изображала, что ее интересует плитка на полу! Призрак захохотал, как ненормальный. Тогда девушка повела головой и, набрав воздуха в грудь, рванула прочь. Мопс увеличил скорость, но пролетая мимо, заметил меня.

Поморщился. Сбавил обороты и исчез в стене.

А девушки и след простыл. Хоть бы спасибо сказала за услугу! Если сдачи Мопсу смелости дать нет. Чего его бояться? Призрак же обыкновенный, каких везде!

Уши заложило от внезапного взрыва болтовни. Я затеребил раковины и зашагал, пока еще было время найти спокойную минуту перед выступлением. Вот уж не ожидал от статуй, что объявление Мопса вызовет среди них такой переполох. Остальных слов я не разобрал, друг друга перебивали…

***

Я, наконец, смогла отдышаться. Прислонилась ладонью к холодному камню. Легкие уже не сводило – только воздух проходил, обдавая внутренности морозом, будто, тем самым, утешал меня… Что я сдалась этому невидимке? А, ну как же, я же его не вижу.

«Не видит… НЕ ВИДИТ! Га-ха-ха-ха…»

Мне так хотелось ему врезать. Это нечто, увязавшееся за мной с того дня в библиотеке – мои мечтания, что оно не передвигается в пространстве, рассыпались небесной пылью – было доступно глазу любого другого студента. Но не моему. И никто ничего не говорил. Если раньше внимание, обращаемое на меня, ограничивалось лишь равнодушными, любопытными или недружелюбными взглядами – в зависимости от того, какой это был курс, потому что старшим, кажется,

было на «блатников» наплевать, они их судьбу предвидели – то сейчас ко всему прочему прибавился смех.

Когда вокруг меня вертелось это нечто, студенты тыкали пальцами и гоготали. Если бы я видела, над чем они это делают, какие именно штуки вытворяет этот невидимка, я бы с радостью присоединилась к веселой компании. Заодно выкинув бы из нее нахала.

Я выдохнула. Убрала со лба растрепавшиеся волосы, опять случайно задев очки. От них уже болела переносица, поэтому я на время взяла их в руку. Прислонилась спиной к стене, по позвонку побежали приятные мурашки…

И это не от холода. Я с удивлением почувствовала, как камень завибрировал. Под подушечками пальцев защекотало, когда я прислонила их к стене. Чувство чего-то знакомого заласкало сердце.

Недолго думая, я пошла вдоль коридора и скоро вернулась на этаж вниз. Здесь везде стояли статуи-стражи: одна величественнее другой, хотя возвышались едва ли на две головы над живыми людьми. Тела их состояли из камня, как и стены. У некоторых я заметила щиты, но в основном они были без оружия.

Я быстро пробежала этот коридор, памятуя на недавнюю стычку с невидимкой и молодым человеком, в которого я по неосторожности врезалась. У парня такие глаза были, что я чуть в землю не провалилась, настолько почувствовала себя виноватой. Но извиниться времени не было. Статуи прово-

дили меня пустыми зрачками; завернув на лестницу, я наконец-то услышала – музыку…

Это было что-то фольклорное и незнакомое мне по жизни в Зелоори. Я различила слова, только подойдя к дубовой двери зала, приоткрытой так, чтобы в нее протиснулся человек.

Пели на волькийском. Если мне не изменяет память, это как раз жители той страны, Вольки, на территории которой в не столь давнее время проживал единый народ, в силу ряда причин расколовшийся на два русла. Одни ушли на запад и влились в эльфийские кланы, другие решили завоевывать соседние государства и, в конце концов, осели там. Кто-то возвращался, были те, кто никуда не уходил.

Наверное, поэтому нынешние Вольки – такая маленькая и незначительная в военном плане страна. Но традиции своих предков люди, говорящие на волькийском языке, чтят чуть ли не сильнее всех живущих на земле.

Их речь – не то, что заставляло мое сердце сжиматься. Волькийцы любили поговорить на своем языке в этих стенах, игнорируя карпский. Но я еще ни разу не слышала, как они бы играли на музыкальных инструментах. И звуки, которые приносили струны, задевали что-то внутри… Будто забытые давно ощущения.

Музыку сфер.

Я закрыла глаза. Остались только голоса – и музыка. Два женских и два мужских голоса. Волькийцы изображали

«разделение» – девушки выступали в роли жительниц эльфийских государств, а парни имитировали в песне предков, смешавшихся с гномами. Задорность и веселость встречали мурлыканье и струение. И их четверых обнимала музыка – близкая и одновременно далекая, отчего печаль тянула в груди.

Я почти перевела дыхание, как зал зашумел. Было очевидно, что волькийцев кто-то смещал со сцены. Я открыла глаза и запоздало надела очки с нулевыми линзами: меня, конечно, никто не знает, но рисковать не стоило. Вниманием наперебой завладели свечи – синие, красные, зеленых цветов, я их не заметила сразу, слишком увлеченная музыкой и грустными воспоминаниями. В добавление в воздухе вспыхивали голубые светлячки, уже исчезнувшие к концу месяца снаружи Ума.

Девушки взвизгнули, резанув по ушам, а рядом со мной студенты начали подпрыгивать, чтобы лучше видеть – в зале было негде упасть перышку. Я отошла к узорчатому окну, у которого, облокотившись на подоконник, стоял молодой человек с густой шевелюрой (из-за обилия разного освещения я не смогла определить ее цвет). Он безразлично скользнул по мне взглядом и продолжил наблюдать за представлением.

Девушки снова подали голоса. Предмет их восторга взошел на сцену.

Я наклонила голову. Высокий, статный, темноволосый. Но до обыденности непримечательный. Что же в нем такого?

Парень подбросил в руке микрофон и запел:

Всю ночь одни.
Я ль когда-либо мечтал об этом?
Так сладки те дни,
Когда томился я ответом.

Мурашки пробежали по щекам и шее, и мне пришлось поежиться. Беру свои слова обратно. Солист и правда был харизматичен. Казалось бы, простая внешность, но доведенная внутренней силой до магической красоты. Особенно это ощущалось во время произнесения слов, значащих вне песни много большее…

Я тряхнула головой и недовольно нахмурилась. Девушки неподалеку уже зажгли на щеках красные лампочки. Я потрогала свои щеки, ощутила холод – и поблагодарила землю за него, – скрестила руки. Солист улыбнулся уголком рта, вызвав новую лавину визгов. Среди этого гула я едва различила:

– Фениксы-ы-ы!..

Я прищурилась, оглядывая ребят на сцене. Это название их группы?

Будь моим огнем!
Свети, танцуй, сияй как днем.
Но только знай, у нас лишь ночь вдвоем.

А к черту!

Я невольно прыснула на последней строчке, чем заслужила взгляд соседа по месту под окном. Поспешила принять обычный вид, а в это время уже пели:

Гори-гори как шпат, гори ясно!
Ночь – это чувства, ночь – это ласка.
Дари-дари свои поцелуи.
Почти сказал «люблю» я!

Я покачала головой, вопреки себе улыбаясь. Удивляюсь странности людей. «Почти люблю». Если это чувство они называют настоящим – мнение Влады я в этом случае не принимаю за истину, – почему в этой песне прибавляют к нему «почти»? Разве может оно быть в недостатке? Разве можно о нем петь так небрежно? Любовью, насколько я успела узнать, не называют того, чего не хватает…

Улыбка сама собой исчезла с губ. Я поднесла руку к груди – почему там начало *давить*?

Снова та печаль.
Но отчего? Не отвечай…

Это из-за нового голоса. Или слов?.. Я перевела глаза на барабанщика, приблизившегося к микрофону. Худой для та-

кого инструмента. Пальцы, скорее всего, тонкие, но ударяет по дискам он мощно. Субтильный – кажется, от этого тоже вздыхали ближние девочки, – а волосы растрепаны в сумасшедшем беспорядке: светло-серые, голубые и белые пряди вперемешку, на них так красиво падают разноцветные огоньки…

– Позволь обнять тебя, шепнуть «прощай», – выдохнул он с закрытыми глазами.

А я забралась рукой выше, к горлу, потому что комок встал поперек.

Он так похож на Ридена…

Это стоило видеть. Интуиция редко меня подводила. Вот и теперь: очкастая, до этого изображавшая интерьерное дополнение, схватилась за горло, будто ее душили. Интересная реакция на песню, где в куплете на подходе горячие часы перед окончательным расставанием. Из того, что я помнил. Девушка закрыла глаза и резко отвернулась. Я хмыкнул.

Дайрек поставил новенького только на инструменты. Здравый выбор, Рабас еще слишком волнуется. Все время обращает внимание на руки, в песне не живет. Звук из-за этого скован. Но это, правда, только моей специализации заметно, вон, девчонки верещат от восторга.

Я захлопал вместе с остальными, когда парни подводили последние аккорды. Подумав, присвистнул для поддержки.

…В ухо въелся свист, отрезвляя, возвращая в настоящее. Я отпустила похолодевшее горло. Посмотрела на свои руки. Что это?.. Вдруг щеки стали невыносимо горячими, а потом на них будто подул северный ветер – схлынуло ощущение, но вместо этого заполнились жаром ладони. Я тряхнула руками. Подействовало: закололо кончики пальцев. Я стиснула кулаки, с ненавистью обернувшись к сцене. Это они со мной творят? Эти музыканты?

Субтильный барабанщик, во внешности которого я теперь не обнаруживала черты дорогого земного друга, высокий могучий амбал за синтезатором с неправдоподобно яркими оранжевыми волосами – это точно краска! – улыбающийся солист, как мне стал противен его оскал…

Был и четвертый, гитарист, в движениях которого виделась жесткость. Он был сосредоточен на инструменте, но скоро я поняла, что это не совсем верно – он не отрывал взгляд от своих рук. Напряженные… Следующий визг струн поднял по телу хлесткую волну, она почти добралась до сердца…

Зажав ткань на груди, я бросилась к выходу. Завязла в куче людей. Прикрыла уши – не слышать бы эту музыку! Это тот гитарист, я точно учуяла! Узнала его: это с ним столкнулась, когда убегала от невидимки. Парень все елозил по струнам, а во мне скрежетало…

Он тянет из меня наружу человека!

Чувства, которых не хочу!

Зажал последнюю струну… и отпустил вместе с яростными аплодисментами. В ушах к гулу басов прибавился еще один – от толпы. Девушки подпрыгивали, визжали, краснели на глазах и ловили мой взгляд. Я выдохнул с трудом.

Дайрек подкатил, оставив на секунду поклонниц:

– Молодцом! – хлопнул по плечу и постучал, будто случайно, по моим пальцам на грифе. Я, наконец, отпустил, но…

Джесс обошел установку, помахал рукой народу. Стало еще громче в толпе.

Я спрятал обе ладони за спиной и сжал пальцы. Кулаки. Только они мне остались.

Потому что ничего не вышло.

***

Ситуация не поменялась даже к декабрю. В этом году природа отрывалась по полной, и выражение «трескучий холод» пришлось почувствовать на своей шкуре, будь неладен этот месяц. Ирланам только, как и следовало, свезло. Я сидел на крыше, прислушиваясь к далекому гулу, качавшему макушки леса. Чувствовал, как все себе отмораживаю на камнях, не прогревшихся ни на грамм – солнце тоже издевается. А вой приходил волнами… Далекий, идти и идти до него в лес-

ную чащу… Спину из-за камня холодило еще сильнее. Снега не предвидится.

Но, если быть честным… мне было так все равно.

Гитара лежала рядом. Вопрос, кто еще из нас двоих более одинок – я без магии в теле или инструмент, лишенный исполнителя, влюбленного в свое творчество. Мне казалось, что это *я* лишаюсь всего…

На этот раз лес завыл, словно раненый зверь. Я поежился, и вдруг камень завибрировал под задницей. Очухавшись, я прислонил ладонь к полу. Что там опять происходит?..

Оглушив, камень с грохотом вырвало из стены и врезало в противоположную стену. Удивительно, что мозаичное стекло не пошло россыпью. Не закричала я только потому, что пыль заслонила весь мир, и крик пришлось сменить на кашель. Я сняла очки – видеть лучше мне это не помогло – и осторожно заглянула в открывшийся в стене проем. Прямо сейчас, вот-вот меня должна настигнуть паника… или нет? В этом умовском комплексе так быстро ко всему привыкаешь.

Это были маги. Определенно маги, потому как экспериментаторы вели себя в таких случаях как минимум громко. И их творения тоже. Эти же студенты озирались по сторонам и, подобно мне, заходились кашлем. Вероятно, среди них не было ни одного, кто знал бы заклинание очистки воздуха. Один парень, насколько я разглядела, потирал беленой рукой свою макушку. Он и был виновником всего этого? Что

ж, неудача его при опробовании навыка чуть меня не убила.

Я уже привыкла, что где-то наверху – чаще наверху, потому что экспериментаторы и магический корпус предпочитали располагаться в десятках метров над уровнем земли, – периодически что-то взрывалось, и уже на это не реагировала. Как и остальные студенты. (Если только сверху посыплется крошка в свежий чай, студент мог выразить недовольство, но в итоге все сводилось лишь к тому, что он шел за новой кружкой.)

Я выпрямилась – и в этот же миг моя душа все-таки скатилась в пятки: перед моим носом зазвенела сталь.

Я перевела глаза влево, а ноги подкосились от страха. И, о чудо! – я упала как раз вовремя, потому что меч снова разрезал воздух, а мог прихватить при этом меня. Голоса повысили тон, я же, кашляя, встала на трясущиеся ноги и попыталась пройти за спиной этого безумца. Хоть бы снова не размахивал…

– Ой! – я наткнулась на плечо и зажала себе рот, кашлянула. Это… эльфы, уставились на меня, так вот почему я не понимала, что они говорят, использовали свой язык, а не карпский. Кашлянула снова, собравшись ретироваться – лицо беловолосого стремительно менялось с испуга на безразличие, – как вдруг заметила в его руке меч… Это был он. Я снова закашлялась.

– Осторожно, – выдал эльф надменно на карпском. Я отняла руку ото рта.

Откуда кровь?!

Вокруг ахнули.

– Инланур! – взвизгнул женский голос. Я провела по губам, потом по щеке. Когда я успела порезать щеку?

Я отчаянно взглянула на эльфа. Он снова смотрел участливо, сообразил, что натворил. Но это, небо низвергнись, ни в какие врата!

– Прошу… – я отмахнулась от его извинений. Прибавила шагу и в конце концов побежала. Порез продолжал кровоточить. Кто с таким оружием по Уму ходит?! Оно режет сам воздух!

– Не моргнула даже…

– Напротив, – возразил я и спрятал клинок в ножны.

Знаю я свой меч. Резануться, как испить воды. И на него, живого-вострого, мастер нужен. Вот и показал случай, что еще не умел я в этом деле. Подтверждением будет. Отстанут от меня теперь.

Но ошибся. Народ непреклонным оставался.

– Мы затеяли это, – кивнул парень, и остальные поддержали, – потому что показать надо: сильные мы тоже.

– Воину? Доказывать силу? – а про себя добавил: «доказал уже, напоил не только пылью меч».

Храм по зубам не всякому, но забывается это до времени, пока новичок не лезет на рожон или рожон его сам не ищет.

– Не кривись, Инланур, – эльфийка заныла. Волосами

зачем-то взмахнула черными, чистокровный ирланский восток. – Помнишь, говорила я, ученики к тебе просятся? Не подарок ли?

– Тот же магический, – вступил в разговор третий рот, и парень на дыру указал. Светлеет пыль, видно виновников. – Вон штуки делает какие. Только – пыльно с них! Утрите! – повылазившие, вняв ему, захлопали глазами. Ко мне эльф снова обратился: – С преподавателями мы поговорим.

Я тронул меча эфес, промолчав еле-еле. Считает мой народ, что обязываюсь я положением. Учить остальных. Между тем – уважения как с дварфом. Хорошо, что не за клыки тут меня принимают. Этого я бы не вынес! Распоясывается всякий млад, стóит за пределами родины встретиться, в месте, где, считают, границы крови стираются… Считают зря.

– Детские забавы, – скривился я, стараясь помягче недовольство выразить. Не поймут, коли в Уме мы, а не на земле Ирлангёна. – Не интересует. Возня это… в песочнице, – помусолил на языке, да и изрек эту фразу карпскую, разговорное слово.

– Помог бы своим! – последним зовом девушка крикнула. Глаза мокрые. Когда надо, любая эльфийка слезу вовремя пустит.

– Я сам по себе, – отрезал, наконец. – И я не единственный, кого попросить можно. Вы знали это.

– Задушевно, но ты мне как раз нужен, – вдруг Шоколад-

ный рядом возник, но никто возмущаться не стал. Взволнован парень. – Там проблемка маленькая. Кто-нибудь владеет «запирающим сны»? У нас тихоню прорвало – я о ней до сего дня сам не слышал! Ее, оказывается, так задевало, что ее никто не замечает. Ну не дурочка?

– Что там? – ахнула эльфийка, и на карпском уже. Ладошка у губ.

– Там очень сексуальный миф, – выразительно бровями повел Шоколадный. – Очень. Прям очень.

– Шоколадный говорить зря не будет, – смотрю, как парни воодушевились. Фыркнул синхронно с девушкой, а друг усмехнулся:

– Прототип взяла с себя. И так измазалась краской, что одежда не пригодилась. Там есть на что посмотреть. Но к делу, кто заклятие знает? А то бомбанет…

Вдруг пол ходуном – и в сторону. Эльфийка вскрикнула. Остальные попадали молча. Еле я один удержался.

– Она вышла из башни, – оценил сразу друг и ладонь приложил к полу. – Ага, и танцующее море с собой привела. – Оттопырил ухо, добавил: – И великанов из камня. – Принюхался. – И угли, конечно! Они за карликами экспериментальными летали, столько визгов было. Я заценил.

– Обратимся к корпусу мозговому, – промолвил эльф.

– Менталам нужен неподвижный объект. И что они с ее мозгом сделают? Копаться во внутреннем мире – не шутки. Даже если он наружу вышел.

– А предсказатели?

– Сечешь, Нур, – глаза Шоколадный вылупил и с пола поднялся. Я вынул из ножен меч. – Сумасшедшее людей не сыскать. Стоит попробовать.

– В какой стороне эта башня? Я к ядру – меч при мне.

– Туда, – указал Шоколадный, и бросился искать предсказателей.

Оружие я перехватил удобней. Не шутки это – душевный мир. Какие там тайны? Насколько темны? Желания там как долго скрыты? От себя самих прячемся мы яростнее, нежели от посторонних.

Пол залило водой, когда уже бежал. Чуть не поскользнулся. Значит, близко море из снов. Услышал вдали странный вой…

И визг девиц близкий его перекрыл, и непонятно, от людей он или от народа моего.

Я не заметила, откуда они вынырнули, эти мелкие зубастые твари, больше напоминающие химер, чем какое-то живое существо. Девушки носились по коридорам, защищая лицо, стараясь найти укромное место или лучше комнату, которую можно было бы запереть на ключ.

У существ были несоизмеримо большие, по сравнению с остальным телом, пасти и тоненькие конечности с крючками-коготками – потому, один раз запутавшись в волосах, зубоскалы грозили остаться в них вечными колючками. Но я-

то знала, что не длина волос воодушевила их на меня напасть – я видела, как их глаза загорелись от вида запекшейся на моей щеке полосы крови. Они радостно трепыхали крылышками.

А в моей голове вертелось лишь одно, как на ракушечном повторе:

«Я вам это припомню».

Кому – «вам»? Ах, это было так неопределимо, и оттого меня разрывала злость! Никто не виноват – так сложилось. Вот именно – так сложилось! Почему все сложилось так?!

– Выш-ше… выш-ш-ше… Быс-с-стрее…

Новый голос просочился сквозь гул мыслей, как неожиданно пол ушел из-под ног.

– ЧП на нижнем! Уррра!

– Во круто…

Я вскочила раньше остальных, но тварь все равно цапнула меня за руку. Потом в существо попало заклинание. Догадались, наконец-то, *умники*…

Все выше и выше. «Выш-ш-ше… выш-ше… беги-и-и…». Нотки в голосах были сочувственными (кажется), среди всего этого ора. Но сейчас это сочувствие раздражало. Вдогонку к магии студентов, которые вдаривали ее несоизмеримой дозой – либо малой, либо большой, норовили попасть друг в друга или опять проломить стены. Со мной бы такого точно не случилось.

Я бы – точно – справилась.

Как оказалась под крышей, совсем не помню… Внутри жгло, и если бы не твари, летящие по пятам – хотя холод заставил некоторых потерять мой след, а чем выше по лестнице, тем температура становилась ниже – если бы не эта раздражающая погоня, я бы схватилась за звездное сплетение и остановилась, не выдержав.

Но думать было некогда. Потому я без мыслей взлетела на последнюю ступеньку лестницы, толкнула потолок – иначе зачем здесь лестница? – крышка люка сразу поддалась, и прежде чем в меня впились ненасытные зубы, я захлопнула люк. Задницу обожгло холодом. Камень везде на полу.

Я схватилась за волосы.

Гулкий удар сообщил о попытке пробраться наверх. Но она провалилась. На глаза чуть было не навернулись слезы – да что со мной происходит? – и захотелось заорать в голос, чтобы слышал только бескрайний лес. И небо. Ты, багровое море, которое закрылось от меня!

– Эй!

Тут кто-то был… Я испуганно обернулась. Парень… Всего лишь какой-то парень! Еще и хмурясь на меня глядит!

– Что?! – крикнула я. – Что не так!

– Так не врываются! – в ответ заорал он. Видимо, не собирался повышать голос, но я его заставила. Он подобрался. Стал жестким. Встал…

Это он!

– Да что вы ко мне привязались! – я тоже поднялась. Душу

– распирало!.. – Покоя никакого! Это ты на сцене был! И играл! И так!.. – я схватилась за грудь, не в силах вынести возникшую резь. Это он виноват! Это из-за музыки! Из-за него, человека, людей, их… *я не хочу!*

– А ну замолчи! – грозно двинулся он. Я отступила. Сердце в груди било… Да как он!

– Отойди! – сделала шаг назад. – Все из-за вас! Из-за людей!

– Ты!

– Уйд…

Он схватил меня крепко за руку. Ощущение невесомости накрыло с головой… Внизу ничего не было. Падение в какие-то секунды – и я бы разбилась у подножия Ума. Алое небо на мгновение стало светлее, когда на меня наплыл страх. Внизу зашумела вода, которую я не замечала. Макушки близкого и одновременно далекого леса, отделенного от университета сплющенным порталом, контрастно выделялись на фоне тонущей во мраке природы. Еще низко завыло вдали…

Руку начало щипать, и я вырвала ее из хватки. Выдохнула, потирая. Парень смотрел на меня, не отрываясь, но пока не кривясь.

– Ты на крыше. Хоть это имей в голове, – и тряхнул рукой, посмотрев на ладонь. Видимо, не только мне откликнулось, как он меня слишком сжал. Спас, идиотку.

– Спасибо.

Вытерев ладонь о штаны, он отошел на прежнее место, бросив на меня взгляд ненависти. Я осталась стоять. Внутри уже ничего не взрывалось, а только туго тянуло. И еще я чувствовала себя виноватой.

Он взял гитару и прошелся по четырем струнам. На небе блеснуло – там, и здесь, и тут. Сейчас опять со мной начнется…

Но парень только бездумно перебирал струны, очевидно, чтобы отвязаться от меня. Я опустилась на камень, отвернувшись. Впереди был темнеющий лес, макушки которого в последний раз за сегодня озолотило солнце. Площадка, служившая крышей башни, замерзла травой, из моего рта вырывался пар. Я втянула в себя морозный воздух. Музыка повторила мелодию – грубую, набиваемую просто так.

Вот и еще одному дню конец.

Глава 21. Змеи

Бросив взгляд на мою работу, дэа Иримах, заведующий отделением температур, смерил основательно меня с головы до груди, задержавшись особо на области носа, – почему-то все преподаватели любили смотреться в мои очки – и размашисто и непонятно расписался в ведомости.

– Вы определились с отделением, дольче Гранд? Идите на яды. Своим кислым видом вы отравите кого угодно. А здесь вам делать нечего.

Он сразу переключился на другого студента, одинокой соломинкой стоявшего чуть поодаль. Его неотрывный взгляд из-под строгих бровных дуг (бровей у преподавателя не было) заставил парня изрядно занервничать.

– Мне нужны от вас не кулинарные изыски, а нормальный доклад о размножении бактерий в бульонной среде и определении температуры, соответствующей допустимой степени риска для организма, – двигалась только челюсть мужчины. – Но единственное, что я осознал, читая ваше словотворчество, это то, что я никогда в жизни не попробую мясной бульон вашего приготовления. В нем нету соли.

На крайних рядах захихикали, провожая понурого студента вон из класса. Я была уверена, что первым, что он сделает, выйдя за пределы комнаты, будет затаптывание собственного реферата, потому как неприличный знак грозит

нерадивому ученику ожогом лба.

Пока я думала об этом, нарвалась на повторный взгляд дэа Иримаха и теперь поспешила покинуть аудиторию. Уже за дверью, с замерзшим по привычке сердцем, я открыла последнюю страницу, где должна была стоять отметка за работу. Сто баллов. Секундное счастье, и сердце вновь рухнуло вниз. Ну… как же иначе – я писала по холоду.

И этот факт заставил меня съежиться внутри еще сильнее.

В коридорах на одном из этажей пахло розмарином и акацией. Именно такой душок был от заклинаний, которыми воспользовались предсказатели, устранявшие последствия вырвавшихся сновидений. Девушка, которой не повезло показать всему университету, что ее так тревожит и о чем мечтает ее бедная несчастная душа, спала уже две недели – маги перестарались.

И вот уже столько времени некоторые студенты обходили этот этаж: сильная аллергия привела уже десятерых на больничные койки. Для меня же этот путь был самым коротким до библиотеки. Под далекий рев, на который я уже привыкала не обращать внимания – младшим объясняли, что возникает он непонятно когда и непонятно откуда и так же внезапно кончается – я быстро шла по коридору.

А за окном еще весело мерцали снежинки.

Не тратя времени на библиотекаршу, игравшую со всяким входившим в прятки, я прошла к каморке, осторожно заглянула – целую минуту невидимка не подавал голоса, и теперь

я убедилась, что его сегодня здесь нет, – за столом была куча книжного хлама, видимо, кто-то сюда тоже захаживает, помимо меня, и забывает убираться. Однако стеллажи из книг стояли ровными и нетронутыми. И пока мне никто не мешал, я сбросила на пол тряпичную сумку, которую нашла сложенной конвертом во внутреннем кармане моего единственного рюкзака – предусмотрительная Влада, – и начала с самого ближнего стеллажа у двери.

Я давно уже думала об этом. И теперь возможность у меня есть.

Пусть я ноль в земной магии, все равно есть что-то, что должно сработать, что должно обойти дурацкую систему «немаг – ничего не стоишь». Обязательно должен быть способ найти Ковена без моих сил. Иначе зачем я торчу здесь, тратя драгоценные два года непонятно на что? Знания на занятиях были иного рода, я не могла никого попросить о помощи, поэтому собиралась найти нужную информацию сама.

Только бы мои ожидания оправдались.

***

Первый день вышел неудачным. Что ж, я к этому была готова. Я просмотрела все корешки, которые стояли ровными рядами, даже начала разбирать книги, в беспорядке разбросанные по столу. И хоть они касались возвращения и про-

буждения силы, мне это не подходило… Но здесь же должны быть книги для «обычных»? Ведь учатся в университете те, кто в магии совсем не разбирается. Универ же Универсальный. Должно быть что-то…

С этими мыслями я вернулась к себе. Отдаленно надеялась не встретить сейчас Лорису, не хватало еще ее показного равнодушия, пусть уж лучше вечером, когда мое настроение вернется в норму. Я толкнула дверь и сначала решила, что ошиблась комнатой. Потом же сильно изумилась.

Единственное, что осталось нетронутым и стоящим на своем месте, была коробка зеленого чая на моей части подоконника. Ее сосредоточенно изучал долговязый студент с примятой на левой стороне головы шевелюрой. Он заметил меня:

– И помогает там… ик… от запоров?

Я, честно, забыла ответить. Стояла с разинутым ртом: по всей комнате были разбросаны вещи, и мои, и Лорисины, стулья валялись ближе к выходу, плащ соседки третий раз перекручивал вокруг оси еще один подвыпивший парень. В общем счете в комнате находилось пятеро незнакомых субъектов, ни один из которых трезвым не был.

За спиной кто-то остановился и тоже ахнул. Я обернулась – девочка с часто встречающейся внешностью вылупила глаза, затем глянула на меня и быстро исчезла. Я вошла внутрь.

– Йа-я… не понял! – замотал головой другой парень, вылезая из-под моей кровати. – Где он сказал… искать? Икг!

– Здеся, – убежденно заявил другой, стукнув по полу – и потер костяшки. – Точно здеся! Мы не могли… ошибиться, не-ет!

– Может, это? – студент потряс моим чаем. – Тут, может, не только листья… зеленые. Ик!

– Нет, там только зеленые, – уверила я, перехватывая картонную коробочку и обводя всех взглядом. – Вы что здесь ищете?

– Гкк-га… га… газету, пхчи! – сказал один.

– Тут должна быть! Друг наш сказал почитать… – прикрыл рот второй и показал пальцами «извинения». – Почитать принести.

– Это женская комната. Почему ищете здесь? – я не дала долговязому снова завладеть чайной коробкой.

Теперь парни начали долго икать. «Молча». Один упорно поднимал глаза на нижнее белье, которое он как-то умудрился нацепить на голову – благодаря Лорисиным формам у него появились ушки на макушке – но так и не смог разглядеть, каким стал красавчиком. Лориса бы этого не увидела.

– Драж-ж-жайше… дрож-ж-жим… извин-ните… – задышал на меня перегаром долговязый. Я, морщась, толкнула его по направлению из комнаты.

– Мы прибир… р-р… ремся…

У последнего студента я отобрала соседкин плащ из размякших пальцев. Повернулась лицом к комнате. Вздохнула тяжело. Так друзья Ридена еще самые цивилизованные на

моем веку!

– Миленько здесь! – захихикали за спиной.

В дверном проеме стояло несколько девиц, бывшие для меня все на одно лицо – различались только цветом волос. Брюнетка, брюнетка, шатенка, блондинка. Я кивнула им, улыбнувшись, и захлопнула перед их носами дверь.

Но они оказались голосистее и шустрее.

Пока я шла к окну, чтобы вернуть на подоконник зеленый чай, нужный для приготовления оборотного зелья – близился мой новый лунный цикл в этих стенах – дверь открылась, и вся компания зашла в комнату. Последней была симпатичная девушка с золотистыми волосами, чей тусклый цвет был заметен мне даже от окна.

– Вот это да! – оглядела одна из них учиненный разгром. – Убираешься по-генеральски!

– О, еще и шутница пожаловала, – пробурчала я себе под нос. – Девочки, не пачкайте свои хорошие личики. Свалите отсюда.

– Манеры под стать окружению, – ядовито улыбнулась блондинка, осмелевшая подойти ближе.

– Тут можно присесть? – неправдоподобно звонким голосом молвила шатенка – точно, это она убежала пару минут назад – и тут же плюхнулась на Зелкимову кровать. – Ларинетта, я заняла тебе место!

Кажется, я начала понимать, кто они такие. Я слышала имя Ларинетты, девушки, которая сейчас очевидно разду-

мывала, не смыться ли ей отсюда одной, оставив странных подруг. Она стояла, скрестив руки в браслетах на груди, золотые волосы вились, красиво падая на плечи. Ее внешности завидовали все блондинки храма, некоторые рисовали родинку на щеке, точь-в-точь как у нее. Я встретилась с ней глазами, и взгляд ее, бывший потерянным, сразу помрачнел. Ну, и что ей от меня надо?

– Фу, сколько здесь алкоголя, – сморщила нос одна из брюнеток. – Так ты еще и выпивать любитель.

– Чем обязана, дамы? – решила я перейти сразу к делу. Но девочки захихикали и будто пропустили мои слова мимо ушей:

– Угостила бы что ли. Мы иногда пробуем эль.

– Это не эль, это водка!

– Водка? Что за зверь?

– И как ты еще держишься? – «посочувствовала» Лира, пока остальные смеялись. Шатенка принялась поднимать одежду с пола, осматривать ее критично и кидать обратно. – Я бы на твоем месте давно сбежала бы отсюда. Тяжело ведь: ничего не умеешь. Да еще и блатница. – Лиринетта просверлила меня глазами, но только в злости своей она меня не убедила. Будто испугавшись моих догадок, она быстро обернулась к подругам: – Девочки, пойдемте. Помойка же, а не жилье.

– А здесь что такое? Какие-то колбочки.

– И называются они «личные вещи», – сказала я, отби-

рая рюкзак. Еще бы до других ингредиентов для зелья добрались. И так их в обрез.

– Девочки, мы уходим, – повторила Лиринетта, но в этот момент комнату огласил истошный ах. Мы разом вздрогнули и обернулись на дверь.

– Вы что здесь творите?!

Лориса пришла.

…Я никогда ее не видела такой злой. Шатенка заголосила и выгнулась, когда ее тело как на крючке поднялось в воздух. За ней последовала черноволосая, ухватившаяся за шею сзади.

– Это не мы! – попыталась крикнуть Лиринетта, но ее потащило по полу и ногами вперед выкинуло из комнаты. Сверху на нее свалились подружки, ударившиеся о стенку.

Дверь захлопнулась махом и треснула посередине. Я отступила назад, но Лориса лишь дала мне пощечину взглядом.

– Это твои проблемы! Разбирайся с ними сама! – она была точь-в-точь коршун. – Чтобы еще раз такое сделалось с комнатой – вышвырну отсюда и не поморщусь!

По воздуху залетали предметы, и меня двинуло несколько раз по голове – я наконец пригнулась. Когда же Зелким наткнулась на помятый плащ – как хорошо, что я успела его выпустить из рук! – девушка взревела пуще гидры. Предметы закружились вдвое быстрей, аккуратно вычищая ее половину комнаты. Я наблюдала с корточек, как книги и скляночки

с зельями чинно расставляются по полочкам, разглаживается покрывало на кровати, а одежда занимает положенное ей место в шкафу.

– Все годы в универе ни разу не запирала дверь! А ты появилась!.. – выкрикнула Лориса, и над ее кроватью, постепенно захватывая полки, тумбочку и шкаф, замерцало пурпурное поле, местами больно искря электричеством. Девушка, поглаживая фиолетовый атлас плаща, будто жалела раненого питомца, произносила слова заклинания, в которых было очень много «з».

Нет бы со мной поделилась. Теперь уж точно мне не помешает защитная магия.

Я открыла рюкзак и заметила, как в нем не достает одного предмета. Испугалась в тот же момент, как пропажу на своей кровати заметила Лориса: она кинула в меня гематитом, и я еле успела поймать, прежде чем камень цвета железа впечатался мне в глаз. Ох уж эта ведьма…

Тем временем соседка села по-турыкски, открыла книжку и притворилась, что я для нее не существую. Половиной комнаты, упираясь в поломанную дверь, уже полностью завладело слабо мерцающее желтыми всполохами поле. Я сунула гематит обратно в рюкзак.

Повезло, что Зелким в минералах совершенно не разбирается – даже на полках у нее стояли покупные настойки, – если бы это было не так, весть о том, что я готовлю какое-то странное зелье, разнеслась бы уже по всему комплексу, здесь

иначе не бывает.

В прошлый раз я смогла пробраться в подземельный класс и воспользоваться одним из котлов незаметно. В этот нужен еще один вариант, я вполне могла нарваться на Умбрада, или бы он начал замечать, что ингредиенты из его основного запаса потихоньку начали пропадать – у меня вот заканчивался зеленый чай от Влады. Я повертела в руке коробку и под смурое сопение Зелким поставила обратно на подоконник. От стены под окном отсыпалась крошка, открывая брешь. Хм.

***

Золотая грива направлялась сюда, это хорошо. Успею перехватить, пока…

– Шоколадный, а когда газеты будут?

Вздохнул. Вот обидно даже. Мне иногда кажется, что меня воспринимают как какого-нибудь журналиста. Нет бы просто по душам поболтать, пожелать друг другу доброго здравия – в нашем-то Храме актуально. А они все с просьбами, с вопросами, Шоколадный сделай то, Шоколадный сделай это…

– Слушай, красавица, – обратился я уже к пятой надоедливой за этот день, – я до тебя уже двум людям сказал. А вчера еще четверым. Ну нет сейчас хода наружу. Ты вой-то вообще слышишь? Вот как уляжется, так и принесу газе-

ты, всем рядком почитаем. Самого интерес берет, что там в мире творится!

Девушка с тонюсенькими косичками повеселела, а я успел перехватить ее за локоть, пока она не сбежала:

– Всем это передай, а? А то я ж вредный стану.

Она кивнула и унеслась прочь.

Ларинетта подходила все ближе. Недовольная, взгляд в никуда.

– Шоколадный! – снова меня оторвали. Я указал в сторону, куда побежала косичковая:

– Вот к ней по газетам! Догоняй!

– Да я не про то. Что на ветряном по поводу рева говорят?

– Да что про него говорить могут, – пожал я плечами. – Ну появился. Ну где-то далеко. Третий год уже так, если не дольше. Преподы открещиваются. Еще на меня повесили доклад по характеру звуковых волн, будь он неладен.

– Помочь?

– Ты ж на огневом, парень, – улыбнулся я. – Нормально. Спасибо за помощь. Мне не впервой.

– А про Зелким слышал? – произнес знакомый, заметив короткую Ларину юбку.

– Еще бы не слышать, – поморщился я. – Лора ораста, как сыч.

– И выглядит так же…

– Типун тебе, смельчак! Она может тебя услышать, –

Лиринетта заметила нас и начала аккуратно образовывать дугу. – Хотя вчера она на него всем походила.

– А сам-то ее не боишься? – усмехнулся парень.

– Я слишком многим полезен.

Золотогривая ускорила шаг, но я в два прыжка оказался с ней рядом.

– На тесты щит захвати! Там боевые будут! – крикнул мне напоследок знакомый.

– Привет, Шоко! – «обрадовалась» девица. – Как у тебя дела? Ой, больно же! Отпусти.

Но я крепко держал ее за локоть, чтобы она не смылась.

– Я вот знаю, что твои – не очень, Лира. Зачем вы вчера комнату растормошили?

Девушка мгновенно стала похожа на ящерицу, выдула из носа пар. Люблю такие очевидные проявления эмоций.

– У этой Лорисы язык когда-нибудь отсохнет. Не мы это были! Умела бы она слушать… Там такой перегар стоял, мама не горюй!

– Лора не болтает, она орет, – указал я на свое ухо. Девушка залилась розовой краской. – Но ты-то у нее в комнате чего забыла? Или Трушу искала? Сама знаешь, только ветер в курсе, где он ее носит.

– Да нужна мне эта бестолковая! – огрызнулась она и порвалась уйти, ослабив мою хватку пальцами.

– Тогда?

– Тогда – не твое дело. Пусти наконец!

Я выпустил ее локоть. Девушка с заметным облегчением потерла кожу и приторно улыбнулась.

– Неужели из-за новенькой? – сразу замерла. Поймал в ловушку! – Ой ли, Лира, она же такая серая. Я видел ее на концерте «Фениксов», – златовласка не знала, куда себя деть. – Там смотреть не на что. Непримечательная. Осторожная… или кого-то тебе напоминает?

Лира нахмурилась.

– Волосы еще как помело, горький каштан, – добил я.

– Ты никак стилистом заделался? – громко фыркнула Лира – и неубедительно. В глазах поселились молнии. – Тебя случайно «Фениксы» на подработке не держат?

– Им лишние рты не нужны. Да ты и сама знаешь.

– Ах… козел.

Я взгляд проигнорировал. Лира опять сделалась красной.

– Можно подумать, ты так уж петь хотела. Дайрек не слепой, знаешь.

– Знаю, поэтому пусть и не надеется, что я просто так уйду. Ему это тоже выгодно: ему популярность, мне популярность. Разговоры – да в нашем Уме! – группе на пользу: потом еще локти кусать будет, что не согласился сразу встречаться с прекраснейшей студенткой университета.

Я поднял брови.

– Это ты-то прекраснейшая?

– Мне повторить, что ты козел?

– И не встречаться, а играть в роман, – поправил я.

– Да разница? – девушка коснулась виска костяшкой согнутого пальца, будто устала. – Ум и не поверит, если все по-настоящему будет…

– То есть ты притворяешься, что соседка Лоры тебе не нравится.

Лиринетта долго буравила меня.

– Ну и репей ты, Шоко. Нет, в этом я не притворяюсь… Да я вообще ни в чем не притворяюсь! – опомнилась она. – Чего пристал?!

– Долг обязывает.

– Иди своей дорогой! Сам-то – чего за нее заступаешься, а?

– А у нее глаза мои, – вспомнил я и потрогал свою прядь волос. – Мой цвет.

Лира округлила очи и не нашлась на это. Фыркнула, как дракоша, и ушла побыстрей, тренькнув браслетами, пока я снова ее не остановил.

Мда. Душа девушки – темна, как тайны зеркала. Насколько я слышал, новенькая была из «обиженных», магия до сих пор не пробудилась. Френсису что ль на нее намекнуть? Подтянул бы.

Кстати, о преподах. Почему они всегда на эти лица надеются? А если какое-нибудь из них поломается и не укроет защитным полем универ, когда будет нужно? Хватит ли магии студентов? Перестраховка – как пустой звук. Лингинден бы сказать об этом. А то не дело, что никто не зна-

ет, что эти лица такое и как они работают.

– Дольче Ферд, – услышал я как по заказу. Оказывается, стоял все это время около ее кабинета. Заместитель директора вышла на свет. – Вы ко мне, дольче Ферд?

Глава 22. Смерч

Лингинден перебиралась от парты к парте грузно, впрочем, это ее нисколько не смущало. Казалось, она сосредоточена на чем-то своем, что не мешало ей раздавать тесты в правильном количестве и порядке.

– Определение уровня ваших профессиональных навыков. Определение уровня вашего магического умения. И ряд вопросов по действиям, предпринимаемым для выживания в экстремальных условиях, – громко произносила она.

Когда очередь дошла до меня, первый курс заметно оживился. Я нахмурилась, делая вид, что не замечаю их ухмылок и взглядов, сошедшихся в одной точке – на мне. Ибику и его дружок старались чуть ли не усерднее остальных. Так хотелось выразить, что меня от них тошнит. Но приходилось терпеть – не под взглядом же Лингинден.

Несколько часов было потрачено на решение тестовых задач, и на это время студенты потеряли ко мне интерес. Я не особо заботилась о результате. Хотелось поскорее выбраться из этой аудитории и зайти к библиотекарю за новыми книгами – на этот раз от меня баба-яга не отвяжется. Я ее достану. Надо больше библиотеки иметь, чтобы учащиеся сами ломали головы, перерывая книги, а мои давно закончились.

Экзамен, завершающий этот триместр, я не потяну, значит, мне надо побыстрей раздобыть способ поиска челове-

ка или тот, который бы помог мне скрываться от звездной стражи. Жаль, я не подумала о последнем раньше, столько времени потеряла.

Выходящий из аудитории – каждый – считал своим долгом задеть меня своими частями тела. Как теперь плечи болят. Некоторым, впрочем, я тоже оставила взамен подобный подарочек.

– Бывать болит, да? – оскалился Арпику, единственный «пожалевший» меня и мои бока, и захихикал, как хрюшка. Его владение карпским так и не улучшилось.

– Болит бывать, – передразнила я и с непроницаемой миной прошла мимо. Он выпучил на меня глаза от такой выходки. Все бы так реагировали и *молчали*.

В нужную мне башню прохода не было – ах вы студенты, которые позволили себе лишнего! В наказание за вовремя не скрытую от преподавателей оплошность, всем теперь приходилось добираться до следующей горы пешком, а следовательно, и до возможности вновь пересекать Храм с помощью порталов. Ведь башни имели связь между собой только такую. Наверное, только подземелья соединены в одно большое, но я не проверяла.

Мы спускались к подножию горы по выступам, сбитым в подобие дороги матушкой-природой, шли минут пять до следующей башни и уже по лестнице, установленной заботливой студенческой рукой, забирались на площадку. Последняя уже зияла дырой – я слышала, как кто-то разнес утром

стену, послужив части универа будильником к первой паре. Зайдя на площадку, я залюбовалась этим грубым великолепием – дыра повредила еще и пол.

А затем я бросила взгляд на землю позади… Уже январь. Странное ощущение. Пороги, превратившиеся еще в один ряд гор – замерзшая вода только сильнее напоминала породные выступы, чем себя саму. Столбы башен будто свечи, которые кто-то забыл зажечь. Прозрачно-грязное небо, не отличающееся по цвету ни от чего внизу – только макушки леса служили незначительным разделителем. Все в снегу, все белое. И кто-то жалеет природу, тоскливо воя вдали…

– Загородила тут проход, – вырвал меня из оцепенения чей-то голос. Как я сразу Лиринетту не узнала, с ее подружками.

Надоели уже.

– Опять, – вздохнула я, отодвигаясь. Почему-то тянуло смотреть на лес. Стоять – и слушать далекий голос.

– Да уйди ты с дороги! Вообще!

А мне казалось, я освободила место. Девушки, взметнув волосами, гордо прошли мимо меня, а одна попыталась задеть плечом. Я сделала шаг назад.

Вой повторился. Какой же он печальный!..

Я не успела опомниться.

– Аа! Крома!

В тело врезалась земля, твердая и колючая от мерзлоты, и

я уже катилась к подножию горы, щупая камни, кочки, корни – все, что не упокоилось под снегом. Внизу моя спина, наконец, обрела опору, и из горла вырвался сдавленный хрип.

Я упала? Как так вышло?

Я – *опять упала*? Как в тот раз, мучительный год назад, почему это повторилось? Меня тогда Ковен прогнал.

Тогда мне было стократ больней.

Небо – серое и мутное. Такие у него глаза, у Ковена? Мне казалось, совсем другие. Синие, как Вселенная… Воет-воет в груди. Почему я это вспомнила? Почему закрыла ладонями глаза? Почему ты напоминаешь мне об этом, вой лесной?.. Я же только пережила. Я же тебя об этом не просила. Я же ищу его, я ищу…

– Эй-эй-эй! Ты куда? – я подбежал к новенькому фениксу, который очень странно себя вел: прислонился к стеклу лбом, будто его выдавить хочет, смотрит вдаль бесцветно, и как хочет окно открыть – пальцы по низу шарят. – Эй, Рабас. Да очнись ты!

– Шоко, – вымолвил устало. Протер глаза. Помотал головой. – Галлюцинации у меня?

– Похоже на то. У тебя реакция странная на заклятье какое? Ты куда направился?

– А что?

– Что – лица защиту включают. Вон, гляди, – и в этот момент как раз одно из каменных открыло глаз. А, рот от-

крыло, рот. Отсюда покажется.

– А чего включают? – не врубался Рабас. Я пожал плечами.

– Вой близко подошел. Такое уже было. Сходи в медпункт, а? – Рабас кивнул на автомате и поплелся, чуть не падая. Перезанимался парень, что ль?

Вдалеке ворочались макушки деревьев: гнулись и исчезали без звука. Красота-а!

– Любуешься видами, Шоко?! – взорвалось вблизи.

– Почему б не полюбоваться? – Лира, как всегда громкая, когда хочет впечатлить, одета с иголочки, лицо раскраснелось. Мечтайте, мальчики, о такой, мечтайте.

Вдруг я заметил, что лица-то на ней как раз нет.

– Храм! – дышала она. – Он-он… он закрывается?!

– Ну да, и чего кричишь, – сказал я.

Когда студентам грозила опасность, лица всегда так работали: сначала раскрывали рты, медленно, будто завязая во времени, и издавали слабый тягучий зов, как колокольный. В этом году только обленились, не поют.

– Не надо! – Лира почему-то смотрела на действо с ужасом. Ум уже начал исчезать – это было видно по другим башням, они постепенно таяли за невидимой пленкой. Ни окон, ни дверей – только горы. Скоро и лица, убедившись, что работа выполнена, исчезнут вместе со всеми нами. Вот еще трое разинули рты. А девушка раскрыла рот от страха.

– Да чего ты? Успокойся. Лица залатают ту дыру в сте-

не, на то они и…

– Здесь не все! – глаза фонарями и вытянула руку: – Там Крома! Снаружи!

Я осекся.

– Ты, наверняка, ошиблась, – произнес осипшим голосом.

– Нет! Она упала! Она случайно! Она, там… она же ничего не умеет!

– Ты успокойся, – погладил я девушку по плечу, хотя внутри нарастало обратное. Крома снаружи, когда лица уже начали работу. Мы еще целых три часа не сможем открыть изнутри Храм.

– Подождем. Всего три часа. Она же не глупая, спрячется, – всего-то надо быть поближе к Уму, где-нибудь под горным навесом, вой сюда не посмеет подойти.

У Лиры уже была истерика:

– Она к лесу пошла!!

Внутри все похолодело, аж до кончиков пальцев на ногах. Новичок, ничего не умеет, с непроснувшейся магией, не укрытый лицами, один – идет к лесу… О чем она думает? Кто ее укусил? Рабас?

– И… и там, – всхлипывая, тихо закончила Лира, – на ней нет куртки.

***

Лица начали исчезать. Сначала всё, что снизу, затем

присоединились лбы. Последними растворились глаза, долго-долго висевшие на скалах. Даже полегчало, когда их не стало, – было очень жутко видеть только их.

Спина постепенно успокаивалась. Снег похрустывал под ногами, забиваясь в брюки. Я запоздало вспомнила, что забыла на земле очки, когда упала. Валяются они сейчас где-то в снегу, поломанные. Потом придется новые доставать. Но это все потом. Я проваливалась в сугробы через каждые десять шагов, руки к холоду уже привыкли. Лицо уже приятно щипало. А по телу разливалось спокойствие… Чувствовала ли я себя так хоть раз за последний год?

Лес – далекий лес, пушащийся ветвистыми лапами, – медленно приближался. Именно так, а не я приближалась к нему. Это было странное ощущение: сколько бы я ни моргала – он то далеко, то сделать до него всего шаг. Всему виной, вероятно, бесцветное магическое поле, по которому разливались волны, как в каком-нибудь море. Как я вошла в это поле, я не поняла… Я не видела уплотнения воздуха, деревья по-прежнему качались, как птицы, не решающиеся взять с рук крошки; просто сделав очередной шаг, я обернулась – а Ум уже далеко позади. Я стояла среди крепких березовых и осиновых стволов. Воздух изменился. Я вдохнула полной грудью – здесь было спокойнее. Тихо, несмотря на пустячковый щебет где-то в глубине. Слегка ветрено. Может, потому и дышалось легче.

Я шла вперед, будто меня что-то туда вело. Глазела по сто-

ронам. Вроде все такое одинаковое должно быть… Но мне так не казалось. Дубы, березы, осины: они все были разные, места были разные, и дело даже не в том, как наклонялись друг к другу те или иные ветви, как гнулись под зимним мехом кроны. Здесь каждое дерево отличалось от своего соседа… Я видела, что вон та береза приютила на себе сороку. А вон та осина – она будто дышала, и я слышала ее дыхание, как слышала пение птиц. А вот молодое деревце – всего лишь деревце, каких полно в любом лесу.

Дальше все гуще, все разнообразнее. Вот уже начались сосенки. Вокруг деревья большие, но почему-то мне кажется, что там впереди они еще выше…

***

Я потянулась, отклеивая спину от дуба, и протерла глаза холодными пальцами. Я заснула? Сколько я проспала? Смешно: я и забыла, как это хорошо, находиться среди снега, чувствуя, как мороз оплетает тебя мягкими, белыми пальцами. Тело никогда не мерзло – внутри я сохраняла температуру, нужную для функционирования. Наверное, теперь она все ближе к человеческой.

Я поморгала, привыкая к яркой белизне, которой не требовалось много солнца, чтобы быть такой. Оглянулась, сообразив… что я не знаю, где нахожусь. Везде были одни деревья, я не видела вдалеке, ни над макушками шпили уни-

верситета. Я сюда… как-то дошла? Как? Почему? Я зачем-то вышла из Храма? В голове не было ни одной подходящей случаю мысли, только, помню, что я увидела Лиринетту, она выглядела такой уставшей, а потом… что произошло потом?

Вдруг я поняла, что здесь очень тихо. Ни одной птицы, ни одного звука от мелких зверей. Сверху приносит редкие хлопья слепленных друг с дружкой снежинок. Из-за этого кажется, будто и снег куда-то пропал…

И тут по лесу пронеслась мелкая рябь. Легонько затряслись многочисленные ветви, роняя белые пушинки на землю. Всего лишь чуть-чуть, деревья все так же стояли одетые. И вот пришла следующая волна, совсем скоро и сильнее. Я почувствовала, как затрясло от нее руки. А потом, через три секунды – мощная, оглушающая – принесла близкий рев.

Страшный!

Я выбралась из-под засыпавшего меня с дерева снега. Что это? Рев здесь?! Как? Он же был где-то… Я не успела додумать «где» – новый толчок. Теперь еще и земля. Я вскочила и рванула – куда-нибудь, до нового удара. И вот он сам – земля уехала. Я прокатилась частично на боку, на ноги – и бежать. Бежать, бежать…

Он скоро показался…

Он был огромен и по-настоящему страшен. Пасть – не знаю во сколько охватов. Глаза-миндалины – и белые, горящие, будто и вправду горят. Зубы отсюда казались сугробами. Носа нет – да и откуда у такого существа нос? В нем не

было ничего человеческого, и это неудивительно – за рядом сосен стоял смерч: живой, быстровращающийся, колючий – в стороны летели ветры, прогоняемые в нем центробежной силой, – и он был невероятно злой. Он разинул пасть – и мне пришлось зажать уши. Дикий вой. Потом под ним стали трещать стволы.

Он все время выл вдалеке, пока я в Университете… этот голос… О небо.

Я бежала. Чувствовала, как смерч размахивает своими огромными лапищами, в них вертится вихрь, – и деревья, как пушинки, отбрасывает в сторону. С корнями ли? В ста шагах грохнулась крона. Он меня уже заметил? Парализующий рев, полный ярости и – и чего? Хруст стволов. Несколько упало. Короткий рык. Ветер – нахлынул… Он меня заметил!

Топот – грузный! Быстрее, чем бы мне хотелось! Удар над головой – падает осина. Ломается, бухнув о землю. А меня подбрасывает. Вой. Бежать со всех ног.

Но вокруг же снег…

Я закричала. Зажала уши и, как дура, предалась крику. Спиной почувствовала, как березу мотнуло, когда в десяти деревьях от нее друг в друга врезались стволы. Но она устояла. Новый вой – долгий – уж не мне ли вторым голосом? Громкий бух. Земля опять затанцевала, как на углях, но я уже неслась. Не скрываясь. Зачем? Не хочу под дерево…

***

Я дышала. Пыталась расслабить легкие. Но не получалось. В какой момент стало тихо? Он вдруг отстал. Я перестала его слышать. Только кроны лопались. Вот упало еще одно дерево. Я дышала. Просто дышала, больше ничего не могла делать. Уже не чувствовала сердце – где оно, где мой орган? Мой человеческий орган…

Тебе бы расколоться от страха, наверное. Я бы позволила тебе, если бы знала, где ты сейчас находишься.

Спиной к коре я ничего не чувствовала – только ее, шершавую. Но должно же быть дрожание земли. Где оно?.. Почему я отправилась сюда, почему меня завело? Это он завел, этот смерч, воющий? Как мотылька какого-то… Я ничего не помню. Вокруг – будто пролетела стая южных насекомых – зимой! – и ничего не тронула, сгинула – почему? Я же ясно должна что-нибудь слышать, ну хоть что-нибудь! Я же чувствовала что-то раньше, где-то – в деревьях, в лесу – где это?

Только не затишье…

Страшно!..

Накликала.

Эпилог

– Уж вы-то не заводите истерику, дольче Ферд.

– Да побыстрее бы! – вот не умею я быть убедительным, оказывается!

Фрау Лингинден стояла напротив залатанной магией лиц дыры – той, над которой студенты постарались утром, – и смотрела в бинокль (обычный, нет? Агрр, мне бы ее спокойствие!)

Френсис подготовил группу наиболее универсальных магов, человек шесть, насчет медиков тоже подсуетились. И мы бы давно отправились, если бы не лица… Эх, впервые мне хочется разнести их, чтобы не задерживали! Сейчас же Лингинден никого вниз не пускала, несмотря на постепенно спадающую магию, наверное, объясняя это новыми «жертвами». Но я-то знаю, что она ради бездарности стараться не будет. Вот и вьюсь около нее, действуя на нервы, чтобы Крому из этой категории вышибло.

У Лиринетты лицо уже давно под цвет штукатурки. За все время она, кажется, вообще ни слова не произнесла.

Ведь мы видели, как исчезают деревья.

И Крома отсутствовала уже четыре часа.